

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт языка,
литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского федерального
исследовательского центра Российской академии наук

На правах рукописи

Темирханова Гульнара Каирхановна

**ОБЪЕКТИВАЦИЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЧЕЛОВЕКА
ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ
КУМЫКСКОГО ЯЗЫКА**

10.02.02 – Языки народов Российской Федерации
(тюркские языки)

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Гаджихмедов Нурмагомед Эльдерханович

Махачкала – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ КУМЫКСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ	12
1.1. История развития кумыкской фразеологии	12
1.2. История развития проблемы «объективация характера человека во фразеологических единицах тюркских языков»..	27
1.3. Вербализация языковой картины мира во фразеологических единицах	34
Выводы по 1-й главе	43
ГЛАВА 2. СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ВНЕШНИЙ ВИД ЧЕЛОВЕКА, В КУМЫКСКОМ ЯЗЫКЕ	45
2.1. Фразеосемантическая номинация внешнего облика человека в целом	45
2.2. Фразеосемантическая подгруппа «полнота» – «худоба»	70
2.3. Фразеологическая номинация возраста	75
2.3.1. Фразеологизмы, характеризующие период взросления человека	75
2.3.2. Фразеологизмы, характеризующие молодого человека	79
2.3.3. Фразеологизмы, характеризующие зрелый возраст человека	81
2.3.4. Фразеологизмы, характеризующие пожилой возраст	83
2.3.5. Фразеологизмы, характеризующие старый возраст	85
2.4. Фразеосемантическая группа, характеризующая походку человека	89
Выводы по 2-й главе	98
ГЛАВА 3. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮ- ЩИЕ ВНУТРЕННИЙ МИР ЧЕЛОВЕКА	100

3.1. Фразеосемантические единицы, характеризующие интеллектуальные свойства человека	100
3.1.1. Фразеосемантическая микрополе «умный – «глупый»	100
3.1.2. Фразеосемантическое микрополе «наличие или отсутствие внимания, понимания и памяти»	115
3.1.3. Фразеосемантическое микрополе «наличие и отсутствие знаний»	117
3.1.4. Фразеосемантическое микрополе «способность к мыслительной деятельности»	119
3.2. Фразеосемантическое микрополе «добрый – злой»	120
3.2.1. Фразеосемантическое микрополе «добрый»	120
3.2.2. Фразеосемантическое микрополе «злой»	125
3.3. Фразеосемантическое микрополе «искренний»	128
3.4. Фразеосемантическое микрополе «лживый»	130
3.5. Фразеосемантическое микрополе «честный»	133
3.6. Фразеосемантическое микрополе «черты характера, выражающие отношение к себе»	134
3.7. Фразеосемантическое микрополе «черты характера, отражающие отношение к вещам»	139
3.8. Фразеосемантическое микрополе «волевые черты характера»	141
3.9. Фразеосемантическое микрополе, характеризующее состояние человека	142
Выводы по 3-й главе	150
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	152
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	157
СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ	175
ИСТОЧНИКИ ЦИТИРОВАННЫХ ПРИМЕРОВ	176

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено изучению фразеологических единиц кумыкского языка, характеризующих особенности характера человека.

Во фразеологическом фонде кумыкского языка достаточно много ФЕ, образно и выразительно характеризующих внешний и внутренний миры человека, которые передаются от поколения к поколению, сохраняя менталитет народа, богатую культурно-национальную информацию и традиции. Выбор в качестве объекта исследования фразеологизмов, репрезентирующих характер человека, объясняется, прежде всего, тем, что данная фразеосемантическая группа, характеризуя человека с разных сторон, обладает большой функционально-семантической нагруженностью. Известный фразеолог А.Д. Райхштейн писал о том, что фразеологическая система языка отчетливо демонстрирует «двойной антропоцентризм» – с одной стороны, происхождение фразеологизма, а с другой стороны, особенности его функционирования в системе языка [Райхштейн 1980: 92].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения функционально-семантических особенностей ФЕ с антропоцентрической направленностью, что отвечает современным потребностям регулятивно-деятельностной парадигмы в изучении объектов языка и речи. В центре исследования находятся ФЕ, формирующие лексико-семантическое поле «характер человека». С одной стороны, эти ФЕ представляют собой когнитивный феномен, форма концептуализации окружающей действительности в сознании человека, а с другой – национально-культурный феномен: в рамках лингвокультурологического подхода фразеологизмы исследуются как культурно-значимые и национально-специфические единицы тезауруса языковой личности. Выявление, классификация и исследование образного потенциала этих фразеологизмов является **актуальной** проблемой современной кумыкской фразеологии.

Объектом исследования являются ФЕ кумыкского языка, содержащие в

своей семантике характеристики человека.

Предметом исследования являются функционально-семантические и этнонациональные особенности характеристики человека во фразеологической картине мира кумыкского языка.

Степень разработанности темы. Специальных исследований, посвященных изучению характеристики человека на фразеологическом уровне, тематически соотносимых с оценками внешнего и внутреннего мира человека, в кумыкском языкознании нет. В диссертации А. А. Айсякаевой «Структура и семантика глагольных фразеологических единиц кумыкского языка» [2009] содержится анализ ФЕ, выражающих действия и состояния человека, особенности его внешности, а также интеллектуальные способности человека. Отдельные особенности характера человека излагаются при описании структурно-семантических особенностей ФЕ кумыкского языка в работах М.И. Мугидовой [2005], С.З. Садыковой [2013], Ф.И. Даутовой [2014].

На материалах других языков, особенно русского языка, данная проблема исследована достаточно хорошо. В последние годы ученые обращают особое внимание на сопоставительное изучение данной проблемы на материалах разноструктурных языков. Проблеме объективации характеристики человека фразеологическими единицами языка посвящены работы Е.Г. Коваленко 2002, Е.В. Николина 2002, Л.Г. Гаркуша 2003, Балжинням Уранчимзг 2005, Т.М. Николюкиной 2007, Чжан Хун 2008, З.Т. Гайдаровой 2010, Е.А. Шериной 2010, Н.В. Филимоновой 2011, О.В. Доновой 2011, Е.Ю. Харитонова 2012, А.М. Тузлу 2012, Л.Ю. Буянова, Е.Г. Коваленко 2012, Чжоу Ханьжуй 2014, Ван Ливэнь 2014, Мазаел Одай 2014, Чжэн Гуанцзе 2013, Лиеу Тхн Хонг Фук 2016, Юй Фэнин 2016, В.В. Подгорной 2016, Ма Лин 2018, Ли Чуньли 2018, Ван Синьцзюй 2018 и др.

Цель исследования – выявить корпус ФЕ, характеризующих человека, объединить их во фразеосемантические группы, классифицировать и охарактеризовать группы фразеологизмов кумыкского языка, обозначающих опреде-

ленные черты характера человека, в семантико-стилистическом и этнокультурном аспектах.

Для достижения поставленной цели в работе ставятся следующие **задачи**:

1) показать состояние изученности фразеологизмов, репрезентирующих характер человека, в тюркском языкознании;

2) выявить корпус фразеологизмов, выражающих особенности характера человека в кумыкском языке, на основе лексикографических источников, произведений современных кумыкских авторов, а также полевого материала, собранного автором во время экспедиций;

3) определить семантическую структуру кумыкских ФЕ, выражающих внешние и внутренние характеристики человека, и дать классификационные характеристики этим фразеологизмам, распределяя их на фразеосемантические группы и подгруппы;

4) представить семантическое описание фразеосемантических групп, объективирующих особенности характера человека, на коммуникативно-прагматическом и функциональном уровне.

Источниками фактического материала являются фразеологические и переводные двуязычные словари кумыкского языка, произведения художественной литературы кумыкских писателей и фольклорные материалы. Выбранный нами для объективации характера человека корпус ФЕ включает достаточно представительный объем ФЕ.

При составлении корпуса кумыкских ФЕ, объективирующих особенности характера человека, мы опирались в основном на «Кумыкско-русский словарь фразеологизмов» Н.Э. Гаджихмедова [2014].

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что в ней впервые в кумыкском языкознании рассматриваются функционально-семантическая природа фразеологизмов, обозначающих особенности характера человека. Выявление и изучение коннотативных оттенков значений

ФЕ позволяет полнее представить фразеологизмы с точки зрения их эмоционально-оценочной характеристики и национального колорита. Впервые выделены фразеосемантические группы, репрезентирующие «внешний и внутренний миры человека» и предпринята попытка осмысления национально-культурного своеобразия ФЕ, входящих в данные семантические поля. Новым является и выявленный представительный корпус фразеологизмов, номинирующих особенности характера человека, в современном кумыкском языке.

Теоретической базой для исследования послужили совокупность понятий фразеологической теории, связанной с изучением фразеосемантических полей в тюркском и общем языкознании. В основе данного исследования лежат идеи и выводы, изложенные в работах В.В. Виноградова [1953, 1977, 2001], А.В. Кунина [1996], В.Н. Телия [1993, 1996, 1999], Е.Ф. Арсентьевой [1984, 1989, 2006], Ю.А. Гвоздарева [1973, 1988, 2010], Н.Ф. Алефиренко [1993, 2002, 2003], Ю.П. Солодуба [1985, 1990], Н.М. Шанского [1985, 2010, 2012], В.П. Жукова [1978, 1986], З. Г. Ураксина [1975], М.Т. Тагиева [1996], А.З. Абдуллаевой [2002], Е.В. Николиной [2002], Г.А. Багавудиновой [2007], Л.Р. Сакаева [2008], С.К. Башиевой [1995], Ж. М. Гузеева [2013], Р.Х. Хайруллиной [1999; 2000], Е.В. Тюнтешевой [2006] и др.

Цели и специфика описываемого материала определили выбор **методов исследования**: а) описательный метод, предполагающий интерпретацию и классификацию фразеологизмов, необходимых для систематизации эмпирического материала; б) контекстологический анализ, предоставляющий возможность исследовать особенности реализации фразеологизмов в контекстуальных условиях с учётом взаимодействия его структурных элементов; в) лингвокультурологический метод, который призван исследовать этнонациональные особенности ФЕ.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что она способствует решению проблем фразеологической семантики, теории фразеосемантического поля в современном кумыкском языкознании, систематизации

сведений о структурно-семантических особенностях кумыкских фразеологизмов, углубляет лингвокультурологический аспект разработки кумыкской фразеологии. Представленная в диссертационной работе интерпретация фразеологизмов может послужить основой для дальнейшего сравнительного изучения различных ФСГ в тюркских языках. Это, в свою очередь, открывает перспективу для будущих лексикографических исследований фразеологии кумыкского языка.

Практическая ценность исследования заключается в систематизации фразеологизмов, характеризующих человека, в кумыкском языке, в возможности использования его результатов в процессе обучения студентов и учащихся в вузах и колледжах, преподавании таких вузовских дисциплин, как «Современный кумыкский язык. Фразеология», «Стилистика кумыкского языка», при чтении спецкурсов по сравнительной фразеологии тюркских языков, сопоставительной фразеологии кумыкского и русского языков. Результаты исследования могут быть использованы и при подрачных типов подготовке фразеологических словарей кумыкского языка.

Достоверность результатов исследования основана на логичности привлекаемых теоретических материалов, на репрезентативности выборки эмпирического материала (общий объем его составляет более 500 фразеологических единиц), а также на валидности методологии и методов, используемых в данной диссертационной работе.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Разнообразные формы языкового выражения характера человека на уровне ФЕ широко представлены в фразеосемантических полях, репрезентирующих внешние и внутренние характеристики человека. Данные фразеологизмы вербализируют характерологические черты личности как представителя кумыкского (или тюркского) культурного сообщества, неравномерно распределяясь по группам ФЕ, что можно объяснить особенностями их лингвокультурного функционирования.

3. Фразеологизмы, объективирующие внешность человека, содержательно репрезентируют широкий спектр этических и культурных традиций кумыков, используя разнообразные культурные коды – зоонимный, растительный, артефактный, природный, религиозный, соматический и др., среди которых высокой степенью функциональной активности отличаются артефактный и зоонимный коды. Носителями определённых культурных и этноспецифических значений являются предметы быта.

4. В языковом оформлении фразеологизмов, характеризующих внутренний мир человека, особой активностью отличаются соматический, зоонимический, фитонимический и артефактный культурные коды. Из них преобладающими являются зоонимический и соматический коды, что объясняется схожими параметрами человека и животного.

5. Фразеологические единицы, характеризующие человека, могут содержать отрицательную (неодобрение, порицание, иронию или презрение), положительную и нейтральную оценки. Для кумыкского языка, как и для многих других языков, характерно преобладание фразеологизмов с дерогативностью, актуализируя оценочность, экспрессивность, эмотивность в семантике ФЕ.

6. В фразеологизмах, характеризующие человека, представлены разные структурно-семантические типы:

а) субстантивно-субстантивный тип, представленный изафетным словосочетанием, характеризующим человека (*тана гёз* «лупоглазый»);

б) адъективно-субстантивный тип (*къара йылан* (досл. чёрная змея) «смертельный враг»);

в) адъективный тип, состоящий из сочетания двух прилагательных, как правило, цветового первообразного и производного прилагательного с аффиксом *-лы* (*къара юзлю* (досл. с черным лицом) «нечестный, коварный»);

г) именной предикативный тип, представляющий собой сочетание субстантива с аффиксом принадлежности 3-го лица единственного числа и прилагательного в постпозиции: *ичи къара* «злой, злопамятный человек»;

д) субстантивно-глагольный тип (*къанына къаралмакъ* «прийти в бешенство, озлобиться»);

ж) субстантивные и адъективные типы ФЕ представлены в фразеосемантических группах, характеризующих внешне наблюдаемые особенности характера человека, а глагольные структурные типы используются преимущественно для ФСГ, репрезентирующей «состояние человека. Они отличаются явной и прямой характеристикой, тогда как глагольные фразеологизмы имеют своей дифференциальной особенностью косвенную характеристику человека. Все рассматриваемые фразеологизмы имеют образно-метафорическую основу и принимают участие в создании этнокультурной языковой картины мира кумыков.

7. С точки зрения гендерной соотнесенности в фразеосемантических группах, характеризующих человека, выделяются универсальные, фемининные и маскулинные фразеологизмы. ФЕ с гендерной ограниченностью используются чаще всего при характеристике внешнего вида человека, его статуса и поведения, некоторых физиологических особенностей человека. Отмечается превалирование универсальных фразеологических единиц в языке по сравнению с гендерно ограниченными фразеологизмами.

8. Фразеологических единиц полисемантов, репрезентирующих несколько характеристик человека одновременно, в кумыкском языке немного. В основном рассматриваемые фразеологизмы являются монохарактерологическими.

Апробация работы. Результаты исследования докладывались и обсуждались на заседании грамматических исследований Института языка, литературы и искусства Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, были представлены на Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Республика Башкортостан, г. Стерлитамак. 10 декабря 2019 года. – Уфа, с. 79-83).

По теме диссертации подготовлено и опубликовано 10 научных статей, 4 из которых – в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Структура работы обусловлена поставленными целями и задачами исследования и состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы списка лексикографических источников и источников цитированных примеров библиографии.

Во введении сформулирована актуальность исследования, установлен его объект, цель, задачи, показана степень разработанности рассматриваемой научной проблемы, описана научная новизна, раскрыта теоретическая и практическая значимость исследования и его гипотеза, а также определены основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе описываются базовые теоретические предпосылки и методологические основы исследования фразеологии кумыкского языка и проблема изучения ФЕ, отражающих характер человека, в тюркском языкознании.

Во второй главе анализируются различные фразеосемантические группы и подгруппы, характеризующие внешний мир человека.

В третьей главе выделены фразеосемантические единицы, характеризующие интеллектуальные свойства человека, фразеосемантические поля «добрый – злой», «прямодушный», «лживый», «честный», черты характера человека, проявляющиеся в отношении к самому себе и к другим предметам.

В заключении подведены основные итоги исследования.

В списке литературы приводится перечень использованной научной литературы, лексикографических источников и источников цитируемых примеров.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ КУМЫКСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

1.1. История развития кумыкской фразеологии

В кумыкском языкознании термин *бирикген сѣзтагъым* (досл. связанное словосочетание) появился в 80-е гг. XX в. Через русский язык был заимствован и сам термин «фразеологизм», который употребляется параллельно с кумыкским термином *бирикген сѣзтагъым*. В своих исследованиях К.Х. Даибова пользуется также термином *фразеология сѣзтагъым* «фразеологическое словосочетание» [Даибова 1981: 5]. До семидесятых годов прошлого столетия кумыкская фразеология специально не исследовалась. Внимание ученых было сосредоточено только на составлении словарей. В кумыкском языкознании были собраны и тематически классифицированы пословицы и поговорки, а фразеологизмы стали объектом научного описания в 70-е годы прошлого столетия.

Первой работой, посвященной изучению основ фразеологии кумыкского языка, была кандидатская диссертация К.Х. Даиловой, в которой с опорой на исследования академика В.В.Виноградова установлены отличительные черты фразеологических единиц и свободных словосочетаний, проведена классификация кумыкских ФЕ в аспекте семантической спаянности их компонентов и частеречного статуса составляющего фразеологизм ключевого слова [Даибова 1973].

В дальнейшем ею было подготовлено пособие для учителей кумыкских национальных школ под названием «Къумукъ тилни къысгъа фразеология сѣзлюгю» («Краткий словарь фразеологизмов кумыкского языка») [Даибова 1973].

В 1981 году выходит ее же «Кумыкско-русский и русско-кумыкский фразеологический словарь» объемом в 88 страниц [Даибова 1981]. В предид-

словии к работе отмечается, что в словарь включены наиболее употребительные в речевой практике фразеологизмы кумыкского и русского языков. Неактуальные, устаревшие, малоупотребительные, а также грубо-просторечные ФЕ в словаре не приводятся [Даибова 1971: 3]. К сожалению, некоторые обещания автора оказались нереализованными в этом словаре. В словарь попали лексические единицы, которые не являются фразеологизмами, например, в кумыкском языке нет таких фразеологизмов: *артындан таш атмакъ* «забросать камнями», *асыл адам* «человек редкой доброты», *багъыйлы адам* (тиштайпа) «хорош(-а) собой», *башгъа туюл* «нет разницы», *башюсте!* «к вашим услугам; с удовольствием», *бармагъын хапмакъ* «локти кусать» и др.

К.Х. Даибова рассматривает ФЕ в одном ряду с лексикализованными и грамматикализованными сочетаниями, поэтому в разряд фразеологизмов попадают также некоторые переменные сочетания слов и ряд аналитических форм глагола.

Как отмечает автор, при составлении словаря была предпринята попытка «найти в кумыкском языке соответствующий эквивалент русскому фразеологизму, сохраняя при этом как стилистическую принадлежность, так и своеобразие эмоциональной окрашенности. В тех случаях, когда этого нельзя было достичь, составитель описывал значение фразеологизма» [Даибова 1981: 9]. Трудно сказать, что данная задача была реализована в словаре К.Х. Даибовой полностью, так как многие фразеологизмы кумыкского языка представлены без их эквивалентов в русском языке. Например, фразеологизм *айып этмек* соответствует в русском языке ФЕ *воззвать к совести*, *авзуна къаран турмакъ* эквивалентен русскому *затаить дыхание*, *авузгъа туюмек* переводится как *стать притчей во языцех*, а *адап къалмакъ* имеет эквивалент *потерять почву под ногами*. Однако эти и другие фразеологизмы в словаре не нашли своего отражения. Таких случаев достаточно много.

Принципам составления двуязычных фразеологических словарей вряд ли соответствует и следующий принцип перевода фразеологизмов кумыкского

языка, предлагаемый К.Х. Даиловой: «В отдельных случаях в скобках уточняется значение того или иного фразеологизма. Этим самым читателю дается возможность, во-первых, определить значение фразеологической единицы и, во-вторых, показывается, какое именно значение этой единицы соответствует фразеологическому обороту кумыкского языка или, наоборот, фразеологическому обороту русского языка» [Даилова 1981: 9].

Салихова И.М. в диссертации «Сопоставительно-типологический анализ и актуальные проблемы русско-дагестанской двуязычной лексикографии» [Салихова 2000] этот принцип подачи фразеологизмов в словарях считает актуальным и слово в слово повторяет это высказывание К.Х. Даиловой [Салихова 2000: 9].

Следует также отметить, что многие фразеологизмы переведены на русский язык неправильно или неточно: *къара тегенек* переводится как «яблоко раздора», нужно было перевести как «полное (абсолютное) отсутствие чего-л.», *лабарын салын олтурмакъ* автор переводит как «сидеть у разбитого корыта», а должно быть переведено «оставаться надолго», *танг намаздан* переводится как «чуть свет», а нужно было переводить «ранним утром», *увакъ сёйлемек* переводится как «вмешиваться во все, говорить много» нужно было переводить «вести мелкие разговоры», фразеологизм *артын къувмакъ* автор переводит как «делать из мухи слона», а надо было переводить «напасть на след, гнаться по пятам» и многие другие.

Ряд свободных словосочетаний даются К.Х. Даиловой как фразеологизмы: *къырыйна гелмек* «ходить вокруг да около», *леззет алмакъ* «получать удовольствие», *масхарачы адам* «шутник», *мурады-ою шо* «все мечты и надежды его (ее) это», *назик къол* «золотые руки», *ону гючю етмес* «у него сил не хватит», *осал адам* «слабый человек», *рази болмакъ* «согласиться», *рагьмулу адам* «добрый человек», *сабурлугъу ёкъ* «терпения нет», *сирив-сирив болуп* «друг за другом» и многие другие. Во всех приведенных примерах сохранены авторские переводы этих фразеологизмов.

Начиная с 1984 года, выходит несколько статей, посвященных изучению ФЕ кумыкского языка. Они выполнены в описательно-синхронном аспекте. Н. Э. Гаджихмедов в двух статьях рассматривает структурно-семантические особенности глагольных ФЕ, особенности репрезентации темпоральной картины мира фразеологическими средствами кумыкского языка [Гаджихмедов 1984]. С этого времени берет свое начало изучение фразеологии кумыкского языка с морфолого-семантической точки зрения. Исследование ФЕ с точки зрения их морфологической специфики совершенно необходимо было для дальнейшего развития кумыкской фразеологии.

В статье Н.Э. Гаджихмедова «Категория времени фразеологических единиц кумыкского языка» [Гаджихмедов 1984] впервые предпринята попытка рассмотреть фразеологизмы с временным значением в современном кумыкском языке. Интерпретация темпоральной картины мира, объективирующей ФЕ того или иного языка, является одной из интереснейших проблем современной лингвистической науки. Категория времени во фразеологических единицах интересна тем, что в ней находит свое отражение не только языковой (лингвистический) грамматический момент речи, но и неязыковой (экстралингвистический). Соответственно фразеологизмы с временным значением Н.Э. Гаджихмедов делит на две группы: а) фразеологизмы, выражающие лингвистическое время и б) фразеологические единицы, обозначающие экстралингвистическое время. В первой группе выделяются три плана времени – план настоящего, план прошедшего и план будущего. В группе устойчивых сочетаний слов, выражающих экстралингвистическое время, можно выделить две подсистемы, которые находятся в отношениях оппозиции: фразеологические единицы с предельным временным значением (первая микросистема) противопоставлены фразеологизмам с нейтральным временным значением, то есть не сигнализирующих предельность (вторая микросистема). Нейтральные фразеологические единицы могут представить процесс или действие не только курсивно, но и пунктуально, в его конечной или начальной точке. Нейтраль-

ность в семантической сущности фразеологизмов проявляется в исключительной широте их денотативной отнесенности [Гаджихмедов 1984: 141].

В другой статье Н.Э. Гаджихмедова «Глагольные фразеологизмы с соматическими терминами в кумыкском языке» [Гаджихмедов 1986: 148-154] исследованию подвергаются глагольные категории ФЕ кумыкского и русского языков. ФЕ рассматриваемого типа являются многочисленными, и их изучение представляет несомненный лингвистический интерес. Автор обращает внимание на порядок следования компонентов в глагольных фразеологических единицах. Кумыкским фразеологизмам с препозитивным глагольным компонентом в русском языке соответствуют ФЕ с постпозитивным компонентом: ср.: кум. *башына миндирмек* «посадить на голову», *бурнун салландырмакъ* «повесить нос» и т.д. Как справедливо отмечает автор, «глагольные ФЕ сопоставляемых языков могут иметь как полную, т. к. и неполную парадигмы» [Гаджихмедов 1986: 151].

Формально-семантический анализ соматических фразеологизмов впервые в диалектах кумыкского языка проведен в статье Н.Х. Ольмесова «Соматические термины в диалектах кумыкского языка (структурно-семантический анализ)» [1986: 116-118].

Систематическое изучение проблем кумыкской фразеологии начинается в начале XXI века. К тому времени фразеология, которая была одним из разделов лексикологии, становится самостоятельным разделом науки о языке. Именно в начале XXI столетия выходят серьезные научные работы по общим проблемам кумыкской фразеологии и по сопоставительному изучению ФЕ кумыкского и русского языков.

Уточнение отдельных спорных вопросов формальной и семантической организации фразеологических единиц кумыкского языка и их дальнейшее теоретическое освещение нашли свое отражение в докторской диссертации А.З. Абдуллаевой [2002]. Особое внимание она уделяет критериям определения разнотипных фразеологизмов, их категориальным признакам и специфике

грамматических форм, описывает их формально-структурные модели [Абдуллаева 2002].

Проблеме соотнесенности семантики ФЕ и семантики составляющих его компонентов, уточнению статуса отдельных семантических категорий (омонимия, антонимия и синонимия) ФЕ, посвящена статья Ф. И. Даутовой и Н.Э.Гаджихамедова [Даутова, Гаджихамедов 2014].

Начало XXI столетия характеризуется активизацией исследований в области фразеологии: появляются новые статьи, монографии, защищаются кандидатские диссертации, выпускаются различные фразеологические словари и справочники. В 2005 году М.И. Мугидовой защищается первая диссертация, посвященная изучению соматических фразеологизмов кумыкского языка в аспекте их сравнения с фразеологизмами русского языка [Мугидова 2005]. Необходимо отметить, что автору диссертации не удалось выявить этнолингвистические особенности кумыкских фразеологизмов в сопоставлении с русскими фразеологизмами. В работе М.И. Мугидовой слишком много заимствованных из трудов А.З. Абдуллаевой теоретических и практических положений. Содержание ряда параграфов, например, пути морфологического и деривационного развития соматических фразеологизмов, способы их семантического развития и др., полностью совпадают с положениями, которые изложены в работах А.З. Абдуллаевой.

В составе фразеологизмов М.И. Мугидова рассматривает такие выражения, которые в такой форме в кумыкском языке вообще не встречаются, например, *къол-къанаты сынмакъ* «остаться без помощи, поддержки», *гёз атмакъ* «смотреть», *къолда этмек* «приобрести» и др. [Мугидова 2005: 15].

Исследователи дагестанских языков во все времена интересовались влиянием кумыкского языка на дагестанские языки. Действительно, легко обнаружить влияние кумыкского языка на лексику дагестанских языков. Однако заимствование фразеологизмов в неродственных языках происходит редко. Поэтому в диссертационных работах М.А. Магомедовой [2005] и М.Р. Ибра-

гимова [2009], предпринявших попытку изучить влияние кумыкского языка на фразеологию даргинского языка, достаточно много неверных рассуждений. М.А. Магомедова [2005] в своей диссертационной работе целый параграф посвятил фразеологическим заимствованиям из кумыкского языка в даргинском языке. На наш взгляд, в приводимых в этой работе фразеологизмах *эмхIела лихIи* букв. «ослиное ухо» («тугодум, глуповатый, непослушный»), *эмхIела бекI* букв. «ослиная голова» («тупой, малоумный»), *мехIургIяхIгъабза* (букв. «глупый храбрец») «ввязывается в ненужные потасовки», *шалаши дяхI* (букв. «светлое лицо») «гостеприимный, доброжелательный человек», *кагибси дев* (букв. «к месту подошедшее слово») «мудрое, вовремя сказанное слово» не обнаруживается ни одного кумыкского слов. Нам представляется, что, вероятно, можно обнаружить семантические кальки из кумыкского в даргинском языке, но и данное положение не находит своего отражения при квалификации указанного ряда фразеологических единиц.

Высказанная М.Р. Ибрагимовым мысль об ассимиляции кумыкских элементов в даргинской фразеологии не находит своего подтверждения в приводимом им языковом материале [Ибрагимов 2009: 11]. Контакты даргинцев были во все времена ограничены кайтакским и подгорным диалектами. Эти диалекты даже на уровне лексики оказали незначительное влияние на диалекты даргинского языка [Даутова, Гаджихмедов 2014: 541]. Как справедливо отмечают Н.Э. Гаджихмедов и Ф.И. Даутова, «не различая арабские, персидские и кумыкские заимствования, автор допускает грубейшие фактические ошибки. Достаточно много слов, которые автор считает кумыкскими заимствованиями, а на самом деле эти лексемы не имеют отношения к кумыкскому языку. Заявленная задача определить отличительные особенности основных типов заимствованных слов в лексике даргинского языка, так и осталась не решенной» [Даутова, Гаджихмедов 2014: 539].

В диссертационной работе исследователя чеченского языка Х. Р. Сельмурзаевой [2010] целая глава диссертации посвящена кумыкским заимствова-

ниям в системе ФЕ чеченского языка. Однако, в рассматриваемых автором лексико-семантических, синонимических рядах нет ни одного заимствованного из кумыкского языка фразеологизма. На наш взгляд, таких фразеологизмов в чеченском языке будет совсем немного.

Таким образом, поиски некоторых кавказоведов увидеть в их языках системное заимствование кумыкских фразеологизмов не всегда подтверждается языковым материалом.

Исследованию концепта «намус//совесть» на материале кумыкских паремиологических единиц (фразеологизмов и пословиц и поговорок) посвящена кандидатская диссертация Б.Г. Шахмановой [2008]. В результате сопоставительного исследования паремиологических единиц кумыкского и русского языков автору удалось определить универсальные и национально-специфические особенности объективации рассматриваемого морально-этического концепта в двух разносистемных языках. Выявленные в результате исследования универсальные особенности в сопоставляемых языковых картинах мира автор объясняет общезначимым характером репрезентируемых этических ценностей, а «специфика проявляется в некоторых приоритетах отношения к окружающей действительности, в выборе образа, лежащего в основе фразеологической единицы или паремии, и языковых средств его репрезентации» [Шахманова 2008: 5].

В 2008 году Г.Р. Муташевой была защищена кандидатская диссертация «Антонимы и антонимические отношения в лексике и фразеологии кумыкского языка», в которой третья глава посвящена антонимии фразеологических единиц кумыкского языка. В работе определены принципы дифференциации семантики ФЕ и антонимов в кумыкском языке, показана особенность формирования производных значений у антонимичных фразеологических единиц.

Г.Р. Муташева отмечает, что фразеологические антонимы в кумыкском языке представлены в виде определенных рядов, основанных на различных морфологических средствах. Как основной способ образования антонимиче-

ских пар ею отмечаются сочетания глагола с привативным аффиксом са *-ма*, *-ме*: *тийишлисин бермек* «рассчитаться, воздать должное» = *тийишлисин бермемек* «не рассчитаться»; *артындан къарамакъ* «присматривать» = *артындан къарамамакъ* «не присматривать»; *къувун тюшмек* «переполошиться» = *къувун тюшмемек* «не переполошиться» и др. [Муташева: 2008: 21-22]. Однако следует отметить, что среди множества описанных ею антонимических пар на основе привативного суффикса не функционирует ни одна в качестве ФЕ. Особо следует подчеркнуть искусственный характер отрицательной формы, образованной от имени действия на *-макъ*, *-мек*, которая не функционирует в кумыкском языке.

Рассматривая проблему образования антонимичных пар фразеологических единиц в кумыкском языке с помощью привативного аффикса *-сыз*, *-сиз*, *-суз*, *-сюз*, Г.Р.Муташева приводит следующие примеры: «1) *хатарлы болмакъ* «быть опасным» = *хатарсыз болмакъ* «быть безопасным»; 2) *гъакъыллы болмакъ* «быть благоразумным» = *гъакъылсыз болмакъ* «быть неблагоразумным»; 3) *айыплыгъын исбат этмек* «признать свою вину» = *айыпсызлыгъын исбат этмек* «доказать свою невиновность» и т.д. [Муташева 2008: 22]. Указанные примеры показывают, что автор не владеет критериями отграничения фразеологизмов от свободных словосочетаний, ибо эти словосочетания не относятся к фразеологически образованиям.

Рассуждая об особенностях антонимических ФЕ, Г.Р. Муташева пишет: «Антонимичные фразеологические единицы могут быть противопоставлены не только значением, но и собственно синтаксической связью: *гъалсыз болмакъ* «обессилеть» = *гючлю болмакъ* «усилиться», *бавурлу болмакъ* «быть доброжелательным, жалеть, любить родителей». При этом приводятся примеры типа *бир къулагъындан гирип*, *бири къулагъындан чыгъа* «быть невнимательным» (досл.: в одно ухо входит, из другого выходит), *бири гёз*, *бири къаш* «жить в дружбе, ладить», *ит де*, *мишик де йимик* «постоянно враждовать» [Муташева 2008: 22]. Непонятным остается в данной формулировке, о какой

противопоставленности синтаксической связи речь идет. Сложно понять также причину отсутствия у названных ФЕ их антонимических эквивалентов.

Нам представляется убедительной семемная классификация фразеологических антонимов, предлагаемая М.М. Копыленко и З.Д. Поповой и учитывающая типологию семантического содержания лексемы [Копыленко, Попова 1978: 57], которую автор диссертации должна была учесть. В соответствии с этой классификацией выделяются антонимы, противопоставленные друг другу на денотативном и коннотативном уровнях [Копыленко, Попова 1978: 57].

Г.Р. Муташева пишет, что «в кумыкском языке, как и в других тюркских языках, антонимия может зависеть и от залоговых значений, ср.: *гёнгю кьалмакъ* «обидеться», но *гёнгюн кьалдырмакъ* «обидеть». Его антоним *гёнгюн аямакъ* «не обижать», «не давать обидеться» имеет изменяющиеся залоговые формы (действительный и понудительный)» [Муташева 2008: 24]. В приведенных автором примерах нет глагольных форм в побудительном залоге, а действительный залог в кумыкском языке, как известно, лингвистами вообще не выделяется.

В диссертации «Структура и семантика глагольных фразеологических единиц кумыкского языка» [2009] А.А. Айсякаевой выявлен корпус глагольных ФЕ и подробно рассматриваются формальные и семантические особенности ФЕ кумыкского языка. С точки зрения формальной организации автор выделяет двухкомпонентные и трехкомпонентные модели глагольных фразеологизмов и изучает грамматические категории глагольного компонента в составе ФЕ. В диссертации мало внимания уделяется многокомпонентным ФЕ, которые достаточно часто встречаются во фразеологической системе кумыкского языка. В этой работе в аспекте нашего исследования особый интерес представляет параграф, посвященный изучению глагольных ФЕ, выражающих характер и состояние человека, его интеллектуальные способности, а также внешняя характеристика и т.д. [Айсякаева 2009].

Неисследованной областью кумыкской фразеологии является религиозная составляющая фразеологического фонда кумыкского языка. Первый опыт изучения структурно-семантических особенностей ФЕ с религиозным компонентом представлен в работе З.Б. Яхьяевой [2010]. Во второй главе своей диссертации автор дает тематическую классификацию фразеологизмов, содержащих в своем составе религиозный компонент. В одном из параграфов автор рассматривает фразеологические единицы с религиозным компонентом, характеризующие человека. В основе этих ФЕ лежит религионим – название сверхъестественных существ, воплощающих добро или зло. Теонимы *Аллагь*, *Худай Тенгири*, *Оьрдеги*, *Яратгъаным* в составе ФЕ имеют нейтральную или положительную эмоционально-экспрессивную окраску, а названия таких религиозных существ, как *басдырык* «злой дух в мужском обличии», *илбис*, *шайтан* «дьявол, сатана», жин «злой дух, бес» в составе ФЕ выражают отрицательную оценку. Как отмечает автор, «устойчивых словосочетаний, характеризующих внешний вид человека, немного и все они являются отрицательными характеристиками внешнего вида человека» [Яхьяева 2010: 90]. На наш взгляд, было бы интересным проследить коммуникативно-прагматические и стилистические параметры ФЕ с религиозным содержанием, а также рассмотреть, описать и проанализировать особенности становления данного пласта фразеологии в кумыкском языке.

Диссертационное исследование С.З. Садыковой «Фразеологические единицы с компонентом цветообозначения в кумыкском языке» [2012] посвящено системному описанию ФЕ с колоративным компонентом, где также уделяется внимание грамматическим и лексическим параметрам и презентации их этнокультурного своеобразия. В результате в исследовательский оборот были включено достаточно большое количество фразеологизмов с колоративным компонентом, не отмеченных до неё в лексикографических источниках кумыкского языка. Обращаясь к структурным особенностям данных ФЕ, автор выделяет ФЕ, структурно равнозначные словосочетанию, и ФЕ, структурно

равнозначные предложению. Автор правильно считает, что «среди глагольных фразеологических единиц кумыкского языка наиболее распространённой является структура «существительное в именительном падеже + глагол» [Садыкова 2011: 113]. Однако, приводимые автором примеры *къараларын чечме* «снять траур»; *къаралар гийме* «носить траур» не соответствуют названной структуре. На наш взгляд, данное исследование значительно выиграла бы, если бы автор уделила бы больше внимания символике цвета, мотивированности и немотивированности переносного использования колоративов, а также их функциональным и лингвокультурологическим особенностям в составе ФЕ. Недостаточно раскрыт и уровень метафорической репрезентации лингвоцветовой картины мира в колоративных ФЕ кумыкского языка.

С семантическим аспектом изучения ФЕ кумыкского языка связана статья Т.И. Айдиевой «Фразеологические единицы с дифференциальными семантиками *рано, сейчас, поздно* в кумыкском и английском языках» [Айдиева 2012: 91-92]. Исследование временной семантики в семантическом составе ФЕ неродственных языков «способствует выявлению особенностей восприятия фразеологизмов и закономерностей их речевого употребления». Автор устанавливает общее и национально специфическое в репрезентации значений «рано», «сейчас» и «поздно» в кумыкских и английских фразеологизмах. Т.И. Айдиева отмечает, что в английском языке больше фразеологизмов, характеризующих фразеосемантические группы «поздно», «сейчас», «рано», чем в кумыкском языке. Самым благоприятным и ценным моментом времени для англичан является *сейчас*, тогда как кумыки больше ценят понятие *рано*. Однако автор не объясняет, почему в разных лингвокультурах по-разному оцениваются данные темпоральные ситуации.

М. А. Качалаева в статье «Семантические особенности глагольных компаративных фразеологических единиц в кумыкском и английском языках» [2014: 53-57] рассматривает особенности компонентного состава глагольных компаративных ФЕ кумыкского языка в сопоставлении с английским языком.

Ожидаемые читателем общие и специфические особенности в семантике глагольных компаративных ФЕ кумыкского и русского языков оказались нереализованными.

Статья Г. С. Саидовой «Реализация концепта «поведение человека» в идиоматической картине мира кумыкского, русского и английского языков» [Саидова 2016: 91-92] посвящена исследованию фразеологического материала сопоставляемых языков в рамках концепта «поведение человека». Автор работы правильно утверждает, что по идиоматике языка «можно познать особенности национального сознания того или иного народа» [Саидова 2016: 91]. Однако проведенный автором анализ не дает ясной картины общего и национально-специфического в реализации концепта «поведение человека» в сопоставляемых языках. Для реализации поставленной задачи необходимо было определить фразеосемантические группы, объективирующие семантику «поведение человека» в сопоставляемых разнотипных языках.

Не зря фразеографию считают зеркалом фразеологии. В 2014 году выходит «Кумыкско-русский словарь фразеологических единиц» Н.Э. Гаджихмедова, включающий более 3200 фразеологизмов. Этот словарь по структуре и подаче ФЕ существенно отличается от словаря К. Х. Даибовой [Даибова 1981]. Однако и он по своему объему лишь частично отражает фразеологический фонд кумыкского языка. В словаре не все фразеологизмы сопровождаются иллюстративным материалом, не всем кумыкским ФЕ даны русские эквиваленты. Кумыкское языкознание нуждается всё ещё в более полном охвате фразеологического пласта языка и его печатного оформления в виде объемного лексикографического источника.

В диссертации Ф. И. Даутовой «Фразеологические единицы с компонентами «баш» и «голова» в кумыкском и русском языках» [2014] в сопоставительном плане выявлены общие и специфические черты в структурно-семантической организации и функционально-стилистических особенностях между кумыкскими и русскими фразеологизмами с соматическим компонен-

том *баш* и *голова*. [Даутова 2012: 541]. Автором собран и обработан достаточно богатый фактический материал из фразеологических фондов кумыкского и русского языков с соматическим культурным кодом. Ф.И. Даутовой удалось выявить наиболее типичные и специфические модели для каждого из исследуемых языков, изучить и описать их функционально-стилистические и коммуникативно-прагматические особенности.

В статье С. А. Алиевой «Русские и кумыкские фразеологизмы со звукоподражательным компонентом как проявление метафоризации оноματοпов» [2015] проведен сопоставительный анализ фразеологизмов со звукоподражательным компонентом в разносистемных русском и кумыкском языках. По характеру межъязыковых отношений среди фразеологизмов со звукоподражательным компонентом в сопоставляемых языках автор выделяет фразеологические эквиваленты, фразеологические аналоги и безэквивалентные фразеологические единицы. В результате сопоставительного изучения русских и кумыкских ФЕ со звукоподражательным словом автор делает выводы о том, что большинство таких фразеологизмов безэквивалентны и их в русском языке по сравнению в кумыкском языке значительно больше. Такое расхождение в сопоставляемых языках автор объясняет тем, что «в кумыкском языке мало звукоподражательных слов, содержащих сему конкретного звучания, поэтому невелико и число оноματοпов, способных употребляться в переносном значении» [Алиева 2015: 223].

В другой статье С.А. Алиева рассматривает лингвокультурологические особенности фразеологизмов в русской и кумыкской фразеологических картинах мира, обозначающих эмоциональное состояние человека. Объектом исследования являются фразеологизмы с компонентом «сердце // юрек». Сопоставительное исследование показало богатые языковые возможности данного соматизма в репрезентации эмоционально-оценочного отношения человека к окружающей действительности. Автор подробно излагает мелиоративные и пей-

оративные характеристики, соответствующие определённым качествам человека [Алиева 2013].

Реализация фразеологических значений в авторской художественной речи на материале произведений К. Абукова исследована Н. А. Кахировой [Кахирова 2016]. В кумыкском языкознании это первый опыт изучения функционирования фразеологизмов в авторской речи писателя. Наблюдая за вариативностью кумыкских фразеологизмов, используемых в прозе К. Абукова, автор разграничивает их по генетическому принципу, выделяя варианты ряды ФЕ, в которых компоненты объединены семантическим родством и варианты ряды ФЕ, компоненты которых генетически разнородны. При этом автор полагает, что вновь создаваемые варианты, включая индивидуально-авторское образование, становятся членом фразеологической системы языка, чему содействует степень их образности и экспрессивности. В творчестве писателя обнаружено значительное количество языковых форм с ведущим компонентом-зоонимом в функции метафорической характеристики человека. На данном основании были подвергнуты тщательному анализу компаративные ряды ФЕ по тематическому принципу. Автор приходит к выводу о том, что в прозе К.Абукова новые языковые единицы образуются на основе метафорического переосмысления компонентов. Как специфический прием метафорической трансформации описывается образование новых фразеологизмов на базе структуры и отдельных элементов общеязыкового оборота в результате влияния ассоциативного поля на значения слов. Наблюдаются также случаи, когда логический субъект пословицы превращается в отдельную фразеологическую единицу в результате дополнительных коннотативных оттенков, наслаиваемых на основное, базовое значение пословицы.

Относительно тенденций развития кумыкской фразеологии Н.Э. Гаджихмедов справедливо отмечает, что «современное состояние развития фразеологии кумыкского языка не позволяет выделить отчетливо сформировавшиеся направления исследований в данной области кумыкского языкознания» [Дау-

това, Гаджихмедов 2014: 539]. В настоящее время все еще продолжается эмпирический этап развития кумыкской фразеологии: сбор, накопление и систематизация эмпирического материала, а перспективы изучения фразеологической системы кумыкского языка связаны с когнитивным, лингвокультурологическим и функционально-семантическим подходами.

1.2. История развития проблемы «объективация характера человека во фразеологических единицах тюркских языков»

Исследований, посвященных изучению характера человека, на материалах тюркских языков недостаточно. Следует отметить исследования А. И. Геляевой [2002], Г.Х. Алеевой [1999], Е. В. Николиной [2002], А. Э. Чумакаева [2002], Л. А. Мирсаетовой [2004], М. А. Сулаймоновой [2005], Е. В. Тюттешевой [2005], З. А. Лайпановой [2007], Л. Г. Исмаиловой [2017].

В докторской диссертации А.И. Геляевой «Человек как объект номинации в языковой картине мира» особое внимание уделяется когнитивным основам именованию человека, в том числе способам вербализации «внешнего человека» и «внутреннего человека» в аспекте концептуальной семантики. При выявлении различных типов языковых номинаций человека и их системном изложении в совокупности всех аспектов описывается и анализируется особая группа детерминированных культурой этноса номинаций человека и источников их формирования, куда относятся и фразеологические номинации человека [Геляевой 2002].

В диссертационном исследовании Г.Х. Алеевой «Структурно-семантические особенности фразеологических единиц, характеризующих внешность человека в английском и русском языках» [Алеева 1999] проведен глубокий сопоставительный анализ таких фразеосемантических групп, как «внешний облик в целом», «лицо», «одежда», «телосложение», «рост», «возраст», «волосы», «названия частей тела». В структуре фразеологического значения автор выделяет оценочный, эмотивный, экспрессивный и функциональ-

но-стилистический компоненты коннотации ФЕ. Г. Х. Алеева выделяет «полные и частичные фразеологические эквиваленты, полные и частичные фразеологические аналоги, безэквивалентные фразеологические единицы и рассматривает способы их перевода [Алеева 1999: 67-84]. Полные эквиваленты «характеризуются тождественным сигнификативно-денотативным значением, оценочной, функционально-стилистической, эмоциональной и экспрессивной коннотацией, имеющие одинаковый состав компонентов и схожую структурно-грамматическую модель» [Арсентьева, Коноплева 2009: 27].

Монографическое исследование Е.В. Тюттешевой «Человек и его мир в зеркале фразеологии (на материале тюркских языков Сибири, казахского и киргизского) сопоставительному изучению фразеологизмов, характеризующих человека. В ней впервые в тюркологии вводятся понятия способа формирования семантики, варианта способа формирования семантики. Автор применяет к анализу объекта модельное описание фразеологических единиц. В работе рассматривается также семантика компонентов, актуализированная во фразеологических единицах, уделяется внимание выявлению фрагментов языковой картины мира [Тюттешева 2006].

На материале соматических фразеологизмов, характеризующих человека, в тюркских языках Сибири и казахском, данная проблема исследована в диссертационной работе Е. В. Николиной [Николина 2002]. Автор на основе богатого фактического материала выявляет общности и различия в формировании соматических фразеологизмов, характеризующих человека, в таких южносибирских тюркских языках, как алтайский, хакасский, тувинский и казахский. Для анализа соматических фразеологизмов, характеризующих человека, привлекается и материал киргизского языка, уточняются основные модели соматических ФЕ, характеризующих человека, как единство способа формирования семантики и формальной структуры ФЕ [Николина 2002].

Непосредственное отношение к исследуемой нами теме имеет монографическое исследование А. Э. Чумакаева «Фразеологические единицы со зна-

чением качественной характеристики и состояния лица в алтайском языке в сопоставлении с русским» [Чумакаев 2002]. В нем рассматривается семантика алтайских фразеологизмов со значением качественной характеристики и особенности состояния лица в сопоставленном аспекте с материалом русского языка. Классификация алтайских и русских ФЕ в рассматриваемых ФСГ делится на сходные семантические подмножества, представляя собой своего рода языковые универсалии. Как и следовало ожидать, среди ФЕ русского языка обнаруживаются дополнительные семантические разряды, не свойственные алтайскому языку [Чумакаев 2011].

В диссертационном исследовании Л.А. Мирсаетовой «Образ человека во фразеологической картине мира в татарском и русском языках» [Мирсаетова 2004] в сопоставительном плане рассматриваются образно-мотивационные основы фразеологизмов в разноструктурных языках, характеризующих феномен человека. Автор определяет общее и национально-специфическое в способах фразеологического описания человека в сопоставляемых языках. В диссертационной работе на материале идеографического словаря детально описаны и проанализированы фразеосемантические поля татарских и русских фразеологизмов, характеризующих феномен человека. Фразеологизмы, выражающие характеристику человека, автор делит на следующие фразеосемантические подгруппы: фразеологизмы с общей характеристикой человека, ФЕ, характеризующие особенности физиологического состояния человека и т.д. [Мирсаетова 2004].

В диссертации М.А. Сулаймоновой «Фразеологические единицы качественной характеристики человека в немецком и узбекском языках» [Сулеймонова 2005] в сопоставительном плане излагаются формальные и семантические особенности ФЕ качественной характеристики человека в разносистемных немецком и узбекском языках. В ней дается семантическая классификация ФЕ качественной характеристики человека, последовательно излагаются контекстуальные условия реализации фразеологизмов качественной характери-

стики человека, эквивалентные отношения ФЕ качественной характеристики человека в сопоставляемых языках и проблемы их перевода.

Из близкородственных языков отметим также диссертацию З. А. Лайпановой «Структурно-семантические особенности фразеологических единиц с соматическим компонентом в карачаево-балкарском языке в сопоставлении с русским» [Лайпанова 2007]. Автор на материале соматических фразеологизмов анализирует характеристику внешнего вида человека и характер его действий. З.А. Лайпановой исследовано 247 фразеологических единиц, выражающих характер человека, в карачаево-балкарском языке в сопоставлении с русским. Все ФЕ распределены на три фразеосемантические группы в соответствии с оценкой характера человека, выражаемого ФЕ: фразеологизмы положительной, отрицательной и нейтральной оценки. Самой многочисленной оказалась группа ФЕ с отрицательным оценочным значением характеристики внешнего вида человека. Это справедливо объясняется большей экспрессивностью и яркой оценочностью отрицательного значения по сравнению с другими значениями [Лайпанова 2007].

Сопоставительный анализ фразеосемантических групп, выражающих состояние человека в русском, английском и татарском языках дан в диссертационной работе А. Э. Хабибуллиной [2010]. В ней выделены и подробно рассматриваются фразеосемантические группы «эмоциональное состояние человека», «физическое состояние человека», «состояние умственной деятельности» человека. Автор устанавливает универсальное и культурно-национальное во фразеологических фондах сопоставляемых разноструктурных языков с целью обнаружения черт национального менталитета.

Психическое состояние человека и фразеологизмы, описывающие именно это состояние человека в сопоставительном плане с разносистемными немецким, английским и татарским языками, исследованы Р.В. Гатауллиной [2010]. Автором выявлен фонд ФЕ, входящих во фразеосемантическое поле психического состояния человека. Фактический материал классифицирован на

фразеосемантические группы, установлены особенности ФЕ, характеризующих психические состояния человека, в разноструктурных языках. Особое внимание в работе уделено образному потенциалу фразеологических единиц.

Некоторые сведения, связанные с отображением характеристики человека в ФЕ с цветовым компонентом, содержатся в работах С. З. Садыковой [2012, 2013]. Автор справедливо отмечает, что фразеологизмы с компонентом *бет, юз* «лицо» «дают образную, экспрессивно-эмоциональную характеристику качествам человека, связанным с его внутренним миром». Лексемы *юз* и *лицо*, будучи одной из важнейших частей головы, служат для выражения «характера человека, его душевных качеств и состояний» [Садыкова 2013: 92]. Однако некоторые фрагменты толкования значений цветовых фразеологизмов, характеризующих человека, нуждаются в уточнении и дальнейшем развитии. Действительно, фразеологизм *бетинг къара болсун* в кумыкском языке содержит колоративный компонент и используется в качестве проклятия, которое употребляется при сильном гневе и возмущении. С.З. Садыкова пишет, что в кумыкском языке *къаралмакъ* означает «посинеть». Однако необходимо уточнить, что колоратив *къаралмакъ* выражает значение «почернеть», а не «посинеть». И метафорический перенос значения «будь ты проклят» во фразеологизме *бетинг къаралсын* связан именно с черным цветом, который в кумыкской языковой картине мира ассоциируется с болезнью и смертью [Садыкова 2013: 93].

Вербальные средства выражения эмоционального состояния человека в коммуникативном акте на материале азербайджанского языка исследованы Л.Г. Исмаиловой [Исмаилова 2017]. В двух параграфах данного исследования рассматриваются фразеологизмы, характеризующие человека с положительной и отрицательной стороны. В каждом микрополе выявлены синонимы, употребление которых зависит от стиля общения, эмоционального состояния говорящего, мотива коммуникации [Исмаилова 2017: 141-167].

Из сопоставительных исследований, проведенных в контексте нашего исследования, нам представляются интересными также диссертации, выполненные на материале русского и других языков.

Диссертационное исследование З.Т. Гайдаровой посвящено антропоцентризму в идиоматической картине мира лезгинского, русского, английского и немецкого языков [Гайдарова 2010]. В ней автор дает семантический анализ ФЕ с компонентом «человек» в разносистемных лезгинском, русском, английском и немецком языках, выявляя и выделяя ФЕ, характеризующие внешность человека, его внутренний мир, социальное положение и взаимоотношения человека в коллективе, формы поведения человека.

Т.М. Николюкина обращает внимание на фразеологизмы, которые характеризуют «конкретные положительные моральные качества человека и фразеологизмы, характеризующие моральные качества, положительное нравственное значение которых раскрывается в контексте жизненных установок в сочетании с благородными целями» [Николюкина 2007: 67]. Кроме того, особое внимание уделяется ФСГ «нравственная характеристика человека», имеющей номинативную ценность и экспрессивно-образную выразительность, раскрывается экспрессивный потенциал русских ФЕ нравственной характеристики человека.

Ма Лин в диссертации «Фразеологизмы, характеризующие психоэмоциональное состояние человека, как репрезентанты русской и китайской языковых картин мира» [2017] изучает функции фразеологизмов со значением психоэмоционального состояния человека в русском и китайском языках, этнокультурную специфику ФСП «психоэмоциональное состояние человека» в русском и китайском языках. Особое внимание уделено фразеологизмам, характеризующим положительные, отрицательные и нейтральные психоэмоциональные состояния человека в русском и китайском языках.

В диссертации Ван Синьцзюй «Фразеологизмы, характеризующие поведение человека, в русском и китайском языках» [2018] проведено сопостави-

тельное исследование фразеологизмов русского и китайского языков, характеризующих поведение человека. В сопоставительном плане описаны типы межъязыковых соответствий русских и китайских фразеологических единиц, характеризующих поведение человека, обобщены принципы систематизации фразеологизмов, характеризующих поведение человека, и представлена их семантическая классификация [Ван Синьцзюй 2018].

В контексте нашего исследования интересным представляется и диссертации Л.В. Лавровой [1984] и Т.В. Тархановой [1987]. В диссертационном исследовании Л.В. Лавровой «Лексико-семантические группы слов, характеризующие человека» отмечается сложность соотношения с реальным денотатом действительности у языковых единиц, вербализирующих психическую и физическую сферу, чем у названий частей тела, родственных отношений или сельскохозяйственных орудий [Лаврова 1984: 8]. Автор обращает внимание на необходимость изучения лексико-семантические группы слов, характеризующих человека, в разных формах реализации общенародного языка – в литературном языке, просторечии и диалектах.

В диссертации Т. В. Тархановой «Системные отношения в лексико-семантической группе (на материале лексико-семантической группы прилагательных, обозначающих умственные способности человека, в современном английском языке)» [Тарханова 1987] Автор различает оценочные компоненты значений слова и собственно оценочные слова. К частнооценочным Т.В. Тарханова относит: «талантливый, усердный, нахальный, глупый»; и общеоценочные – «хороший, отличный» [Тарханова 1987: 5].

Таким образом, в последние годы развитие фразеологии языков разных систем имеет семантическую ориентированность. В данной области проведено ряд специальных исследований, что подчеркивает актуальность исследования семантического аспекта изучения ФЕ.

Краткий обзор рассмотренных работ показывает, что в них лингвисты выявляют универсальные и национально-специфические особенности фразео-

логизмов, выражающих характер человека. Ученые объясняют особенности возникновения фразеологических значений, фразеологических эквивалентов и аналогов, особое внимание уделяется причинам, порождающим лакунарные ФЕ.

Изучение проанализированных работ позволило нам в нашем исследовании использовать их опыт изучения особенностей объективации характера человека фразеологическими единицами кумыкского языка.

1.3. Вербализация языковой картины мира во фразеологических единицах

Каждый язык по-своему стилизует объективную действительность. «Мир, который нам дан в нашем непосредственном опыте, оставаясь везде одним и тем же, постигается различным образом в различных языках, даже в тех, на которых говорят народы, представляющие собой известное единство с точки зрения культуры» [Щерба 1974: 64]. ФЕ каждого языка — это результат особой формы познания человеком окружающей действительности и особый способ передачи этно-национального знания о мире, где за явлениями, выражаемыми языковыми единицами, стоят глубинные скрытые от непосредственного наблюдения сущности. Фразеологизмы представляют собой результат образного познания языковой картины мира. В этой картине мира язык выступает в качестве посредника между человеком и окружающим его миром.

Исследование фразеологической картины мира является одним из приоритетных направлений современной лингвистики. Фразеологическая картина мира — это «часть языковой картины мира, выраженная с помощью фразеологических средств языка» [Черникова 2016: 17], в которой «каждый фразеологический оборот является элементом строгой системы и выполняет определенные функции в описании реалии окружающей действительности» [Хайруллина 2008: 48]. Фразеологические средства языка, будучи носителями одного из фрагментов языковой картины мира, являются выразителями человеческого

бытия, его внешнего и внутреннего мира. Фразеологическая единица, будучи не только языковым, но и культурным кодом, представляет собой уникальное средство языка, служащее для экспрессивной и образной номинации «внешнего» и «внутреннего» человека.

Каждый фразеологизм имеет свое когнитивное строение, характеризующееся уникальным взаимодействием семантического, образного, аксиологического и экспрессивного компонентами. Поэтому фразеологическую единицу следует рассматривать как ключевой знак культуры, формирующий народное мировоззрение и менталитет. Языковое осмысление среды, репрезентирующей особенности характера человека, при такой интерпретации ФЕ является общекультурной.

Системно-структурная организация фразеологических единиц языка обычно осуществляется на основе либо семасиологического, либо ономасиологического подхода. При семасиологическом подходе к изучению ФЕ в центре изучения находится отдельный фразеологизм, репрезентирующий те или иные смыслы в том или ином языке. Ономасиологический подход предполагает описание, направленное от содержания к форме. Следовательно, ономасиология изучает выражение идеи в отличие от семасиологии, которая совершает как бы противоположное движение — от слова к идее, от формы к содержанию. Оба подхода не отрицают друг друга, а дополняют, и если далее мы прибегаем исключительно к ономасиологическому анализу, то объясняется это особенностями исследуемого предмета (тематической фразеологии).

Изучая характер человека с ономасиологической точки зрения, ученые выделяют самые разные фразеосемантические группы, характеризующие «внешнего» человека и его внутренний мир: «Качественная характеристика лица» [Гоголицына 1979, Солодуб 1985, Кругликова 1994, Марьяненко 2006, Едалина 2015], «Психическое состояние личности» [Покровская 1977, Иванова 2010], «Эмоциональное состояние лица» [Кашина 1981, Почиталкина 2011, 2021], «Речевая деятельность» [Кудрявцева 1982], «Психические процессы и

свойства личности» [Багаутдинова 1986, Луговая 2007], «Трудовая деятельность человека» [Зуева 1989], «Интеллектуальные особенности человека» [Эмирова 1976, Бахвалова 1993, Ковшова 1996], «Признаки интеллекта человека» [Соколова 1995, Мазаел 2014], «Межличностные отношения» [Кашина 1994, Хайруллина 2000, Середина 2001]. Антропоцентрическую направленность имеют исследования фразеологизмов, выполненные в системно-семантическом аспекте [Горе 1988, Сметанина 1997, Хайруллина 1997, Дроздова 1998] и т.д. Антропоморфность ФЕ языка, их исключительная направленность на характеристику человека, его деятельность изучены также в работах [Федоров 1995, Мокиенко 1999, Лебедева 1999, 2005; Ильющенко 2011].

В современной лингвистике, изучая разные типы ФЕ, ученые приходят к сходным выводам. В.Н. Телия утверждает, что «идиомы — это знаки антропоцентрические по своей идеографической ориентации и антропометрические по основаниям квалификации» [Телия 1996: 176]. Л.А. Лебедева заключает, что рубрики устойчивых сравнений «четко антропоцентричны: они охватывают фрагменты языковой картины мира, которые прямо или опосредованно связаны с жизнедеятельностью человека» [Лебедева 1999: 9].

Следует отметить, что однородные фразеологические единицы, отражающие фразеологическую картину мира того или иного языка, обычно именуются близкими по смыслу терминами — «фразеосемантические группы», «тематические группы фразеологизмов», «ономасиологические группы», «идеографические группы» и т. д. Иногда вместо опорного слова *группа* употребляется также *поле*.

Концепция идеографического поля основывается, естественно, на указанном ономасиологическом подходе к языковым единицам. Цементирующим элементом идеографического поля, т. е. элементом, который служит основанием отнесения языковых единиц к соответствующему полю, выступает некоторый общий смысл, называемый интегральной семой фразеологизма. Приведенное выше множество фразеосемантических групп выражает не просто ка-

кое-либо отношение к человеку, а характеризует человека, что позволяет выделить соответствующую интегральную сему «репрезентация характера человека». Таким образом, интегральная сема — это общий смысл, характерный для каждой языковой единицы, входящей в данное фразеосемантическое поле.

Фразеосемантическое поле производно от внеязыковой действительности и определяется условиями жизни и «образом мысли» народа, поэтому в разных языках фразеосемантические поля не совпадают между собой. Ю. Н. Караулов справедливо подчеркивает: «...поле как способ отражения <...> характеризуется социальной, историко-генетической и индивидуальной обусловленностью, т. е. в значительной степени национально» [Караулов 1976: 270]. На основе вышесказанного можно сделать вывод о том, что фразеология является самым антропокваликативным уровнем любого языка [Коваленко 2002: 37]. Поэтому фразеологизмы, характеризующие внешний и внутренний миры человека, представляют собой ядерную область фразеологических единиц антропоцентрической направленности.

Во фразеосемантических группах, представленных в специальных исследованиях Г.А. Багаутдиновой, М.С. Горе, Л.А. Лебедевой, З.В. Сметаниной, Ю.П. Солодуба, Р.Х. Хайруллиной, Р.И. Яранцева и др. ФЕ, репрезентирующие характеристики человека, составляют лишь часть анализируемого материала. На фразеологическом материале многих языков, в том числе и изучаемого нами кумыкского языка, подобные исследования, связанные с фразеологической картиной мира, еще не проводились. Кроме того, каждый исследователь предлагает свою номинацию той или иной фразеосемантической группы: «Характер, поведение человека» (М.С. Горе), «Свойства личности» (Г.А. Багаутдинова), «Свойства и качества характера человека» (Р.И. Яранцев), «Личностные качества и черты характера человека» (Р.Х. Хайруллина), «ФЕ, оценивающие характер человека» (З.В. Сметанина), «Черты характера, моральные и деловые качества» (Л.А. Лебедева).

Как справедливо утверждает В.Г. Гак, «какие бы классификации человек

ни проводил... всегда границы между классами окажутся зыбкими» [Гак 1998: 692]. На самом деле, ряд семантически близких фразеологизмов могут быть отнесены к разным фразеосемантическим группам, например, кумыкский фразеологизм *ач гѣз* (букв. голодный глаз) может быть отнесен в фразеосемантические группы «жадность» и «алчность».

Все исследователи едины во мнении, что фразеологическая картина мира носит ярко этно-национальный характер. «Система образов, закрепленных во фразеологическом составе языка, служит своего рода пищей для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях» [Телия 1996: 215].

Фразеологизмы отражают моменты исторического развития нации, несут в себе информацию о народе, его социальном, культурном, этнографическом характере. На вопрос «Как дела?» кумыки часто отвечают фразеологизмом *уьй гиевден кьолайбыз* «лучше, чем у примака». ФЕ *уьй гиев* (досл. домашний зять) «примак» говорит о существовавшем обычае, когда молодой человек, чтобы отработать калым или из-за неимения жилья, средств переходил жить в дом тестя. Данный фразеологизм свидетельствует о том, что существовал у кумыков, как и у некоторых других тюркских народов, и брак отработкой. Фразеологизм отрицательно характеризует человека, потому что это унижало его достоинство, при подобной форме брака молодой человек закабалял себя.

Наиболее распространенным способом образования фразеологических единиц является фразеологизация свободных словосочетаний. Например, *авзу ачыкъ* «рот открыт» — свободное словосочетание и *авзу ачыкъ* «считать ворон» — фразеологизм, *уьй этмек* «строить дом» — свободное словосочетание и *уьй этмек* «женить» — фразеологизм. Результат такого переосмысления — появление метафорического или метонимического переносов в языке. Таким образом, метафора и метонимия являются основными источниками фразеологизации и формирования фразеологической картины мира. Г.Н. Складневская

справедливо отмечает, что «врожденное чувство аналогии заставляет отыскивать сходство между самыми отдалёнными сущностями: не только между предметами чувственно воспринимаемого мира, но и между конкретными предметами и отвлеченными понятиями» [Скляревская 1987: 59].

Понимание антропоцентричности во фразеологической картине мира предполагает выяснение особенностей отражения образа человека в языке и культуре. Многие фразеологические образы содержат оценочное значение. Среди них достаточно много ФЕ, в которых человек сам дает оценку самому себе, поэтому такие образы отличаются ярким антропоцентризмом, ориентированностью на человека. По этому поводу Н.Д. Арутюнова пишет, что «язык насквозь антропоцентричен. Присутствие человека дает о себе знать во всем пространстве языка...» [Арутюнова 1999: 3]. В этом пространстве языка особое место занимают фразеологические единицы. Фразеологизмы, как справедливо отмечает В.А. Маслова, «возникают не столько для того, чтобы описывать мир, сколько для того, чтобы его интерпретировать, оценивать и выражать к нему субъективное отношение» [Маслова 2004: 82].

В связи с этим рассматриваемые в настоящей диссертационной работе фразеологизмы, в которых оцениваются качества и свойства человека, интересны и в плане выражения национально-культурных коннотаций. Как и в других кумыкских фразеологических единицах, в них отразились представления носителей кумыкского языка о нравственности, этикете, внешнем облике, внутренних качествах человека и т.д.

В.Н. Телия характеризует фразеологизмы как «зеркало» нации, так как в них «лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [Телия 1996: 9]. Поскольку во фразеологических образах представлены результаты переосмысления исходных ситуаций, то без историко-этимологической характеристики мотивационная база этих образов далеко не всегда ясна. В связи с таким переосмыслением исходных ситуаций В.А. Маслова отмечает следующее: «Сначала в мире возникает некая прототипная си-

туация, за ней закрепляется содержание, которое затем переосмысливается. Именно эти первичные слова оставляют в образе свой след» [Маслова 2004: 84]. Такая внутренняя форма и отличается тем, что в ней отражаются образы, характеризующиеся национально-культурной спецификой. Те или иные специфические оценки, выражаемые фразеологическими единицами, объясняются ментально-ценностными установками носителей языка.

Гендерные фразеологические единицы, характеризующие человека по признаку биологического пола, представлены как в кумыкском, так и других языках мира. Ряд исследователей оценивает категорию гендера как явление культуры и языка, т.е. гендер рассматривается в лингвокультурном аспекте. ФЕ с гендерной характеристикой в кумыкской фразеологической картине мира используются чаще всего при характеристике внешнего вида человека, его статуса и поведения, некоторых физиологических особенностей человека. Такое изучение образов человека в связи с культурой народа дает возможность глубже понимать те или иные особенности мировосприятия носителями того или иного языка и той или иной культуры.

Особенности отражения образа человека в фразеологических единицах является частью большой проблемы «человек — этнос — язык — культура»), с изучением которой связан вопрос о том, как в языке отражаются окружающий мир и человек с его особенностями внешнего и внутреннего мира.

Практически любой фрагмент картины мира во фразеологических единицах ценностно окрашен. Особенно это касается фразеологизмов, характеризующих внутренний и внешний миры человека. Именно данное фразеосемантическое поле ярко отражает эстетические, этические, утилитарные и прочие виды характеристик человека. Таким образом, наряду с оценочностью, одним из универсальных параметров описания фразеологической картины мира является образность. Фразеологические единицы отражают культурный опыт, запас знаний и навыков человека.

Отличительная черта ФЕ — наличие в ней не только образной, но и эс-

тетической информации. Следует отметить благотворное воздействие фразеологизмов при помощи специально организованного образного языка на эстетическое сознание человека.

Выявление и описание фразеологической картины мира также проводилось путем предметно-семантического декодирования кодов культуры, посредством которых формируются и отражаются базовые концепты языковой картины мира национальной общности. Представленные в семантике ФЕ коды культуры отражают специфику национальной языковой картины мира, а через компоненты ФЕ и культурную коннотацию ФЕ проявляются специфичные для этноса признаки, отражающие фразеологическую картину мира.

Соответственно поиск метафор, лежащих в основе ФЕ, позволяет выявить как универсальные, так и национально-специфические черты языковой картины мира того или иного языкового коллектива.

Фразеологизм, будучи единицей фразеологического уровня общенационального языка, представляет собой неполное отражение объективной действительности. Фразеологическая картина мира «не копирует предмет изображения, а воспроизводит его в упрощенном и неточном (несколько искаженном) виде: в конкретной национальной фразеологической картине мира отображаются не все свойства мира, а лишь те, которые понимаются ее носителями как важные (упрощенное знание о мире), а также содержатся черты, которыми в действительности мир не обладает (заблуждения и вымыслы)» [Гутовская 2016: 43].

Л. В. Щерба писал, что «язык теснейшим образом связан с мышлением, отражая систему понятий данного человеческого коллектива. Поэтому, изучая язык того или другого народа, мы изучаем исторически сложившуюся у него систему понятий, сквозь которую он воспринимает действительность» [Щерба 1974: 33]. Применительно к ФЕ наблюдения Л. В. Щербы означают, что «однотипные фразеологические образы в разных языках определяются не только тем, что они опираются на своеобразные, непохожие друг на друга языковые

системы разных языков. Причина коренится в специфике эстетической природы образа, созданного средствами того или иного языка. Такое важное явление вытекает из историко-культурных и эмоционально-психологических особенностей различных наций, определяющих их национальные черты, характеры, вкусы» [Щерба 1974: 10].

Вместе с тем, у всех народов наблюдаются в сознании и известные функциональные универсалии, отражающие общечеловеческие категории деятельности, которые не зависят ни от языка, ни от той или иной культуры. Эти универсалии выполняют по-разному одну и ту же жизненно важную функцию — удовлетворяют основные жизненные потребности человека. К универсалиям культуры можно отнести, например, отношение к труду, бережное отношение к материнству, родственникам, гостеприимство, целый ряд других моральных и этических норм, являющихся культурными ценностями.

В каждой языковой общности формируется, особенно в фразеологическом фонде, а также в произвольном взгляде на мир носителей данного языка, определенное, в культурологическом смысле уникальное «мировидение» со своими представлениями о пространственных и временных связях предметов и природных явлений. Именно это явление лежит в основе формирования национально-этнического сознания. Национальное при этом может пониматься как совокупность материальных, культурных и духовных ценностей, интересов и отношений, складывающихся в процессе исторического развития определенной социально-этнической общности.

Как феномен национальной культуры, обладая эстетической, когнитивной, коммуникативной, этической и другими функциями, фразеологизм обогащает наши знания этнокультурной информацией. Так как язык представляет собой наиболее доступное средство выражения культуры, то фразеологизмы актуализируются в языковом сознании индивида в виде национально-маркированных значений языковых знаний.

Обзор особенностей семантики и структуры ФЕ подтверждает мысль о потенциальном богатстве и разнообразии языковой картины мира кумыков в ФЕ. Исследование этно-национальных особенностей ФЕ кумыкского языка, репрезентирующих особенности характера человека, в силу важности данного фрагмента языковой картины мира, имеет большое значение для создания теории национальной специфики тюркских языков. Представленное в диссертационной работе идеографическое описание ФЕ кумыкского языка, способствует пониманию национально-культурных особенностей фразеологической картины мира кумыков.

Выводы по 1-й главе

Резюмируя вышесказанное можно сделать ряд заключений:

1. ФЕ представляет одну из языковых универсалий, репрезентирующую в сжатом виде человеческий опыт, взгляды народов носителей языков на мир, особенности их мышления, менталитета, своеобразие культуры и быта. Рассматриваемые в работах фразеологические единицы, вербализующие характеристики человека, обладают национально-культурной спецификой. Национально-культурная специфика ФЕ предстает во взаимодействии образа, заложенного в структуру ФЕ.

2. В тюркологии ФЕ стали предметом изучения, в основном начиная с 40-50-х годов XX века. В этот период были опубликованы труды по фразеологии казахского, азербайджанского, татарского, башкирского, узбекского языков, в том числе позже и по кумыкскому языку. Тюркологи в своих исследованиях основное внимание уделяют семантическому и лексико-семантическому анализу фразеологизмов, а также определению границ фразеологии.

3. Исследования по фразеологии кумыкского языка начинаются с 1970-х годов прошлого столетия в трудах К.Х. Даибовой. В ее монографии «Фразеология кумыкского языка» рассмотрены общие вопросы фразеологии, семанти-

ческая и грамматическая характеристика фразеологических единиц кумыкского языка, определены типы ФЕ в кумыкском языке, их компонентный состав. Однако углубленное и интенсивное изучение структурно-семантических особенностей кумыкских фразеологизмов приходится на начало XXI-го столетия.

В целом исследователи разных языков нуждались в новых методологических подходах к изучению фразеологизмов, в частности, их семантической структуры, механизмов формирования фразеологического значения и т.п. В кумыкской фразеологии также с XXI в. и до настоящего времени наблюдается подъём исследовательской активности. В основном исследователи сосредоточивались на изучении структурно-семантической организации разных типов ФЕ и на системных отношениях между ними.

4. Наблюдаются активные попытки собрать как можно больше эмпирического материала по фразеологии, упорядочить и классифицировать этот материал. Появляется более полный «Кумыкско-русский словарь фразеологизмов». Ученые пристально исследуют отдельные типы ФЕ, значительно активизировалось сопоставительный аспект изучения фразеологизмов. Появилось и широкое понимание фразеологизмов, которое включает в состав ФЕ пословицы и поговорки.

ГЛАВА 2. СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ВНЕШНИЙ ВИД ЧЕЛОВЕКА, В КУМЫКСКОМ ЯЗЫКЕ

Фразеологические единицы, характеризующие человека, с точки зрения семантики, можно классифицировать на ряд фразеосемантических подгрупп. Самую большую подгруппу составляют фразеологизмы, характеризующие внешние признаки человека.

2.1. Фразеосемантическая номинация внешнего облика человека в целом

В этом параграфе представлены фразеологические единицы кумыкского языка, характеризующие разнообразные общие черты внешности, присущие человеку и доступные зрительному восприятию.

Многочисленную подгруппу в фразеосемантическом поле «внешний вид человека» составляют ФЕ со значением «внешность человека в целом». В рассматриваемую подгруппу входят, прежде всего, фразеологические единицы, определяющие антропологическую конституцию человека.

Фразеологизмы, репрезентирующие внешний вид человека, в составе данного фразеосемантического поля образуют своеобразные оппозиции по нескольким семантическим признакам. Прежде всего, это характеристика роста человека. Наиболее интересными и образными, на наш взгляд, являются фразеологизмы, характеризующие человека необычно высокого роста: *башы пурханы сыйпай* «высокий человек» (букв.: головой потолок гладит) «об очень высоком человеке», *башындан хабар йимик (бийик)* «до такой степени выше него, что мог бы укусить его голову», *терек чакъы* (досл. как дерево) «о высоком человеке», *тал терекдей* «как тополь», *зыртапен эркек* «здоровенный мужчина». *Терек чакъы бою бар, Урагъан ерден оьтген.* (С. Токъбулатов).

«Внешне выглядит как дерево, время, не тот возраст, когда бьют». *Озьюнден оьмюрге уллу Парамаздан эсе Солтанмут сангъа мол, бойгъа ону башындан хабар йимик бийик* (Баммат Атаев). Солтанмут, который по возрасту старше Парамазы, здоровый и до такой степени высокий, что мог бы укунить его голову». Эти фразеологизмы выражают отрицательную эмоционально-эстетическую оценку, они содержат иронический оттенок.

Особо хочется остановиться на фразеологизме *субай тал* (букв. *субай* «стройный, грациозный» + *тал* «ива, тальник»), имеющей мотивированную основу. В результате метафорического осмысления несовместимых понятий *субай* и *тал* данное сочетание получило значение «очень высокий человек, верзила».

В лингвокультурологическом аспекте интересным является фразеологизм *агъач ат* (досл. дерево лошадь). Кумыкские лексикографические источники дают разное толкование данному фразеологизму. В КумРФС К. Даибова переводит данный фразеологизм как «человек-дылда». В КумРФС Н.Э. Гаджихмедов уточняет данное значение и к этому значению добавляет значение «каланча; очень высокий, большой человек». Действительно, в этом именно стилистически маркированном значении данный фразеологизм и используется в кумыкском языке. У фразеологизма *агъач ат*, на наш взгляд, есть еще другие значения. Так, например, появление фразеологизма *агъач ат* Ш.А. Шаваева связывает с верой в то, что в мир иной человека переносит лошадь. Действительно у многих тюркских народов конь считался животным, связующим этот мир (*бу дюнъя*) с тем миром (*о дюнъя*). И у многих народов мира был обычай, в соответствии с которым человека хоронили вместе с конем, считая, что он пригодится и в другой жизни. [Шаваева 2009: 19].

В кумыкском языке фразеологизм *агъач ат* – это результат метафорической мотивации. *Сынажа* в кумыкском языке означает носилки, на которых обычно несут покойника на кладбище. Эти носилки изготавливались из дерева. На таких носилках, то есть на деревянном коне, человек отправляется в пу-

тешестве в другой мир. Образно эти носилки назывались *агъач ат*. В качестве подтверждения приведем пример из суфийской поэзии кумыков. Абдурахман Какашуринский в конце XV | | | века писал:

*Миндирип агъач атыма,
Багъып алдыма-артыма,
Мени тюз этип гьалтыма —
Саланлара салам олсун. (Абдурагъман Къакъашуралы).*
«Посадив меня на деревянную лошадь (носилки),
Посмотрев спереди и сзади,
Поправив меня в узкой выемке на дне могилы,
Положившим – моя благодарность».

Р.Ф. Габбазова, рассматривая фразеологизм *агъач ат* в татарском языке, пишет: «*Агъач ат* (досл. деревянный конь) – это, что-то не настоящее, сделанное для обмана; а фразеологизм: *агач атка атландырыв* (досл. посадить на деревянного коня) означает «обмануть» [Габбазова 2016: 34-35]. В кумыкском языке фразеологизм *агъач атгъа атландырыв* не имеет никакого отношения к значению «обмануть». Данный фразеологизм также является образным метафорическим переосмыслением действия *атланмакъ* «снаряжаться (в дорогу)»: *агъач атгъа атландырыв* значит «проводить на деревянном коне (на носилках) на тот свет (*о дюньягъа*)».

Следует отметить вариант указанной выше ФЕ в карачаево-балкарском языке *агъач тай* (досл. деревянный жеребенок), зафиксированную у Вильгельма Прёле в его «Balkarische Studien» в значении «катафалк, погребальные носилки» [Pröhle 1914/1915:198].

Фразеологизм с параметрическим значением *тобугъуна да гелмей* (букв. до колен не доходит) «очень низкий по росту человек» выражает отрицательную эмоционально-эстетическую оценку и служит для выражения «насмешливого, ироничного отношения к людям такого роста, характеризует и оценивает

особенности телосложения по параметрическим признакам [Богусловский 1993: 100].

Рост человека, его телосложение, стан, фигура в кумыкском языке выражается полисемантом *бой* «стан, телосложение». Основу фразеологических единиц, определяющих развитие телосложения человека, составляют глагольные фразеологизмы со словом *бой* «стан, телосложение». Это такие фразеологизмы, как *бой салмакъ* (букв. стан закладывать) // *бой алмакъ* (букв. стан брать) «вырасти (на глазах), подтянуться, окрепнуть», *бой гёрсетмек* (букв. стан показать) «показать стан»: *Артдагъы вакъти чи бой алып да гетген.* (Айнутдин Мамаев). «В последнее время он вырос на глазах». *Элмурза бой салып, оьрюм яш болуп геле.* (Гебек Къонакъбиев). «Эльмурза подтянулся, парнем стал». *Яхшы бой салгъан* (Магъамматсолтан Ягъияев). «Хорошо подтянулся».

Человек, удовлетворенный своим внешним обликом, во время выступлений перед аудиторией может демонстрировать свой внешний вид. Однако несоответствие внешности содержанию выступления отрицательно оценивается фразеологизмом *бой гёрсетмек* «показать внешность»: *Эре туруп, кычырып бой гёрсетмек де эрши, айрокъда, олар сав миллетни атындан сёйлеме къарай буса.* (Магъамматгъанипа Акаев). «Стоя кричать, показывая свое телосложение, тоже некрасиво, особенно когда они пытаются говорить от имени народа».

Фразеологизм *бой салмакъ* в значении «подчиниться» встречается и в близкородственном карачаево-балкарском языке: *Жашчыкъны керти да къарылу-кючлю болгъаннга санап, эмеген анга бой салгъанды* (Фольклор балкарцев).

Конституция человека развивается в его движении. В этом развитии многое зависит от самого человека, что вербализовано в кумыкском фразеологизме: *Бош тургъан булан бой оьсмес.* (Магъамматсолтан Ягъияев). «От безделья человек не будет развиваться».

Степень активности соматизмов в образовании фразеологизмов определяется достаточно представительной группой ФЕ, которые «имеют высокую эмоционально-оценочную окраску, в то же время используются во всех функциональных стилях языка» [Шанский 1985:143-148].

Внешний вид лица характеризуют фразеологизмы с разными кодами культуры: *токъ бетли* «полнолицый», *славян бетли* «женщина со славянским лицом», *чоюн бет* (досл. стальное лицо) «застывшее, безжизненное; непоколебимое», *ярыкъ бет* «светлое лицо». *Умар алтмыш бешлерине чыкъгъан къарт, болса да алай жыйнакъ, токъ бетли орта бойлу гиши.* (И. Керимов). «Несмотря на то, что Умар является шестидесятипятилетним стариком, все равно бодрый, полнолицый, среднего роста человек».

Фразеологизмами *бетине гюн тиймеген* «очень красивая белолицая девушка», *бети къаймакъ йимик акъ* «лицо красивое, как сметана» описывается красота женского лица. Здесь национально окрашенными являются отсутствие загара на лице и сметана, представленная кумыкским названием молочного продукта. И сейчас в кумыкской культуре белый цвет лица считают показателем внешней красоты.

О человеке добром и приятной внешности кумыки говорят *ярыкъ бетли* (букв. *светлое лицом*) или *бетинден нюр яна (тёгюле)* «лицо излучает добро». Внешняя положительная оценка лица поддерживается значением слов *ярыкъ* «светлый», *нюр* «свет, луч». *Бети ярыкъ гьаманда, гюзгю йимик лавуллай ер сюреген сабан да.* (М. Минатуллаев). «Лицо его всегда светлое, как зеркало сверкает, плуг, который пашет землю».

Особой эмоциональной выразительностью отличается цвет лица. Для характеристики лица человека используются следующие фразеологизмы: *бети кагъыз йимик* «лицо белое как лист бумаги», *бети ёкъ* «лица нет», *бети чита йимик* «лицо красное, как морковь», *бетини тюзю ёкъ* «лица нет», *бетинден тюзю къачгъан* (досл. цвет лица убежал) «лицо стало бесцветным», *бетинде къаны ёкъ* (досл. на лице крови нет) «бледен как полотно», *сыпаты там йимик*

(букв. лицо как стена) «лица на нём нет», *сыпатын буздай этмек* (букв. сделать лицо как лед) «холодное, неприветливое лицо». Все эти фразеологизмы, выражают отрицательную оценку большой степени интенсивности и являются замещающими эмоционально-эстетическими оценками. *Ону гёзлери юмулгъан, бети тамдай агъаргъан* (Шарип Альбериев). «Его глаза закрыты, лицо побледнело, как стена». *Мурат бетинден туюсю къачгъан Билгамишни пульсун санады* (Ибрагъим Ибрагъимов). «Мурат измерил пульс Балгамиша, потерявшего цвет лица».

Зооморфный код культуры в характеристике лица представлен лексемами *ат* «конь», *огъюз* «вол», *донгуз* «свинья». Зооморфическая метафора формирует в данном случае отрицательную эстетическую оценку: *ат бет* «лошадное лицо», *огъюз бет* «воловое лицо», *донгуз бет* «свиное рыло»: «*Сиз магъа баш гётерме къараймысыз, донгуз сыпатлар!* – деп, акъырды ротмистр. (И. Керимов). «Вы зачем мне голову поднимаете, свиные лица!» – закричал ротмистр».

Растительный код культуры представлен лексемами *чопур* «рябина; рябой», *чита* «морковь»: *чопур бет* «рябое лицо», *чита сыпат* (досл. морковь лицо) «красное лицо». *Ону саз топуракъ туюсдеги чопур сыпаты къарсалап бишген къалачгъа ошашлы* (Хизри Арсланбеков). «Его рябое лицо похоже на в спешке испеченную лепешку».

Большое круглое лицо выражается фразеологизмом *тепси бет* (досл. поднос лицо) «о человеке с широким лицом» в результате метафорического осмысления. *Баташ поход караватда олтуруп бир затлар язып турагъан къараявуз тепси бетли гишини таныды* (Ибрагъим Керимов). «Баташ узнал смуглую женщину с широким лицом, которая сидела на походной кровати и что-то писала»

Отрицательно характеризуется женщина, которая злоупотребляет косметикой: *подур бет* (букв. пудра лицо). *Ол къырыйындагъы подур бетли къа-*

тынгъа яхшы тергевлю къарады (Абзайдин Гьамитов). «Он внимательно смотрел на женщину с напудренным лицом».

К соматическим фразеологизмам, отрицательно характеризующим человека, относятся ФЕ *ув бет* «ядовитое лицо», *булут басгъан бет // булут янгъан бет* «лицо, покрытое тучами»: *Бир вакъти олар магъа ув бет деп ат такъгъан эди* (Алимпаша, Саламатов). «В одно время они меня называли «ядовитым лицом».

Люди по своим внешним характеристикам могут быть очень похожи друг на друга. Для характеристики людей, совершенно похожих друг на друга, используется соматический фразеологизм *башын гесип салгъандай* (досл. *будто голову, отрезав положили*) соотв. «одинаковые, похожие». *Лап башын гесип салып къойгъандай атасы* (Ибрагъим Ибрагъимов). «Вылитый отец».

Нормальное состояние лица характеризуется фразеологизмом *къызылы – къызыл, агъы – акъ* «кровь с молоком». *Эльмурзаланы хоншусунда яшайгъан бир къыз бар: къызылы – къызыл, агъы – акъ.* (Гебек Къонакъбиев). «По соседству с Эльмурзой живет девушка: кровь с молоком».

В кумыкском языке существует обширная группа ФЕ с соматическим компонентом *баш* «голова», характеризующая внешний вид человека, связанный с физической формой головы. Внешний вид головы выражают цветофразеологизмы *акъ баш* «седой», *сари баш* «рыжий», фитонимические фразеологизмы *къабакъ баш* (досл. тыква голова) «человек с большой головой», *пастан баш* (досл. дыня голова) «рыжий», *бурма баш* «кучерявый». *Узун тюклер, бурма башлар, къысгъа энглер; хыйлыларыны сурад чыгъарагъан аппаратлары да бар.* (Ибрагъим Ибрагъимов). «С длинными, кучерявыми волосами, короткими рукавами, у многих даже фотоаппараты есть».

В репрезентации внешнего вида головы человека большое место отводится зоонимическим фразеологизмам. Для выражения «большая голова» часто в аспекте оценки включается зоонимический код культуры с зоонимными компонентами *бугъа* «бугай, бык», *тана* «бык», *обгюз* «вол»: *бугъа баш*

«большая голова, не совсем умный человек», *тана баш* (букв. *бычья голова*) «большеголовый», *обгюз баш* (досл. голова вола), а продолговатая голова ассоциируется с головой гуся: *къаз баш* (букв. *гусиная голова*) «о человеке с длинной шеей». *Сюзме турагъан обгюз йимик токътагъан* (З. Атаева). «Стоит как вол, который готов бодать».

Гендерной окрашенностью обладают фразеологизмы *юмурукъ баш* «голова с кулачок, маленькая голова», *чюйке баш* (досл. челнок голова) «маленькая голова», использование которых ориентировано только на характеристику лиц женского пола: *Бу чюйке баш этген уллу ишлеге не деп айтарсан!* (И. Керимов). «Ну что ты скажешь тому, что сделала это головушка».

Кумыки, под куклой понимали «детскую игрушку, выполненную в виде фигурки человека». Раньше дети лепили куклы из теста:

Анам берген хамурдан

Арив къурчакъ этемен,

Арив къурчакъ да этип,

Арив къастгъа етемен. (З. Атагишиева).

«Из теста, которое дала мама,

Красивую куклу слеплю.

Слепив красивую куклу,

Достигну лучших намерений».

Значение слова *къурчакъ* «кукла» имело антропологическую составляющую. Теперь куклой считаются и изображения животных: зайца, медвежонка и др. Слово *къурчакъ* в кумыкском языке содержит семему «красивый»: *Шулай арив мадам. Къурчакъ мадам, къурчакъ...* (А. Гъамитов). «Какая красивая дама. Красивая дама, красивая».

Фразеологизм *аюв къурчакъ* (досл. медведь кукла) «о некрасивом человеке» в кумыкском языке используется для характеристики общего внешнего вида человека: *Вая аюв къурчакъ! Не эрши затсан хари, Ажай.* (А. Гъамитов). «Ой-йо-йой, какая некрасивая! Какая ты некрасивая, Ажай».

Фразеологические единицы, описывающие глаза, можно разделить на несколько подгрупп. Наиболее характерной для внешней образной характеристики глаз является зоонимическая метафора: *ябалакъ гѣз* (букв. *совиный глаз*) «о человеке с большими глазами», *тана гѣз* (*гѣзлю*) (букв. *телячьи глаза*) «большеглазый, лупоглазый», *кикимав гѣз* (букв. *совиный глаз*) «лупоглазый», *бакъа гѣз* (букв. *лягушка глаз*) «пучеглазый, глаза навывкате». *Къалмасын ону хасияты, ялкъгъанман шу кикимав гѣзден* (Фолькл.). «Да ну его характер, на-доел мне этот совиный глаз».

Зоонимический код представлен и во фразеологизме *къой гѣз* (досл. *бараний глаз*) «крупные выпуклые, глаза на выкате», а пищевой код во ФЕ *долма гѣз* (букв. *голубцы глаз*) «лупоглазый». *Экисини де къара генг къашлары, къой гѣзлери, уллусув бурнулары*. (И. Керимов). У обоих – черные широкие брови, глаза на выкате, большие носы».

Цвет глаз, их красота чаще всего используется при характеристике внешнего вида человека: *жанлы гѣзлер* «живые глаза», *гогаман гѣзлер* (досл. *грабовые глаза*) «черные глаза», *ала гѣзлер* «серые глаза», *къара гѣзлер* «черные глаза». Поэты часто воспевают чёрные и светлые глаза.

Сююнч сѣне, ёл ачылса къайгъыгъа,

Ала гѣзюнг аччы гѣзьяш ашаса. (Зулайха Атагишиева).

«Радость угасает, когда приходит горе,

Когда сероглазая глотает горькие слезы».

Когда мы смотрим человеку в лицо, одно из первых, на что мы устремляем свой взгляд, – это брови. Во фразеологической картине мира кумыков зафиксированы тонкие, широкие, кустистые, густые, алмазные брови: *къалам къашлы* (досл. *карандаш бровями*), *къош къашлы* (досл. *шалаш бровями*) «со сросшимися бровями», *къалын къашлы* (букв. *с толстыми бровями*), *алмас къашлы* (досл. *с алмазными бровями*) «с черными бровями». *Ону гиччиси ула-ны Идрис бек исбайы, узун бойлу, къош къашлы адам болгъан*. (М. Гъажиев). «Его младший сын был человеком стройным, с длинной шеей, со сросшимися

бровями». *Къалам къашлы, гюл юзлю Назлы*. (Баммат Атаев). «Чернобровая, светлолица Назлы».

Во фразеосемантическую группу, описывающую брови человека, входят фразеологизмы, характеризующие густоту, форму и цвет бровей. Например: *къалам йимик къашлары* (досл. брови как карандаш) «чернобровая», *къалын къашлар* «густые брови», *къарлыгъач къашлар* (досл. брови как ласточки) «черные брови», *къарлыгъачны къанатыдай къашлары* (досл. брови, как крылья ласточки), *къашлары къанат йимик* (досл. брови как крылья), *тююлген къашлар* «нахмуренные брови», *къош къашлар* (досл. брови как шалаш) «сросшиеся брови». *Къарлыгъачны къанатыдай къашларын гётерди къызъ-яш* (И. Керимов). «Девушка подняла брови, похожие на крылья ласточки».

ФЕ характеризуют длину и толщину шеи. Для этого используется метафорический образ с зоонимным кодом культуры: *къаз боюн* «гусиная шея» (длинная тонкая) – *тана бойну* «бычья шея» (короткая широкая), а *бойну ёкъ* (досл. шеи нет) «короткая шея». *Столну артында олтургъан къаз бурун офицер турду ва сёйлеме башлады*. (М.-С. Ягъияев). «Сидевший за столом с длинной шеей офицер встал и начал разговаривать».

Фразеологизмы, описывающие форму носа, достаточно разнообразны. Многообразие различных форм носа метафорически характеризуется в следующих образных единицах: *къыргъый бурун* «орлиный нос (тонкий, с горбинкой)», *бабиш бурун* «утиный нос/нос уточкой». Представления о форме носа ассоциативно связываются с формами таких овощей, как баклажан и картошка: *картошка бурун* «нос картошкой (широкий, толстый книзу)», *баклажан бурун* «нос как баклажан». Все фразеологизмы со словом *бурун* «нос» чаще всего имеют пейоративный оттенок и произносятся с иронией, пренебрежением и скептицизмом.

Во фразеологическом фонде кумыкского языка с помощью сенсонима *къулакъ* «ухо» нашли свое выражение следующие особенности процесса звукового восприятия информации. Самую большую семантическую группу со-

ставляют фразеологизмы, выражающие значение «слушать внимательно». Для образной репрезентации данного значения в кумыкском языке используются следующие фразеологизмы: *къулакъ асын* (досл. ухо повесив) «внимательно», *къулакъ яйып* (досл. ухо раскрыв) «внимательно», *къулакъ къаплап* (досл. ухо покрыв), *къулакъ салып* (досл. ухо положив»). ***Къулакъ асын тынглагъанман Гёк денгизни йырына.*** (З. Атагишиева). «Очень внимательно слушаю песню синего моря». ***«Арив тынгла, къулакъларынгны яхшы яйып»***, – деп, *Муслим хабарлама башлады.* (И. Керимов). «Слушай внимательно, хорошенько раскрыв свои уши», – так сказав, Муслим начал свой рассказ». ***Терезелеге къулакъ къаплап тынглагъан сонг баш нёкер: «Озьюнг къолгъа гелсенг, яхшы»***, – деди. (И. Керимов). «Внимательно прослушав через окно, главный слуга сказал: «Лучше сам сдавайся». ***Эшикге ювукъ болуп къулакъ салып тынглай*** (А. Къурбанов). «Подойдя ближе к дверям, внимательно слушает». ***Биринчи казасын уруп, баягъылай къулакъ салып токътай.*** (И. Керимов). «Завершив свою первую прополку, он, по-прежнему, внимательно прислушивается». Возможно, возникновение этих фразеологизмов связано с наблюдениями наших предков за жизнью животных. Животные в природе, услышав какие-то звуки, начинают дергать ушами, разворачивая их в сторону, откуда раздается звук. Фразеологизм *къулакъ салып тынгламакъ* и *къулакъ къаплап тынгламакъ* содержат значение «слушать с любопытством, с интересом».

Целенаправленный характер слухового восприятия отражен в глагольных фразеологизмах, репрезентирующих значение «внимательно слушать»: *къулакъ асмакъ*, *къулакъ салмакъ*, *къулакъ салып тынгламакъ*, *къулакъ асын тынгламакъ*.

С ушами можно совершать разные действия: их можно поднять, жевать и т.д. Значение «слушать очень внимательно, не пропуская ни одного слова, настороженно» выражают фразеологизмы *къулакъларын тургъузуп тынгламакъ* (досл. подняв уши слушать), *къулакъларын тик тургъузуп тынгламакъ* (досл. подняв уши вертикально слушать), *къулакъларын яйып тынгламакъ*

(досл. уши застав слушать): *Жайран арпадан оьзюню пайын да ашан, кьулакъларын тик тургьузун, бек илиякълы кюйде бугьар кьаран токьтагьан эди.* (Ю. Гереев). «Жайран, съев свою долю ячменя, растопырыв уши, ласково смотрел на него». *Эбин тапмай кьулакь яйын тынгладыкъ.* (Къ. Жамалдин). «Не зная, что делать, мы внимательно слушали».

Во фразеологизмах данной группы наблюдается метафорический перенос с образа животного на образ человека: животное обладает способностью двигать ушами, когда прислушивается к источнику звука.

Фразеологизм *кьулакъларын кьысмакъ* (досл. прижать свои уши) связан с внешним перекрытием слухового канала. *Мугьажир буланы кьавгьасындан ялкьын, кьулакъларын кьысын токьтагьан* (Ю. Гереев). «Мугьажир, кому надоел их шум, сидел, прижав свои уши».

Человек, который не хочет слушать, затыкает или закрывает уши. Для этого используются специальные фразеологизмы: *Кьазакь шону залим ушатмай, кьулакъларын тыгьар чакьы бола.* (И. Керимов). «Казаку все это не нравится, он готов закрыть свои уши». *Асев кьолларыны аялары булан кьулакъларын ябын токьтагьан эди.* (И. Керимов). «Асев стоит, прикрыв ладонями свои уши».

Эмоционально-экспрессивным оттенком обладают соматические фразеологизмы, выражающие значение «не слушать или плохо слушать»; *кьулагьына да гирмей* (досл. даже в его ухо не заходит) соответствует русскому *даже в ус не дует, бир кьулакьдан тынгламакъ* (досл. одним ухом слушать) «слушать невнимательно, занимаясь каким-л. другим делом; подслушивать» и *бир кьулагьы ёкъ* (букв. одного уха нет) «о человеке плохо слушающем, безразличном, слушающем собеседника наполовину»; *бир кьулакь* (досл. одно ухо) «плохо слушающий, не слушающий, безразличный (человек)». *Жьыйындагьылар барысы да бир кьулакьдан колхозну председателине тынглагьан.* (М.-С. Ягьияев) «Все присутствующие на собрании внимательно слушали председателя».

В словарях кумыкского языка фразеологизм *бир кьулагъы ёкъ* (досл. ухо (его) нет) «плохо слушающий, безразличный человек» не зафиксирован. Этот фразеологизм заслуживает внимания с точки зрения выражаемого им значения. Если фразеологизм *бир кьулагъы ёкъ* выражает значение «плохо слушающий, безразличный», по идее *къулагъы ёкъ* должен был выражать значение «не слушающий». Однако фактический материал говорит о том, что фразеологизм *къулагъы ёкъ* выражает значение «не знает, не в курсе». *Муну буса алып битген пайында да къулагъы ёкъ.* (М. Абуков). «Он даже не знает о том, что свою долю получил». *Муслимни алывчулардан къулагъы ёкъ эди.* (Абзайдин Гьамитов). «Муслим о покупателях ничего и не знал». *Ювукъ гелип токътагъан атлыларда яшланы къулагъы да ёкъ.* (Баммат Атаев). «Дети не знали о всадниках, которые стояли рядом».

Человека, пропускающего все мимо ушей, невнимательного, не замечающего вокруг себя ничего, не придающего значения сказанному, выражается фразеологизмом *къулагъы болмай* (досл. не бывает уха): *1613-нчю йылгъа ерли Москвада къалмагъаллар гючленип, пача алышынып, ондагъы гьакимлени Таргъу шавхалда къулагъы да болмагъан.* (Б. Атаев). «В 1613 году в Москве были скандалы, царь был свергнут, поэтому руководство ничего не знало о таркинском княжестве». *Тек ону бизин дарсларда къулагъы да болмай эди.* (М. Абуков). «Однако он о нашем классе ничего не знал».

Для репрезентации значения «узнать о чём-л. по слухам, понаслышке; краем (краешком) уха» используется фразеологизм *узун къулакъдан* (досл. от длинного уха): *Узун къулакъдан эшитдим, Ильяс мени атамны да гёрсетген деп.* (А. Къурбанов). «Через, через кого-то я узнал, что Ильяс и моего отца предал». *Узун къулакъдан эшитгенмен, ялгъанмы-гертыми билмеймен.* (Баммат Атаев). «Знаю по слухам, а правда или неправда не знаю». Этот фразеологизм характеризует людей, у которых развито любопытство. Поэтому он содержит семему «слушать с любопытством; осведомленный».

Для характеристики человека, который невнимательно слушает кого-либо и не запоминает того, что ему говорят, в кумыкском языке используется фразеологизм *бир къулагъындан гирип, бирисинден чыгъа* «в одно ухо влетает, в другое вылетает» или *бу къулагъындан гирип, о къулагъындан чыгъып гете* «с этого уха заходит, а с того уха выходит». *Яхшы ва яман айтдым, англатьып болмадым, бу къулагъындан гирип, о къулагъындан чыгъып гете* эди. (М. Хангишиев). «И по-хорошему говорил, и по-плохому, – не смог объяснить, с одного уха заходит, а с другого выходит».

Значение «наказание» содержат фразеологизмы *къулакъларын бурмакъ* (букв. выкрутить уши) «предупредить строго-настрого», *къулагъын гесмек* (досл. отрезать ухо). Эти фразеологизмы используются по отношению к детям. *Дагыр, оъзюню абуруна ва атына къарамайлы, къулагъы бурулгъан яш йимик къызарды ва пусду.* (Ю. Гереев). «Дагир, несмотря на свой авторитет, как мальчик, которому покрутили уши, покраснел и замолчал».

Значение «все время болтать о чем-либо, надоедать постоянными разговорами о надуманных историях» передают следующие фразеологизмы: *къулакъларын печ тутгъандай этмек* «прожужжать все уши», *къулакъларын чайнамакъ* (досл. уши жевать) «прожужжать все уши», *къулакъларын шишидирмек* (досл. уши надуть) «наговаривать много лишнего, неверного», *къулакълары аврутмакъ* (досл. уши заболеть) «наговаривать много лишнего, неверного». *Ёлдаш Гъамзат, сизин къавгъагъыздан къулакъларым авруй.* (А. Къурбанов). «Товарищ Гамзат, от вашего шума у меня уши болят». *Магъамматны сен йибергенсен Петерге деп, анасы гъар гюн къулакъларымны чайнай.* (И. Керимов). «Ты отправил Магомеда в Питер, а его мама мне надоела со своими упреками и замечаниями».

Кроме того, примечательно, что в кумыкских ФЕ соматический компонент *къулакъ* «ухо», как правило, как и в тувинском языке, в основном употребляется в форме единственного числа, а в русских фразеологизмах – в форме множественного числа [Кечилоол 2016: 109]

Чувство чьего-то неконтактного воздействия отражают фразеологизмы *кѳулакъларым яллай* «уши горят» и в значении «кто-то говорит о тебе или обо мне». *Эртеден берли кѳулакъларым яллайгъан шогъар болгъандыр.* (Ибрагъим Ибрагъимов). «Поэтому, наверное, у меня с утра уши горели».

Контактное воздействие выражает фразеологизм *кѳулакъларым авруй* (досл. уши болят) «надоедать разговорами», *кѳулакъларым зувулай* «чувствовать звон в ушах». *Ёлдаш Гъамзат, сизин къавгъагъыздан кѳулакъларым авруй.* (Амир Къурбанов). «Товарищ Гамзат, от вашего шума у меня уши болят». *Шу сени портупиянынгдан кѳулакъларым зувулай.* (Амир Къурбанов). «От твоего фортепьяно у меня уши болят».

Человек в ситуации общения, слушая собеседника, включается в процесс восприятия речи. Не всё, о чем говорит собеседник, приятно слушать, что-то может производить неприятное впечатление. В таких ситуациях в кумыкском языке используется ФЕ *кѳулакългъа яман чалына* соотв. *ухо (уши) режет*, «производит неприятное впечатление при восприятии на слух». *Макъалангны бир ери кѳулакългъа яман чалына* (Магъаммат Атабаев). «Одно место в твоей статье ухо режет».

Эмоционально-окрашенными являются фразеологизмы *кѳоян кѳулакъл* (досл. *заяц ухо*) «лопух» и *салпан кѳулакъл* «разиня, простофиля». *Не болду кѳоян кѳулакъл?* (Ю. Алимханов). «Ну что стало, лопух?» «*Гёрмедим*», – дей, *уялмай, салпан кѳулакъл* (Ибрагъим Ибрагъимов). «Не видел», – говорит, – бессовестный, разиня».

Ребенок, который после занятий готовит уроки, думает о том, чтобы быстрее закончить их и выйти на улицу играть. Для характеристики такого ребенка используется ФЕ *кѳулагъы къырда* (букв. *ухо на улице*) «думать об улице». *Дарсларым этемен деп олтургъан, тек кѳулагъы буса къырда* (Магъамматсолтан Ягъияев). «Говорит, что уроки делает, а думает об улице (уши на улице)».

О том, что нужно говорить осторожно, так как могут подслушать, что секреты трудно сохранить, говорит фразеологизм *тамны да кзулакълары бар*, которому в русском языке соответствует ФЕ «и у стен есть уши». *Бираз сакъ сёйлегиз, унутмагъыз, тамны да кзулакълары бар* (Ибрагъим Ибрагъимов). «Говорите осторожно, не забывайте о том, что и у стен есть уши».

Человеку природа дала два уха, чтобы он хорошо слышал. Однако человек может слушать как двумя, так и одним ухом. Когда он слушает обоими ушами, он хорошо слышит и получает достоверную информацию: *эки де кзулагъы булан эшитмек* «слышать своими (собственными) ушами»: *Эрингден яшыргъан оъзюнгни айры акъчанг болма герек дегенни эки де кзулагъым эшитди*. (Сираждин Токъболатов). «Я сам своими ушами услышал, как он говорил о том, что у нее должны быть деньги, припрятанные от мужа».

Фразеологизм *кзулагъына чалынмакъ* выражает значение «услышать мимоходом, случайно, краем уха»: *Бирден итни гъанцыллаву кзулагъына чалынды*. (Къалсын Акъгёзов). «Вдруг послышался визг собачки». *Ярты ачылгъан эшикден таныш тавуш кзулагъына чалынды* (У. Мантаева). «Через полуоткрытую дверь послышался знакомый голос».

Человек может слушать и одним ухом, тогда он или не слушает, или ему все равно, о чем речь идет, и он слушает, занимаясь другим делом: *Къабакъ алда къатыны да, уланы да сёйлейгенге ол бир кзулакъдан тынглагъан* (Ибрагъим Керимов). «Он перед воротами одним ухом услышал разговор между женой и сыном».

Когда по секрету кто-то кому-то что-то говорит, чтобы разговор никто не услышал, даже шайтан, который по представлениям кумыков может создать проблемы, тогда используют ФЕ *шайтан кзулагъына къоргъашын* (досл. на ухо шайтана олово). *Билгамиш ону кзулагъына яшыртгъын: «Магъа шону Барият айтды, шайтан кзулагъына къоргъашын»*, – деп гетип къалды (Ибрагъим Ибрагъимов). «Билгамиш: «Об этом мне сказала Барият, будь проклят шайтан, если он услышал», – шепнул он ему на ухо и ушел».

Человек, симулирующий глухоту всем своим видом, старается показать, что он ничего не слышит. Для выражения данного значения в кумыкском языке используются два фразеологизма: *шайтан къулакъ сангырав* (досл. *ухо шайтана глухое*) «я ничего не слышал» и *еси къулакъ сангырав* (досл. *хозяина ухо глухое*) «делать вид, что не слышал»:

Умалат. *Ал, душманынгны оьлтюрген окъну башы!*

Узлипат. *Шайтан къулакъ сангырав.* (Алимпаша Салаватов).

Умалат. Возьми конец стрелы, которой был убит твой враг!

Узлипат: Никто ничего не видел и не слышал.

В исследуемой группе фразеологизмов, характеризующих человека, встречаются стилистически маркированные, просторечные ФЕ, свойственные разговорному или сниженному стилю речи: *китир къулакъ* (досл. *кусок кожи с шерстью для обмазки земляного пола + ухо*) «неряха, замарашка». *Ким айтгъан? Ким айтгъан! Ким эсе китир къулакъ айтгъан.* (Ибрагъим Ибрагъимов). «Кто сказал? Кто сказал! Какая-то замарашка сказала».

Ухо выступает в качестве индикатора уровня прослушивания. Разную физическую способность человека слышать выражают антонимические фразеологизмы *къулакъгъа бек* (досл. *на ухо крепок*) «плохо слышит, глуховат», *къулакъгъа сакъ* (досл. *на ухо осторожен*) «чутко прислушиваться». *Къара-Мурза бираз къулакъгъа бек адам, оьзю де бир баш бийик Хасайдан.* (Ибрагъим Ибрагъимов). «Кара-Мурза на ухо немного туговат, сам тоже на голову выше Хасая». Синонимом фразеологизму *къулакъгъа сакъ* является фразеологизм *сакъ къулакъ* (букв. *осторожное ухо*) «чуткое ухо», которое также используется для характеристики человека быстро и легко воспринимающего что-л. на слух человека.

Человека, который делает вид, что не слышит, характеризует фразеологизм *къулакъларынга яв тыгъылгъанмы?* (досл. *твои уши забиты маслом*). «Уят», –*деп айтаман сагъа буссагъат!* «*Къулакъларынга яв тыгъылгъан-*

мы»?! –деп кычырды Алискендер. (И. Керимов). «Разбуди», – говорю сейчас же!». «Твои уши маслом забиты, что ли?» –крикнул Алескендер.

Часть фразеологизмов образно связана с внутренним перекрытием слухового канала: *Не оюндур сен этеген?! Къулакъларынг тутулгъанмы?! –деп кычырды дагъы да Гулак. (И. Керимов). «В какие игры ты играешь?! Оглох что ли?» –закричал еще раз Гулаг». Къулакъларынг тутулгъанмы, мен чи сагъа сорайман? (И. Керимов). «Оглох что ли, я же тебя спрашиваю?*

Рассмотрим положение ушей «в пространстве». Для характеристики веселого, жизнерадостного человека, который широко улыбается, используются следующие ФЕ в разных вариантах: *къулакъларына ерли иржаймакъ* (досл. до ушей улыбаться), *авзун къулакъларына ерли герип иржаймакъ* (букв. улыбаться, рот до ушей разинув), *авзу къулакъларына етише* (букв. рот до ушей доходит). *Варне шону да айтып, уллу авзун къулакъларына ерли герип иржайды. (Ибрагъим Ибрагъимов). «Варне, сказав это, широко улыбнулась». «Воллагъ, яшлар, магъа улан тувгъан деп язылгъан», –деп авзун къулакъларына ерли герип иржайды (Гебек Къонакъбиев). «Ей-Богу, ребята, здесь написано, что у меня родился сын», – сказал и широко улыбнулся». Варне, баягъы къулакъларына ерли иржая, кюлей туруп гете. (Ибрагъим Ибрагъимов). «Варне, широко улыбаясь и смеясь, уходит».*

Таким образом, фразеологические единицы с соматическим компонентом *къулакъ* «ухо» широко используется для разнообразной характеристики человека. В результате исследования был выявлен семантический потенциал ФЕ с сенсорным соматическим компонентом *къулакъ* «ухо». Этот объем представлен многообразием значений, характеризующих человека с разной физической способностью слышать и услышать. Ядром данного семантического поля являются значения: *слушать, прислушиваться, услышать, слабая физическая способность слышать, слушать внимательно, не слушать*. Периферию семантического поля составляют значения: *получать информацию посредством слухов, избыточное говорение, подслушивание, секретничать и др.* Обра-

зы кумыкских фразеологизмов восходят к позе животного, «наострившего» уши, демонстрируя повышенное внимание к тому или иному звуку. Это создается с помощью метафоры, уподобляющей поведение человека действию насторожившегося по той или иной причине животного.

Образ, связанный с Луной, представлен в фразеологизме *ай мангалайлы* (досл. лоб, подобный Луне) «высокий круглый лоб». *Улан табарман ай мангалайлы...* (А. Салаватов). «Сына рожу с луноподобным лбом».

Щеки характеризуются по признакам полноты, цвета: *юкъкъа яякълар* «тонкие щеки», *яякълары къар йимик* (досл. щеки как снег) «белые щеки», *яякъларынг нар йимик* (досл. щеки как гранат) «красные щеки», *томалгъан яякълар* «пухлые щеки», *яякълары ябушгъан* (досл. прилипшие щеки) «худые щеки», *бюрюшген яякълар* (досл. морщинистые щеки). *Эрнилерин къысын, офицер юкъкъа яякъларын гёпюртдю.* (А. Гьамитов). «Офицер, зажав губы, вздул свои тонкие щечки».

Мы обнаружили еще несколько соматических фразеологизмов, выражающих внешний вид человека. Это фразеологизмы с соматическими компонентами *аякъ* «нога», *тиши* «зуб», *авуз* «рот»: *балбу аякъ* «о человеке с большими ногами»; *балбу тиши* (досл. *балбу* «доски для молотьбы зерновых с вделанными в них осколками кремния + *тиши* «зуб») «большезубый»; *гъанга авуз* (досл. *гъанга* арх. гончарный сосуд с широкой горловиной + *авуз* «рот») «широкоротый, большеротый». *Алдында оърдеги эрнилерин тебин чыкъгъан эки балбу тиши бар. Шо саялы огъар къаладагъылар балбу тиши деп къойгъан.* (И. Керимов). «Сверху вперед выступают два больших зуба. За это во дворце его прозвали большезубым».

Образ телосложения человека выражает ряд ФЕ с соматическим кодом культуры. Внешнее телосложение человека характеризуют ФЕ *токъ битген* «коренастый (человек)», *токъ бойлу* «крупного телосложения», *юкъкъа бетли* «худощавый», *инче бойлу* «стройного телосложения», *девдей бойлу* «величавый, как див», *аргъумакъ атдай* «как аргамак», *орта бойлу* «среднего тело-

сложения», *мол яш* «крупный ребенок», *молдан гелген кьаркьара* «фигура крупного телосложения», *гёрмекли бою // гёрмекли сою* «о человеке с привлекательным видом». *Не арев кьыздыр! Саламатлыгы да бар, орта бойлу.* (И. Керимов). «Какая красивая девушка! Скромная, среднего телосложения». *Девдей боюнз чубукълайын иелген.* (М. Минатуллаев). «Твой величавый, как див стан, согнулся словно прутик».

Конституция человека выражается не только словом *бой* «стан», но и лексемами *юз* «лицо» и *кюц* «облик; внешний вид; лицо». На основе этих синонимичных лексем образованы два синонимичных фразеологизма: *кюцюнз яшынсын!* (досл. твой вид пусть прячется) и *юзюнз яшынсын!* (досл. лицо твое пусть прячется), которые переводятся как проклинание – *будь ты проклят!» Юзюнз яшынсын сени! Согъанны йимик шу башынгны янчма яхшыды сени!* (Магьамматсолтан Ягьияев). «Будь ты проклята! Хорошо бы как луковицу раздавить эту твою голову!»

В семантической структуре обеих лексем есть семема «нежелание видеть это лицо, этот облик». Слово *юз* «лицо, внешний вид» имеет исконнотюркскую природу, а слово *кюц*, на наш взгляд, является заимствованием из дагестанских языков. То, что последнее слово является заимствованием, говорит звуковой состав данного слова. Для кумыкского языка не характерен звук [ц]. Кроме того, слово *кюц* используется в диалектах, находящихся в тесных контактах с дагестанскими языками.

Фразеологизм *юзюнде иманы ёкъ* имеет религиозное происхождение. Иман – это вера и неотъемлемая часть мусульманской религии (т.е. дин). Фразеологизм используется для обозначения человека, «лицо которого говорит о том, что у него нет ни малейшего проблеска веры» (Ибрагимова, Сагитова 2016: 234). *Иманынг ёкъ юзюнде, иманынг битгир* (Магьамматсолтан Ягьияев). «Веры нет в твоём лице, проклятый».

Теонимическое происхождение имеют и фразеологизмы *кьара юзлю* (букв. с черным лицом), *юзюнз кьара болсун* (букв. чтоб лицо твое было чер-

ное), которые сейчас используются в значении «виноватый, опозорившийся». В исламе людей, которые совершали проступки, наказывали: мазали сажей их лицо и выводили на улицу на всеобщее обозрение. Это считался позором. *Авлетимни алдына нечик къара юзлю болуп барайым.* (У. Мантаева). «Как я пойду к своей семье с таким позором». *Оьлгенде алдыбызгъа къара юзлю болуп гелигиз* (Абзайдин Гьамитов). «Когда мы умрем, чтобы вы пришли к нам с опозоренным лицом (букв. с черным лицом)». *Ахыратда магъа къара юзлю болуп ёлукъгъун* (И. Керимов). «Чтобы ты встретился со мной в том мире с опозоренным лицом (букв. с черным лицом).

В противоположность данным фразеологизмам устойчивые выражения *ачыкъ юзлю* и *ярыкъ юзлю* «приветливый, сердечный, откровенный, добродушный» характеризуют человека с положительной стороны. *«Исбайылыкъ да, аривлюк де бир-бирине тарта экен», – деп ойдады Къасум Камалович, къызны ярыкъ юзюне къаран.* (З. Атаева). «Грациозность и красота притягивают друг другу», – подумал Касум Камалович, смотря на добродушное лицо девушки».

Считается, что одной из ключевых характеристик для определения общего внешнего вида человека является тип его телосложения: плотность телосложения. Гармоничность пропорций тела является одним из критериев при оценке общего внешнего вида человека. Для определения человека с гармоничными пропорциями тела употребляется фразеологизм *орта бойлу* «среднего телосложения». *Эмирни уланы Парамаз орта бойлу, дёгерек мангалайлы, узун боюнлу, къараявуз жагъил улан.* (Баммат Атаев). «Сын Эмира Парамаз среднего телосложения, с круглым лбом, высокий смуглый молодой парень».

Человек стройного, красивого телосложения выражается фразеологизмами *марал бойлу* (букв. *марал* «олень» + *бой* «стан») «очень красивого телосложения», *субай бойлу* (букв. *субай* «стройный; изящный, грациозный» + *бой* «стан»), *инче бойлу* (букв. *инче* «тонкий» + *бой* «стан»). *Общежитиени королюна, бийивлени ханына, бийкелени ханына, шо марал бойлу тавлу къыз, оьзю*

ким экенни танытдырды. (Алим Кабардиев). «Королеве общежития, ханше танцев, ханше красавиц, эта горянка красивого телосложения объяснила, кто она такая». *Бару башгъа субай бойлу, узунсюрю сыпатлы, къараявуз Керим агъа чыгъа.* (Баммат Атаев). «К началу забора выходит стройный, с длинноватым лицом, смуглый дядя Керим».

Эти фразеологизмы определяют лишь внешние, видимые черты характера человека, они не определяют глубинные, внутренние черты характера, скрытые от непосредственного наблюдения. По ним трудно определить подсознательные ценности, поведение человека в разных жизненных ситуациях. В поговорке *Тюедей боюнг, тюймедей гъакъылынг* речь идет о человеке крупного телосложения, но не имеющего ума с пуговку. Ср. с ног. *Туьедей бойынъ, туьймедей акылынъ* «Здоровый (рослый), как верблюд, а ума с пуговку».

Одним из самых значимых признаков внешнего облика человека в целом является, прежде всего, общефизический элемент, позволяющий составить представление о человеке в целом, это – пол человека. Признаки пола проявляются в пропорциях фигуры в целом и отдельных ее элементов, общих и частных признаках лица, одежды, некоторых функциональных элементов. Соматических ФЕ, характеризующих внешность человека, в кумыкском языке достаточно много. Почти все названия внешних частей человеческого тела входят в компонентный состав большого числа кумыкских фразеологизмов, характеризующих человека с самых разных сторон.

В кумыкском языке функционируют также ФЕ, которые имеют гендерную окрашенность и указывают на статус мужчины или женщины по принадлежности к определенному полу. Гендерно маркирован и на женский пол указывает фразеологизм *къысгъа аякъ // къысгъа аякълы* (букв. коротконогая) «женщина». В старину так называли женщину, потому что она не получала образования, сидела дома, была ограничена в своих действиях. *О да не хабардыр? Нечик гююп оьлемен мен? Яллап оьлме къысгъа аякълы къызъяшманмы?*

(Ибрагим Керимов). «Это что за разговоры? Как это я умираю? Чтобы себя сжечь, разве я беспомощная женщина (букв. коротконогая женщина).

Принадлежность к женскому полу выражает и фразеологизм *къатынгиши баш* (досл. женская голова): «*Алейсеге сен де давда болгъансан, яра алгъансан къатынгиши башынг булан*», – деди Ажай (Абзайдин Гъамитов). «Значит, ты тоже была на войне, получила рану, будучи женщиной», – сказала Ажай».

В кумыкском фольклоре встречается ныне ставший архаизмом слово *сурайыл* «графин, кувшин (глиняный) с длинным узким горлышком (для напитков)»: *балдан толгъан сурайыл* «кувшин, наполненный мёдом» [КумРС 2013: 357]. Эта лексема является символом стройности, красоты и грации. В результате метафоризации *сурайыл* приобретает значение «красивая, стройная, статная». В «Кумыкско-русском словаре» отмечено, что это слово, выступающее в роли определения, используется при характеристике в основном девушки. В поэзии, на самом деле, *сурайыл бойлу* «красивая, статная, стройная как кувшин» используется в отношении к молодой девушке. Например, у И. Казака есть строка: *Сурайыл бойлу, гюл сойлу* «красивая, статная, стройная как кувшин». Тем не менее, необходимо отметить, что данная метафора используется и в отношении к молодым представителям мужского пола. В кумыкском фольклоре встречается выражение *Гёрмеге сурайыл бойлу, бий сойлу* (Фолькл.). «На вид красавец с княжеской статью».

Кумыки, как и другие народы, издревле почитали величавых птиц, любовались их полетами, танцами и изысканным опереньем. Орнитологический код лежит в основе метафорического осмысления фразеологизма *къуш сойлу* (досл. с птичьим станом). Птица является символом внешней красоты. *Шанжалда олтургъансан учма тургъан къуш йимик...* (Фолькл.). «Ты сидишь на стуле, будто птица, готовая взлететь».

Сосна – дерево, которое воспевается в кумыкском фольклоре. Ее ствол величаво держит изумрудную крону, уходящую к небесам, эта крона запрятана

солнцем. Растительный код культуры для общей характеристики внешности человека использован в ФЕ *къарагъай бойлу* (досл. сосновый стан) «о стройном, величавом человеке». Классик кумыкской поэзии И. Казак в одном из своих стихотворений для характеристики внешности своей возлюбленной использует растительный и птичий коды культур:

Къарагъай бойлум, къуш сойлум.

Къарчыгъа гёзлюм, нюр сёзлюм. (Йырчы Къазакъ).

«С сосновым станом, птичьей осанкой,
Ястребиным взглядом, ласковой речью».

Человека крепкого телосложения, обладающего большой физической силой, сравнивают со скалой: *ярдан гесгендей //ярдан гесип алгъандай* (букв. будто со скалы отрезали) «здоровый, крепкого телосложения» [Гаджихмедов: <http://elibrary.ru/item.asp?id=24230489>]. Данный фразеологизм говорит о том, что эталоном здоровья были люди крепкие, как скалы. *Ону ярдан гесип алгъандай, мол савруларыны яш жымчыкъ этлери ойнавну гючюнден беззек тутгъандай къартыллай* (И. Керимов). «В его здоровом, крепком телосложении молодые бицепсы так играли, как будто у него лихорадка».

Для выражения человека крупного телосложения используется значительно больше фразеологических единиц: *токъ бойлу* «крупного телосложения, толстый, полный, тучный», *девдей бойлу* «величавый, как див», *арнаут бойлу* «величавый, как арнаут», *мол яш* «крупный ребенок», *молдан гелген къаркъара* «фигура крупного телосложения». *Арнаут бойлу жагъыл уланны гёрюп Маликаны къараву алышына, къалам къашлары тююле, сютдей акъ мангалайыны увакъ бюрюшмелери жыйырыла.* (Баммат Атаев). «Когда Малика увидела величавого молодого парня, ее взгляд изменился: нахмурились ее черные брови, сморщились мелкие складки на белом, как молоко, лбу».

Все рассмотренные фразеологизмы характеризуют человека положительно, конкретно указывая на достоинства его конституции.

Характеристика физической внешности, богатырской силы и богатырского телосложения заложена в ФЕ с зоонимическим кодом культуры: *туваргъа баргъан атдай* (букв. как конь, который пас скот) «откормленный», *къабан йимик эркек* (букв. как кабан мужчина) «сильно растолстеть», *таякъ йимик* «худой как палка», *бугъа йимик улан* «парень, здоровый, как бык», *къызыл бугъа* «здоровый, здоровенный человек» и др. *Акмурзаны бирев де йыкъмагъан, амма о буса бугъа йимик уланланы нечесин йыкъгъан.* (А. Къурбанов). «Акмурзу никто не смог побороть, а он скольких парней выиграл». *Халкъдан да айып: къабан йимик эркек орам оьлчеп юрюйгенинг эки-уьч ай бола...* (Шарип Альбериев). «Стыдно от людей: человек, здоровый, как кабан, два-три месяца измеряет улицу вдоль и поперек». Зоонимы *ат* «конь», *бугъа* «бык» и *къабан* «кабан» символизируют крепкую физическую внешность человека.

Анализ материала позволил выделить несколько фразеологизмов, которые характеризуют внешний вид человека по одежде: *бузукъ гийим* (досл. непристойная одежда), *ишчи гийим* «рабочая одежда», *кир гийим* «траурная одежда». *Бек бузукъ гийими де булан юрюйген тиштайна да бар.* (М. Хашимов). «Среди них была и безнравственно одетая женщина».

При более детальном рассмотрении внешнего облика женщины появляется необходимость дать более четкую, конкретную характеристику ее внешнему виду. Желание одеваться «чем ярче, тем лучше» – явный признак отсутствия вкуса. Женщина, одетая в яркую одежду, да еще покрашенная, характеризуется негативно. Для характеристики такой женщины кумыки используют помологический фразеологизм *чумдай гийинмек* (букв. одеться как кизил) «о ярко одетой, наряженной и покрашенной женщине». *Чумдай гийинген тиштайнаны гёрсе ону гёзю къызып гете.* (Шарип Альбериев). «Когда видит ярко одетую женщину, у него глаза разбегаются».

Кумыки нарядно одевались, когда они отправлялись на свадьбу, на парад. Поэтому для характеристики нарядно одетого человека используются

фразеологизмы *парадгъа барагъанда йимик гийинмек* «одеться как на парад», *тойча гийинмек* «одеться как на свадьбу». *Огъар тойча гийинген уланлар, къызлар да ёлугъа.* (З. Атаева). «Ему встречаются нарядно одетые и парни, и девушки».

2.2. Фразеосемантическая подгруппа «полнота» – «худоба»

Параметры человеческой фигуры имеют эстетическую оценку. Особого внимания заслуживают в характеристике человека ФЕ со значением «толстый – худой». Рассмотрим ФЕ, характеризующие телосложение человека по признакам «толстый» и «худой», как объект эстетического восприятия с точки зрения языкового сознания кумыков.

В кумыкской фразеологической картине мира внешность человека характеризуется по признакам полноты и неполноты. Полноту фигуры характеризуют ФЕ, представляющие собой антиномию «толстый – худой»: *тулугъуна сыймай* (букв. в бурдюк свой не лезет) «слишком полный человек», *эшикден гирмей* (букв. через дверь не проходит) «очень толстый», *чабулгъан такъта йимик* «как доска, очень худой», *сюекден башгъа зат ёкъ* «кроме костей ничего нет», *спичка къутукъ йимик* «как спичечная коробка», *гёнюнден де, сюеклеринден де къайры заты ёкъ* (досл. кроме кожи да костей ничего нет). *Чабулгъан такъта йимиксен, сюекден башгъа затынг ёкъ.* *Вёре, дагъы кёп ашан къойма* (Сираждин Токъболатов). «Ты как обтесанная доска, кроме костей нет ничего. Смотри, много не ешь». *Арт вакътилер бек семирген: эшикден гирмей* (Камал Абуков). «В последние годы он сильно поправился: в двери не пролезет».

Следующие фразеологизмы о полном человеке с артефактным компонентом культуры наделены отрицательными коннотативными значениями: *бочкадай болгъан* (букв. как бочка стал) «очень полный человек небольшого роста»; *эшикден гирмей* «очень грузный, большой человек», *къуйрукъ йимик*

(букв. как курдюк) «полный, упитанный, тучный», *дэггерек болгъан* «круглый стал». *Не болгъан сагъа, шишип, эшикден гирмейсен?* (Ибрагъим Ибрагъимов). «Что с тобой, распух, в двери неходишь?»

Эти фразеологизмы указывают на полноту человека через сравнение с каким-либо предметом, например, бочка – это большой и круглый предмет.

Нередко физическая характеристика полноты выражается фразеологизмами с зоонимным компонентом: *туваргъа баргъан атдай* (досл. как откормленный конь) «откормленный», *бедев атдай* «как упитанная лошадь», *донгуз йимик семиз* «жирный, как свинья», *гамиш йимик* «как буйвол», *порсукъ йимик* «как барсук», *тюйлен йимик* «как тюлень». Зоонимные образы коня, буйвола и барсука являются типичными для кумыкской языковой картины мира. Однако необходимо отметить сходства и расхождения в их эмотивной окраске. Фразеологизмы *туваргъа баргъан атдай* «откормленный, упитанный», *бедев атдай* «упитанная как лошадь», *порсукъ йимик* «как барсук», *тюйлен йимик* «как тюлень» наделены положительными коннотативными значениями. Отрицательными коннотативными значениями наделены фразеологизмы *донгуз йимик* «жирный, как свинья» и *гамиш йимик* «полный, упитанный, как буйвол». Слова *гамиш* и *донгуз* в своей семантике, помимо семем «полный и упитанный», имеют еще семемы «жирный, ленивый и грязный».

Глагольные фразеологизмы отрицательно характеризуют человека с избыточным весом, чрезмерно полного: *бёртюп турмакъ* (досл. набухавшись находиться) «о полном, пухлом человеке», *семизге сытыла* «очень жирный» (букв. от жира лопается), *ол семизден ярылып бара* (букв. его распирает от жира), *тыгъып толтургъан йимик* (букв. как будто набили), *май//яв чапмакъ* (букв. масло напасть) «растолстеть, разжиреть». *Семизинден сытылып барагъан Абакар къатыны гъар тюртген сайын атылып гете эди.* (Алим Къабардиев). «Абакар, который от жира лопается, когда его жена толкала, каждый раз подпрыгивал». Эти фразеологические единицы характеризуются стилистической сниженностью.

Таким образом, в данную фразеосемантическую группу входят фразеологизмы, построенные в основном на сравнении с каким-либо предметом. Большинство фразеологизмов принадлежат разговорному стилю речи.

Фразеологизмы, указывающие на худое телосложение, представляя собой оценочную характеристику внешнего вида человека, отражают важный фрагмент мировидения кумыков.

В кумыкской лингвокультуре для репрезентации семантики «худой» ключевым образом являются *сюек* «кость» и *къабургъа* «ребро», которые восходят к древнейшим архетипическим представлениям, связанным с жизнью и смертью. О чрезмерно худом человеке кумыки говорят: *сюекден баишгъа зат ёкъ* (досл. кроме костей ничего нет), *гёнюнден де, сюеклеринден де къайры зат ёкъ* (досл. кроме кожи да костей ничего нет), *сюеги де, гёню де* «кости да кожа», *гёню де, сюеги де* «кожа да кости», *териси де, сюеклери де* «кожа да кости». *Ол нече де бек азгъан: гёнюнден де, сюеклеринден де къайры заты ёкъ.* (Ибрагим Керимов). «Он очень сильно похудел: кроме кожи и костей ничего нет».

В литературе нами обнаружен фразеологизм, где вместо слова *гён* «кожа» употребляется синонимичное слово *яри*, которое обозначает «тонкий слой кожи». Фразеологизм *сюек де, яри де* обладает большей образностью, чем фразеологизм *сюек де, гён де*, благодаря семеме «тонкий» содержащемуся в слове *яри*. *Азгъанбыз, битгенбиз. Бир сюек де, яри де къалгъан.* (М. Абуков). «Похудели мы, очень похудели. Только кости и кожа остались».

Со словом *яри* «тонкий слой кожи» образуются соматические фразеологизмы *яриси чыкъмакъ* (букв. тонкая кожа выйти) «очень похудеть, *яри сыпат* (досл. тонкая кожа лицо) «худое лицо», *яри ямав* (букв. тонкая кожа заплатата) «очень тонкая заплатата».

Ярлылыкъ, сени уьюнг йыгъылсын,

Ягъама яри ямав салдырдын! (Фольклор).

«Бедность, будь ты проклята,

На шею мою заплату поставил».

Лексема *гён* «кожа» тоже может самостоятельно образовать фразеологизмы с образным значением: *гёнюнден къайры заты ёкъ* (досл. кроме кожи ничего нет).

Худоба человека отражается в сравнительных конструкциях, в которых данное значение ассоциируется с различными предметами: *яркыч йимик* (досл. щепка как) «худой, как щепка, высохший, как щепка (о слишком худом человеке)»; *спичка йимик* «как спичка», *спичка къутукъ йимик* «как спичечная коробка», *агъачдан чабын этгенде йимик* (досл. из дерева обтесав сделали будто) «очень худой», *чабулгъан такъта йимик* (обтесанная доска как) «как доска, очень худой», *ахырат сюек йимик* (букв. загробная кость как) «очень худой». *Тек бир териси де, сюеклери де къалгъан! Лап къуругъан селётка! Нечик сен шулай балыкъгъа дёнюп къалдын?* (Бадрутдин Магъамматов). «Однако от него остались только шкура да кости! Настоящая высохшая селедка! Как ты так превратился в рыбу?» *Арыкъ да дюр, агъачдан чабын этгенде йимик, эрши де эрши. Тек шат зат, къуру кюлеп тура.* (Камал Абуков). «И худой, как обтесанное дерево, и очень некрасивый. Но веселый, все время смеется». Все эти фразеологизмы выражают значение «очень исхудавший, истощенный человек».

Фразеологизмам *спичка йимик* «как спичка», *яркыч йимик* «как щепка», *такъта йимик* «как доска» свойственно единство денотата и коннотата значения, однако коннотативный оттенок проявляется ярче. Сема коннотативности, яркой оценочности, высокой эмотивности и экспрессивности отражена в компонентах, выраженных именами существительными *спичка, яркыч, такъта*.

Худой человек – физически слаб и лёгок, он неустойчив в походке, поэтому во фразеологической картине мира кумыков он ассоциируется с легким предметом, которого легко может пошатнуть ветерок: *ел урса йыгъыла* (досл.

если ветер дунет, падает) «об очень худом и слабом человеке». *Азып битип барасан, ел урса йыгъыласан* (Абзайдин Гъамитов). «Ты очень похудел, ветер дунет – падаешь».

О сильно похудавшем, истощенном и изможденном человеке кумыки говорят: *сюлдюрю де къалмагъан* «от него даже силуэта не осталась»; *гёленткиси тюгюл къалмагъан* «кроме тени ничего не осталось», *къабургъа чубукъларын санап боласан* «можно ребра пересчитать», *авзун ачса, оькелери гёрюне* (букв.: рот откроет, видны легкие), *бойнун тартсанг, къан чыкъмай* (букв.: если перерезать горло, даже кровь не пойдет), *ичеклери аркъасына ябушгъан* (букв.: кишки слиплись к спине) и т.д. Все фразеологизмы данной семантической группы имеют оттенок сочувствия.

Интересным, на наш взгляд, является яркий метафорический образ, передаваемый фразеологизмом *авзун ачса, оькелери гёрюне* (досл.: если откроет рот, видны легкие), который вошел в виде этноспецифичного образа в кумыкскую языковую картину мира. Аналогичный образ представлен во фразеологизме *алдындан къарагъан ари ягъындан гюн гёрер* (букв. спереди посмотревший с другой стороны увидит солнце). *Гючюм бар дейген яш шонча да арыкъ чы, алдындан къарагъан адамгъа ари ягъындан гюн гёрюнюр.* (Ибрагим Керимов). «Если спереди смотреть на мальчика, говорившего, что у него есть силы, с другой стороны будет видно солнце».

Таким образом, характеристики телосложения человека по признакам «худой» и «полный» становятся образной основой кумыкских фразеологических единиц. ФЕ, принадлежащие к данной фразеосемантической группе, с точки зрения внутренней формы прозрачны. Они отрицательно характеризуют человека. Объясняется это тем, что человеку свойственно заострять внимание на недостатках внешности, нежели на достоинствах.

2.3. Фразеологическая номинация возраста

Во фразеологическом фонде кумыкского языка достаточно много ФЕ, связанных с характеристикой и оценкой соответствия внешнего вида человека его возрасту. Эти фразеологизмы можно делить на несколько фразеосемантические подгрупп групп.

2.3.1. Фразеологизмы, характеризующие период взросления человека

В кумыкской фразеологической картине мира широко используются ФЕ, связанные с разными периодами взросления, возмужания ребенка. Фразеологизмы, называющие младенческий возраст, выражают различные временные отрезки в жизни человека, связанные с его детством: *яш замандан берли* или *сабий замандан тутуп* «с малых лет». *Сабий заманындан тутуп сакълап оьсдюрген Элмурзаны чы Дарай айрыча кёп сюе эди.* (И. Керимов). «Эльмурзу, которого Дарай вырастила с самого детства, она особенно любила».

С предметным кодом культуры связан фразеологизм *къуннакъдагъы вакъти* (досл. с пеленок время) «с пеленок», указывающий на ранний период детства: *Мен къуннакъдагъы вакътимде Эндирейге гёчюп гелген хунзахлыман.* (Р. Расулов). «Я переселенец из Хунзаха, который с пеленок живет в Эндирее».

Фразеологизм *папах урса йыгъылмайгъан заманы* (досл. если ударить папахой, не падает) в значении «ранний детский возраст» выражает образно действие: «кидаешь на ребенка папаху, а он не падает». *Шариат айтагъан кюйде, папах урса йыгъылмайгъан заманына этишиген* (Баммат Атаев). «По шариату, он такого возраста: закинешь папаху – он не падает».

Зоонимный код культуры для обозначения раннего детского возраста образно представлен и фразеологизмом *къодукъ заманында* (досл. осленок во время) «в раннем детстве». Детский возраст в данном фразеологизме выража-

ется сравнительно: предметом сравнения является зооним *къодукъ* «осленок». *Къодукъ заманында туюп, къоркъутуп уйретген бусанг, гъали шулай ёнкуюмес эди.* (Амир Къурбанов). «Если бы ты с раннего детства научил бы бояться, сейчас он не был бы таким избалованным». Заметим, что фразеологизм *къодукъ заманында* «в раннем детстве» не является сравнительной конструкцией, а представляет собой изафетную конструкцию, хотя он может иметь и сравнительную форму *къодукъ йимик заманында* (досл. осленок как время) «в то время, когда он был, как осленок». Во фразеологизме *къодукъ заманында*, имеющем изафетную структуру, объект сравнения описывается не сам по себе, а в отношении к некоторому предмету без показателя сравнения. На наш взгляд, фразеологизм, имеющий изафетную форму, содержательно не менее эмоционален, чем фразеологическая единица, имеющая структуру сравнительной конструкции.

В кумыкской фразеологической картине мира широко характеризуется период взросления человека. Активность во фразообразовании, связанной с характеристикой взросления и возмужания, демонстрируют такие соматические компоненты как *бут* «нога», *мыйыкъ* «ус», *сюек* «кость», *аркъа* «спина», *бойну* «шея», *гемирчек* «хрящ», *бел* «поясница», *аркъа сюек* «позвоночник». С помощью этих соматизмов образованы фразеологизмы, образно характеризующие детский возраст. Например, значение «неокрепший, молодой» передают фразеологизмы *гемирчеги къатмагъан* (досл.: хрящи его не затвердели), *бувунлары къатмагъан* (досл.: суставы не затвердели), *жымчыкъ этлери къатмагъан* (досл. бицепсы его не затвердели) *бойну къатмагъан* (досл. шея его не затвердела), *сюеклери къатмагъан* (досл. кости его не окрепли). Рассмотрим текстовые примеры, в которых «молодость и неопытность передаются через фразеологический образ лица» [Анисимов 2018: 12], у которого шея, кости, хрящи, мышцы и суставы еще не окрепли. *Ол гъали де жымчыкъ этлери къатмагъан, тек жиерли тербениши булангъы улан.* (М. Хангишиев). «Он пока еще молодой, не очень окрепший, но ловкий парень». *Олар гъали де сю-*

еклери къатып битмеген яшлар (Магъамматсолтан Ягъияев). «Они еще дети, у которых еще не окрепли кости».

Для характеристики молодого, но еще не совсем окрепшего человека, используется фразеологизм с орнитонимным соматическим компонентом *къанат* «крыло» – *къанаты къатмагъан* (досл. «крыло (его, ее) еще не окрепло») «молодой, неокрепший». *Къыз сюесен, тек къанатларынг къатмагъан* (Бадрутдин Магъамматов). «Влюбляешься в девочек, но еще крылья не окрепли».

Язадыкъ сюов йырлар

Къатмагъан къанат булан.

Къанатлар къатмагъандай,

Сюов де къатмай къалды. (Абзайдин Гъамитов).

«Писали мы стихи про любовь

Неокрепшим пером.

Как неокрепшие наши крылья,

Любовь тоже осталась неокрепшей».

Для характеристики детского возраста во многих тюркских языках используется зооморфная лексика [Анисимов 2018]. В кумыкском языке мы не обнаружили лексических единиц для определения детского возраста, связанных с зоонимическим кодом. Однако при ласковом обращении к ребенку используется лексема *танам* «бычок (мой)». *Астагъыз, гъарангъа юхлатгъанман, талгъыр танам уянар!* (Магъаммат Атабаев). «Тише, еле усыпил, еще проснется мой полосатый бычок». *Энни тана болгъанда, анасын сёз айтма кьоймай.* (Магъамматнаби Халилов). «Теперь, когда немного подрос, не дает маме слово говорить».

В кумыкском языке, как и в некоторых других тюркских языках, «молодость и неопытность выражается через фразеологический образ лица с соплей в носу или через ассоциативный образ человека, у которого сопли в носу еще не высохли» [Анисимов 2018]: *Шо бурнупокъ студентлеге Петровскини де, Шураны да елеме кьойдукъ!* (Магъамматсолтан Ягъияев). «Этим сопливым

студентам мы дали захватить Петровск и Шуру». *Бурнупогъу да къатмагъан яшлардан сен неге къоркъасан?* (Ибрагъим Ибрагъимов). «Ты почему боишься детей, у которых в носу еще сопли не высохли?»

В некоторых тюркских языках активность в фразообразовании со значением «молодой, неокрепший» демонстрируют соматические компоненты. Например, в якутском и тувинском языках *эт//эът* «тело», в хакасском *кан* «кровь», *хол* «рука», в алтайском *кол* «рука». Ср. алт. *колга-бутка турган* (досл.: встал на руку-ногу), хак. *холы тыызгалах* (досл.: руки его еще не окрепли); тув. *буду эзеңгиге чет* (досл.: нога его стремени достигь) [Чумакаев 2005: 137].

ошадь была неотъемлемой частью кумыкской культуры. Фразеологический образ *буту оьзенгиге етмей* «нога до стремени не достает» возник на основе наблюдений за действиями ребенка в период его взросления. *Гъали де ону буту оьзенгиге етмей* (И. Ибрагъимов). «Пока еще его нога стремяни не достает».

Образ слишком молодого, не достигшего еще совершеннолетия парня передается ФЕ с соматическим компонентом *мыйыкъ* «ус»: *мыйыгъы гёгерип гелеген* (досл. усы синеющие) «молодой», *эрнине эр мыйыгъы битмеген* (досл. на губах его усы не появились) «молодой, юный», *мыйыгъы гёгермеген* (досл. ус (его) посинел) «о молодом человеке, у которого только появились усы». *Тирменчи юхусырап гёзлерин ачды ва янгы мыйыгъы гёгерип гелеген бек малзаллы къаркъаралы жагъыл уланны гёрдю.* (Къурманали Шамсутдинов). «Мельник спросонья открыл глаза и увидел здорового молодого человека». Во всех этих ФЕ *мыйыкъ* «ус» является «атрибутом недостаточной мужской зрелости и опыта» [Мелерович, Мокиенко 2001: 750].

Данные фразеологизмы имеют сниженную экспрессивно-стилистическую окраску.

Некоторые глагольные фразеологизмы со значением «детский возраст» используются в отрицательной форме: *бишмеген* «незрелый, неопытный, зеле-

ный», *къатмагъан* «не затвердевший» и т.д. Лишь немногие неглагольные фразеологизмы со значением «детский возраст» имеют положительную направленность. Большинство фразеологизмов, характеризующих период развития детей, объединяет семема «отсутствие признака, характерного для следующей ступени возраста».

2.3.2. Фразеологизмы, характеризующие молодого человека

Молодость – это возраст между отрочеством и зрелостью. Значение слова *молодость* в кумыкском языке передается лексемой *яшлыкъ* и фразеологизмом *яш чакъ* (досл. молодое время). Кумыки говорят: *Инг татли зат яшлыкъдыр* «Самое сладкое – молодость». В этом возрасте человек не имеет жизненного опыта, ему многое прощается, некоторые поступки списываются на молодость. На раннем этапе молодости, когда ребенок допускает ошибки, кумыки говорят *яшлыгъын этди* «поступил по-детски». Данный фразеологизм означает, что человек детского возраста обладает знаниями и житейским опытом, характерным и естественным для человека этого возраста.

Для репрезентации неокрепшего молодого человека используется фразеологизм с гастрономическим кодом культуры: *гъали де чий* (досл. *пока еще простокваша*) «еще зеленый, о молодом не зрелом человеке». *Ол гъали де чий*: *чий сююв де сангъа къызыв гелтирмей* (Бадрутдин Магъамматов). «Он еще зеленый, незрелый: недоспелая любовь не согревает тело».

Молодость – неоценимый дар. Она дана, чтобы быть кипучей, активной, жизнеутверждающей, говорит фразеологизм с ярко выраженной образностью *яшлыкъны энгин йыртмакъ* (досл. *порвать рукав молодости*) «о ярко проведенной молодости». *Яшлыкъны энгин йыртын гелген мени ювугъум* (И. Керимов). «Мой друг прожил свою молодость очень ярко».

Для обозначения молодого человека, достигшего призывного возраста, используется фразеологизм *асгер чакъ* (досл. *армейский возраст*):

*Шолай яшлыгъы гетген,
Билмей ачны, талчыкъны.*

Асгер чагъына етген

Гюзде янгурлу-чыкълы. (Жават Закавов).

«Так прошло его детство,
Не зная голода, переживаний.
До армейского возраста дошел
В дождливую, росистую осень».

Семантическое многообразие фразеологизмов, выражающих возрастные особенности человека, «указывает на процесс постепенного физиологического и психического роста человека» [Бравина 2005: 53].

В разные возрастные периоды человек оценивается фразеологическими единицами по-разному. Фразеологизмы характеризуют «молодого человека как неопытного, недостаточно окрепшего физически и духовно. Данная характеристика передается через ассоциативный образ рта с запахом молока и молозива» [Нелунов 2002: 265]. Например: *авзундан сют ийис геле* (досл. изо рта запах молока идет) «молоко на губах еще не обсохло», *авзундан увузу таймагъан* (досл. изо рта молозиво не ушло) «желторотый птенец», *авзундагъы сариси таймагъан* (досл.: во рту желтизна не ушла) «желторотый птенец», *сютю эринлеринден таймагъан* «молоко на губах не обсохло».

Для характеристики девушки, достигшей возраста, когда можно выходить замуж (выдавать замуж), используются две ФЕ: *етишген къыз* (досл. зрелая девушка) «девушка на выданье» и *чагъы етген* (етишген) *къыз* (досл. возраст дошедшая девушка) «зрелая, достигшая зрелого возраста девушка». *Къызъяшны чагъы етишген сонг берип тайдырса, арив бола.* (Шарип Альбериев). «Девушку, достигшую зрелого возраста, красиво, когда вовремя выдать».

Фразеологизм *чагъы етген* «зрелый возраст» может быть использовано и в отношении к мужскому полу. Пол определяется лексическим способом:

Чагъы етген, улуу улан болса да, ол гъали де ана къолун йибермей. (З. Атагишиева). «Хотя он и взрослый парень, до сих пор не отпускает руку матери».

Значение «подростковый возраст» в кумыкском языке обозначают выражения *оърюм заман* (досл. отрок время) и *етишиген заманы* (досл. зрелое время). *Ону оърюм заманы, оъзюн эргиши гъисаплайгъан заманы, он беш йыл бола.* (Ибрагим Керимов). «У него подростковое время, время, когда он считает себя мужчиной, ему пятнадцать лет».

*Ёл арада белгисиз
яхшысы, не яманы,
атъёкъ бармакъ йимик зат
яшны оърюм заманы* (Бадрутдин).

«В пути неизвестно,
что предстоит – добро или зло,
как безымянный пальчик
подростковое время ребенка».

Итак, фразеологизмы со значением «молодой» охватывают промежуток времени с младенческого возраста и до самостоятельной жизни и выражают «неопытность, недостаток жизненного опыта».

2.3.3. Фразеологизмы, характеризующие зрелый возраст человека

Идею зрелого возраста выражают фразеологизмы *заманына етишиген адам* (досл. к своему времени дошедший человек) «человек зрелого, преклонного возраста, во цвете сил» и *заманына гелген адам* (досл. к своему пришедший человек) «человек, достигший преклонного возраста». *Бири заманына гелген эргиши, бири де ондан аз-маз жагъыл къатынгиши.* (И. Керимов). «Один из них – мужчина преклонного возраста, другая – женщина, которая чуть-чуть моложе него». *Сав гюнню узагъында авлакъда ишлеген, заманына гелген къатынланы булай узакъ жыйында юхлагъан деп айыпламагъа яраймы*

(Юсуп Гереев). «Разве можно обвинить женщин, достигших преклонного возраста и целый день работавших в поле, что они заснули на таком нудном собрании».

Фразеологизмы *заманына гелген*, *заманына этишген* характеризуют экзистенциальный аспект развития человека и указывают на достижение им возраста зрелости или пожилого возраста, выражают положительную морально-этическую оценку, основанием которой служат представления об этом возрасте как наиболее продуктивном периоде человеческой жизни.

Зрелый возраст связан с наличием знаний и жизненного опыта человека. Ср.: *яхшы бишмеген* «недостаточно созревший», *бишип битмеген* «еще не созревший», *кённю гёрген гёк бёрю* (досл. много видевший синий волк) «опытный, знающий», *дюнья гёрген кьарт* (досл. старик, видевший мир) «бывалый старик» [<http://elibrary.ru/item.asp?id=24230489>], *кённю гёрген* (досл. много видевший) «видавший виды, очень опытный». ***Кённю гёрген***, *кёп кьыдыргъан кьартлар да бар бу элде, чакъырсагъыз, Жанхыватдай нартлар да бар бу элде!* (А. Салаватов). «Много видевшие, много путешествовавшие старики тоже есть в этих краях, если пригласите, как Жанхыват нарты тоже есть в этом краю».

Татар салгъан тал терек,

Тамурларынг теренде,

Кённю гёрген кьартсан сен,

Тек айтмайсан бирин де. (Ж. Керимова).

Адъектив *гёрген* в сочетании с *дюнья* «мир» имеет положительную коннотацию, вследствие чего носитель знаний получает позитивную характеристику. Детерминатив *кённю гёрген* «много видевший» в сочетании с *гёк бёрю* «синий волк» выносит оценку субъекту как человеку, знающему и опытному» [Червоный 2014; <http://elibrary.ru/item.asp?id=21216770>]. С понятием, выражаемым лексемой *гёрмек* «видеть», в кумыкском языковом сознании связаны высокие критерии умственного развития. *Бир гюн тувгъан бир гюн оьлер, дю-*

нья гёрген ахырат гёрер – бары халкъ къонакъ гысапда. (Фолькл.). «Кто однажды родился, однажды увидит и загробный мир – все люди как гости».

Фразеологизм *дюнья гёрген къарт* (букв. *старик, видевший мир*) «бывалый старик», образованное субстантивом широкой семантики *къарт* «старик; старый» и определительным сочетанием *дюнья гёрген* «видевший мир» означает «разумный человек, человек умудренный жизненным опытом». Судя по внутренней форме сочетания, опытный, знающий человек, в понимании носителей кумыкского языка это тот, кто много видел, много знает и способен дать надлежащий совет [Червоный 2014].

2.3.4. Фразеологизмы, характеризующие пожилой возраст

Пожилой возраст – один из сложных периодов в жизни человека, когда постепенно снижаются физиологические возможности человека. Пожилой человек – уже не молодой, с признаками приближающейся старости человек.

Для обозначения пожилого человека – человека, достигшего солидного возраста – используются фразеологизмы *чаггына этген/чаггына этишген* (досл. достигший возраста), *яшагъан адам* (досл. проживший человек), *заманына гелген* (досл. дошедший до своего времени, достигший своего времени) «в годах», *чаггына гелген* (досл. возраста своего достигший) «пожилой». *Къонакълар, чаггына этишген мадарлы адамлар олтургъанлар* (Абзайдин Мамаев). «Сидят гости, люди солидного возраста и состояния». *Дюнья базар болуп битген заманда, не биревню сатмай, не сен сатылмай шу чаггына гелмек тюзюл яман да!* (Бадрутдин Магъамматов). «Когда весь мир превратился в базар, никого не продав и не продавшись никому, дойти до этого возраста неплохо».

Пожилой возраст характеризует человека по признаку его слабой физической способности делать что-либо или по осуществляемой им деятельности, привычкам, манерам, поведению.

Понятие «дожить до определенного возраста», выражаемое фразеологизмами *чаггына гелмек* (досл. до возраста прийти), *чаггына гирмек* (досл. до возраста войти), *чаггына етишимек* (досл. до возраста дойти), может быть уточнено детерминантами *орта* «средний» и *улли* «большой»: *орта чаггына гелген* «проживший половину жизни» и *улли чаггына гирген* «пожилой»: «Ювукъ заманны ичинде даггы да савут йибережсек», – деп кьошду кьараявуз бетли **орта чаггына гелген** улан (М. Ягъияев). «В ближайшее время отправят еще оружие», – добавил смуглый среднего возраста парень». **Улли чаггына гирсе** де, кьурч гьрюнеген гиши Сайитни саламын алды. (М. Ягъияев). «Хотя и преклонного возраста, мужчина принял приветствие Саида». Кумыки с большим уважением относятся к людям данного возраста, считаясь с их большим жизненным опытом.

«Фразеологической номинацией пожилого возраста охвачен процесс постепенного ослабления деятельности всего организма человека. В первую очередь, у состарившегося человека седеют волосы на голове, висках, на лице» [Анисимов 2018: 16]. Эту мысль подтверждают следующие фразеологизмы кумыкского языка: «Гьали мени **агьаргъан башымны** ер этме сюесен», – деп сьэню битдирип кьойду. (З. Атаева). «Сейчас ты хочешь осрамить мою седую голову», – сказал он и остановился». *Шолай эргышилени самайларындан таба оьрленип, башына астаракъ булан акъ гире.* (Г. Кьонакьбиев). «Вот так у мужчин, начиная с бакенбардов, седина поднимается к голове». *Бийболатны уьстюнде эсги чепген, сакъалына акъ гирген* (Амир Кьурбанов). «Бийболат в старой черкеске, борода покрыта сединой». В приведенных примерах фразеологизмы указывают на признак утраты естественной окраски волос, обычно характерной для старости, которые являются замещающими оценками.

Густые пышные волосы сравниваются с гривой коня: *чачлары атны ялыдай* (досл. косы (ее) как грива коня). **Чачлары атны ялыдай тыгъыс, табанына тиеген кюйде узун, аркъандай базыкъ эди** (А. Салаватов). «Волосы густые, как грива коня».

2.3.5. Фразеологизмы, характеризующие старый возраст

Большинство фразеологизмов, выражающих значение «старик, старый» стилистически маркированы. Стилистически не маркированных ФЕ, обозначающих «старый возраст», немного: *къарт баиш* «старая голова», *къарт баишы булан* (досл. старая голова его с) «несмотря на старость; будучи стариком (старухой)», *акъ сакъал // акъ сакъаллы* «старик». *Юз йыллыкъ акъ сакъаллы оьзюню баишндан оьтген гьалны эсге алып, ойлаша.* (Жават Закавов). «Столетний старик, вспоминая дни, которые он прожил, падает в раздумья».

Однако большинство ФЕ содержат эмоционально-экспрессивную окраску. Во фразеологизме *къарт буса да, нарт* «хотя и старик, но богатырь» старый человек сравнивается с нартом – высокорослым и широкоплечим воином, наделенным невероятной силой: *Гъажи-агъав къарт буса да, нарт!* (Хизри Арсланбеков). «Дядя Гаджи хотя и старый, но как нарт».

Положительные стороны старости заключаются в большом жизненном опыте человека. Оценка опытного, бывалого человека устанавливается с участием зоонимического компонента. Фразеологизм *къарт бёрю* (досл. старый волк) обозначает бывалого, видавшего виды, опытного человека, человека, умеющего переносить жизненные невзгоды, неудачи: *Ол чу къарт бёрю, къайдан да чыгъажакъ, амал этежек.* (И. Керимов). «Он же старый волк, откуда угодно выйдет, найдет выход».

Во фразеологических единицах старый человек сравнивается со старым волком, лисой, свиньёй, соколом: *къарт оьгюз* «старый вол», *къарт тюлкю* «старая лиса», *къарт донгуз* «старая свинья», *къарт къарчыгъа* «старый сокол», *къарт хуху* «старый хрич». *«Сагъа да не бар мунда, къарт оьгюзге», – деди ол.* (Абзайдин Мамаев). *Тек юртлулары бугъар «къарт къарчыгъа» дей.* (Бадрутдин Магъамматов). Все названные фразеологизмы содержат семему «в

годах, старый», но они содержат в значении фразеологизма и оттенок, выражаемый именем существительным. Так, фразеологизм *къарт къарчыгъа* «старый сокол», помимо семемы «в годах, старый» содержит представление как о смелой, ловкой и сильной птице, не знающей себе соперников в охоте. С соколом сравнивали славного воина, подразумевая такие его качества, как рыцарство, храбрость, сила, ловкость. В результате взаимодействия двух семем фразеологизм выражает значение «пожилой», т е «начинающий стареть»: *Къарт къарчыгъабыз нетип тура?* (А. Къурбанов). «Как поживает наш старый сокол». *Къарт къарчыгъа белсенсе, ёкъ гючге тёре, жагыллер гётермейген къаппы гётере.* (Бадрутдин Магъамматов). «Если старый сокол засучит свои рукава, его силе расправы нет: он поднимет мешок, который не поднимут молодые».

Характерным признаком старости, проявляющейся внешне, являются седина и потеря волос. Этот признак также отразился в ФЕ кумыкского языка: *акъ сакъаллы* «1) глава рода, старейшина, почтенный, пожилой человек у тюркских народов в Средней Азии и на Кавказе, 2) мудрый, уважаемый, старый человек, старик, старец, старейшина», *къар сакъаллы* (досл. со снежной бородой), *чал сакъаллы* (досл. с седой бородой). Борода символизирует зрелость, честь, достоинство: *Ёкъ, алдатмай: чал сакъаллы, иман сыпатлы саламат гиши.* (И. Керимов). «Нет, не обманывает: с седой бородой, с верующим лицом, солидный человек». *Чал сакъаллы бийик сув гиши. Алтмышына чыгъа барадыр.* (И. Керимов). «Человек с седой бородой, относительно высокий. Наверное, около шестидесяти лет».

Особую образность создает фразеологизм *патраны битмек* (досл. патрон(его) кончился) «об очень старом, дряхлом человеке», выражающий очень старый возраст: *Гъали ону патыраны битген: гъаран юрюй* (М. Абуков). «Сейчас он совсем слабый: еле ходит».

Кроме семы очень старого возраста, в кумыкских фразеологизмах представлена сема «дряхлости» – качество, свойственное очень старым людям. Для характеристики очень старого человека используются следующие фразеологизмы: *бир аягы кёрде* (досл. одна нога его в могиле) «старый, близкий к смерти человек», *бир аягы о дюньяда* (досл. одна нога его в том мире) [Гаджихмедов 2014: 542] «больной, старый, слабый, близкий к смерти человек», *бир аягы онда, бир аягы мунда* (досл. одна нога там, другая здесь) [Гаджихмедов 2014: 542] «о больном, старом человеке», *погъуна «папай» дегинче яшамакъ* «дожить до преклонного возраста, до глубокой старости». *Гертилей, Бектемир, оьлюр чагъына этишип тура, бир аягы кёрде, бир аягы ерде, о дюньягъа гёчгюнче яшлагъа васият этсе яхшы болур эди* (Шарип Альбериев). «Действительно, Бектемир находится на пороге смерти, пока не ушел на тот свет, хорошо было бы, если бы сделал завещание детям». Все фразеологизмы в приведенных примерах выражают отрицательную комплексную морально-этическую и эмоциональноэстетическую оценку, образно характеризующую период полного угасания физической и интеллектуальной деятельности человека.

Глагольные лексемы обладают большим семантическим потенциалом, что подтверждают глагольные фразеологизмы со словом *къартлыкъ*, репрезентирующие старость: *къартлыкъ геле* (досл. старость идет), *къартлыкъ урмакъ* (досл. старость ударила), *къартлыкъ къажытгъан* «старость согнула», *къартлыкъ къысас салар* «старость накажет», *къартлыкъ тартмакъ* (досл. к старости потянуть) «наступить старость», *къартлыкъ янчгъан* (досл. старость раздавила) «о наступлении старости». *Къартлыкъ геле этип, таптап табаны Эс этмейбиз йылларыбыз шат, кюрде.* (Жават Закавов). «В пятки наступают старость, Не вспоминаем ее в веселые времена». *«Дагъы да семирген, дагъы да къартлыкъгъа тартгъан», – деп ойлаша.* (М. Абуков). «Опять поправился,

опять старость тянет», – думает он». *Къартлыкъ ону белин къажытгъан*. (М. Абуков). «Старость ему спину согнула».

Старение может быть физиологическим и преждевременным. Ускорение темпа старения, приводящее к опережению физиологического уровня старения, отражают фразеологизмы *замансыз къарт болмакъ* «состариться раньше времени», *замансыз къарт этмек* (досл. без времени старик сделать) «заставить состариться преждевременно». *Терс юрюме, терс юрюсенг, атанг-ананг замансыз къарт болур* (Къурманали Шамсутдинов). «Не ходи превратно, если будешь превратно ходить, родители твои раньше времени постареют».

Фразеологизм *замансыз къарт этмек* «заставить состариться преждевременно» используется, когда говорящий хочет подчеркнуть патологические и иные причины, которые привели человека к преждевременному старению. *Аврвлар ону замансыз къарт этди* (Магъамматсолтан Ягъияев). «Болезни сделали его преждевременно старым». Несмотря на то, что оба фразеологизма являются синонимичными, в приведенном примере замена фразеологизмом *замансыз къарт болмакъ* «преждевременно состариться» контекст не допускает.

Человек может постареть преждевременно, то есть он может «опережать» средний уровень старения своей возрастной группы. При преждевременном старении возрастные изменения наступают раньше, чем у здоровых людей соответствующего возраста. Иначе говоря, при преждевременном старении биологический возраст человека опережает его календарный (паспортный) возраст» [Пристром, Пристром, Семененков 2015: 36-45].

Фразеологизмы, характеризующие и оценивающие состояние глубокой старости, полную утрату умственных способностей, физического одряхления, отражающие экзистенциальный аспект завершающего этапа развития человека, выражают отрицательную морально-этическую оценку, опосредованно характеризующую и внешность человека.

2.4. Фразеосемантическая группа, характеризующая походку человека

Физическое и психологическое состояние человека находят свое выражение и в его походке. Как отмечает Г.Е. Крейдлин, «обычно уже первые шаги определяют всю походку, являются её наглядной демонстрацией. ...Достаточно нескольких начальных шагов, квантов соответствующих походок – они уже заключают в себе образ всей походки» [Крейдлин 2016: 133].

Рассмотрим объекты, релевантные для той или иной походки, и признаки, отличающие некоторые виды походки в кумыкской фразеологической картине мира.

Человек с древнейших времен интересовался поведением и походкой птиц. В результате такого наблюдения человека над природой возникли фразеологизмы *къакъма юрюш* (досл. тетерева походка) «быстрая и уверенная походка», *лакълакъ юрюш* (букв. аиста походка) «походка с избыточным сгибанием бедер и высоким подниманием ступней». Тетерева передвигаются быстро и уверенно, вытянув шею, а полет их – очень шумный. Все эти семемы включают в свой семантический потенциал фразеологизмы *къакъма юрюш // къакъма юрюшлю* «тетерева походка». Народный писатель Дагестана Ибрагим Керимов пишет: *Мени къакъма юрюшлюм, минглени титиретеген тавушлум* (Ибрагим Керимов). «Моя (милая) с тетерево походкой, своим голосом доводящая до содрагания тысячи людей». *Ону адамгъа лайыкълы иржайыву, къакъма юрюшю гёз алдыма гелип токътады.* (Агъмат Устарханов). «Перед глазами мелькнули ее ласковая улыбка, тетерева походка».

Лексема *лакълакъ* «аист» в кумыкском языке имеет два переносных значения: 1) размашистая походка 2) пустое времяпрепровождение, болтовня, пустовловие. По ассоциации с размашистой походкой данной птицы возник фразеологизм *лакълакъ юрюш* (букв. аиста походка). *Лакълакъ юрюш* – это манера человека ходить широкими движениями рук или ног и высоким под-

ниманием отвисающих ступней. *Лакълакъ юрюшю булан тюкенге барып, экмек алып гелди* (Агъмат Устарханов). «Он (своей) походкой аиста пошел в магазин и принес хлеб».

По физическим признакам, репрезентируемым фразеологическими единицами кумыкского языка, можно выделить следующие типы походок:

1. По признаку «скорость, темп, ритм движения, амплитуда переноса тела при движении» мы обнаружили следующие фразеологизмы: *югюрюк юрюш* «быстрая ходьба», *тегиш юрюш* «плавная ходьба», *маймакъ юрюш* «косолопая походка», *палхус юрюш* «неряшливая походка», *сукъландырагъан юрюш* «соблазнительная походка», *низамлы юрюш* «мерная походка» и др. *Маймакъ юрюшюн алышдырып, эшикден чыгъып гетди*. (Шарип Альбериев). *Командир Ильясны низамлы юрюшюне тамаша къалды*. (Къалсын Акъгёзов).

2. По типу контакта ног с поверхностью передвижения: *енгил юрюш* «лёгкая походка», *къалкъывлу юрюш* «парящая походка», *йымышакъ юрюш* «мягкая походка», *авур юрюш* «тяжелая походка», *жагъ юрюш* «энергичная походка», *къатты юрюш* «твёрдая походка», *шаркъ юрюш* «шаркающая походка» и т.д.

В этой подгруппе фразеологизмы *авур юрюш* «тяжелая походка» и *енгил юрюш* «легкая походка» находятся в антонимических отношениях. *Авур юрюш* «тяжёлая походка» —это походка страдающего человека и человека грустного, человека уставшего и ежедневных дел и забот. *Василий Иванович алаша, базыкъ, авур юрюшлю адам эди* (Ибрагъим Керимов). «Василий Иванович был человеком низким, толстым и с тяжелой походкой».

Чувство радости, благополучие человека хорошо согласуются с его лёгкой походкой: *Ону енгил юрюшюне ва саламат юзюне къарап, къаравчулар гъайран бола* (Ш. Абдуллаев). «Зрители поражались ее легкой походкой и благополучным видом».

Из физических признаков походок выделим характеристику легкой походки: эта походка не быстрая, ноги должны лишь едва касаться поверхностей

земли или пола, что отражено в ФЕ *юрюйгенде ерге тиймей аягъы* «когда ходит, ноги не касаются поверхности земли»:

Юрюйгенде ерге тиймей аягъы,

Къуймурлукъдан шавла бере яягъы. (Фолькл.).

«Когда ходит, ноги не касаются земли,

Когда кокетничает, щечки горят».

Лёгкая походка человека часто ассоциируется с манерой птиц. Быстрая, бесшумная и плавная походка образно выражается фразеологизмом *енгил юрюш* «легкая походка»: *Арыкъ сыпатлы, тартылгъан къашлы, енгил юрюшлю къыз.* (Камал Абуков). «Девушка с худощавым лицом, подтянутыми бровями, легкой походкой». *Жагъыл, енгил юрюшлю, жыйнакълы улан Лев Толстойну тергевюн тарта.* («Ёлдаш»). «Лев Толстой обращает внимание на молодого, подтянутого, с легкой походкой человека».

Во фразеологической картине мира кумыков походка человека часто сопоставляется с походкой птиц. Так, фразеологизм *къушдай енгил юрюш* (досл. как птица легкая походка) или вариант *къушдай енгил юрюшлю* «лёгкая походка» возник в результате метафорического осмысления походки человека с птичьим полетом. *Ол къушдай енгил абатлар булан Зиявну къырыыйндан оътюп гетди.* (Ш. Альбериев). «Она легкими, птичьими шагами прошла мимо Зиява». *Оъзюню де гёнгю шат, юрюшю къушдан енгил.* (У. Мантаева). «У него хорошее настроение, а походка легче птичьего».

Къушдай енгил юрюшлю,

Бурма чач, инжи тишли,

Авузу – шекер, – тили бал.

Бою-сою гелишли. (Магъамматнаби Халилов).

То, что походка является постоянным свойством человека, может подчёркиваться аффиксом прилагательного *-лы* или притяжательным аффиксом *-ы*.

В исследуемой подгруппе обращает на себя внимание фразеологизм *къалкъывлу юрюш* «парящая походка». Это не быстрая, но в то же время летя-

щая походка, когда ступни ноги едва касаются поверхности земли или пола. Ср.: *Къалкъывлу юрюшю булангъы тиштайна Гъажилени алдында токътады*. (Ибрагим Керимов). «Женщина с парящей походкой остановилась у ворот Гаджи».

Къатты юрюш «твердая походка» – это походка уверенного в себе человека. Такого человека невозможно вывести из себя, запугать или запутать. *Къатты юрюшлю, къатты хасиятлы, тартынывсуз игит болгъан Солтанмут атолубуз*. (Баммат Атаев). «Наш почтенный Солтанмут был человеком с твердой походкой, твердым характером и бесстрашный». Такой человек имеет высокую самооценку, он решителен и целеустремлён.

Походка способствует социализации личности, потому что даёт ключ к самым разным чувствам, таким, как печаль, страдание, гнев, гордость или радость. Так, язык говорит нам о том, что тяжёлая походка характерна для людей, испытывающих отрицательные эмоции: *Инче белли узун къаркъарасын дагъы да тюз тутду, къатты юрюшю булан, оьктем кюйде гетип къалды* (Абзайдин Гъамитов). «Выпрямив свой высокий стан с тонкой талией, с гордой, твердой походкой она ушла».

Тяжёлой походкой идут и люди, уставшие от изнурительной работы или больные, и люди скорбящие: *Ол авур абатлар булан дивангъа етишип, арымакълыкдан чёгюп къалды*. (Микайыл Абуков). «Он тяжелой походкой дошел до дивана и от усталости присел». *О къашлары чорт тюйген гьалда, уьуне етишип, авур абатлар алып канзилерине оьрленди*. (Шарип Альбериев). «Она, нахмутив брови, дошла до своего дома, и тяжелыми шагами направилась вверх по лестнице».

3. По форме тела или форме отдельных телесных объектов, принимаемых при походке с оценочной характеристикой: *палхус юрюш* «неряшливая походка», *жигерли юрюш* «шустрая походка», *пич юрюшлю* «проворная походка», *авункъу юрюш // лав-лав юрюш* «походка вразвалку». *Тек ол оьзюню авункъу юрюшюн асталашдырмады*. (Микайыл Абуков). «Однако он не приостановил свою походку в развалку».

Во фразеологизмах *авункъу юрюш // лав-лав юрюш* «походка вразвалку» синтаксическая и семантическая сферы действия прилагательного расходятся, то есть синтаксически оно присоединяется к слову походка, а семантически относится к форме тела или каких-то его частей при движении. *Палхус юрюшлю адамдан не башчы бола?* (Ибрагъим Ибрагъимов). «Какой из него руководитель с его неряшливой походкой?»

4. Сравнительная характеристика походки человека с некоторыми чертами походки животных и птиц находим во фразеологических единицах: *аюв юрюш* «медвежья походка», *бабиш юрюш* «утиная походка», *къуш юрюш* «птичья походка», *ёргъа юрюш* (досл. иноходь походка), *ебе юрюш* «полуиноходец (начинает бег иноходью и сразу переходит на галоп)», *бакъа юрюш* «походка лягушки».

Для выражения значения «идти неуклюже, наклоняя туловище то вправо, то влево» используются фразеологизмы с зоонимическим компонентом *бакъа* «лягушка»: *бакъа юрюш* (досл. лягушка походка) «лягушачья походка с переваливанием туловища с боку на бок». «*Олар баягъы бакъа юрюшю булан денгиз бойда*», – дей. (М. Хангишиев). «А они со своей лягушечьей походкой на берегу моря» – говорит он.

5. «Телесные дефекты или дисфункции, проявляющиеся при ходьбе, связанные с различными болезнями или старостью» отражают фразеологизмы: *аякъларын гъаран сюйрей* (досл. ноги еле тащит) «едва ноги волочит, с трудом передвигаться от усталости, болезни». *Ол аякъларын гъаран-гъаран сюйрей туруп, вокзалны бир мююшюне барды*. (Ибрагъим Керимов). «Он, едва волоча свои ноги, дошел до какого-то угла вокзала».

Во фразеологическом фонде кумыков достаточно много ФЕ, выражающих оценку характера походки. К фразеологизмам, характеризующим социальную походку, относятся: *бойдакъ юрюш* «холостяцкая ходьба», *гъайсыз юрюш* «беспечная походка», *къайгъысыз юрюш* «беспечная походка», *башалман юрюш* «бесцельные, бесполезные похождения», *алман аякъ юрюшлю* «сомнительные похождения», *яман юрюш* (досл. плохое хождение), *бузукъ*

юрюш «развратные, безнравственные похождения» (между мужчиной и женщиной), *авлия юрюш* (букв. дурное хождение) [между мужчиной и женщиной], *жавансыз юрюш* «безответственная походка», *оьктем юрюш* «гордая походка», *такъсырлы юрюш* «виноватая походка» и др. *Шо бойдакъ юрюшю огъар кемчиликлени арагъа чыгъара турма нушав да этмеди.* (Микайил Абуков). «Его холостяцкие похождения, не помешали выявить недостатки».

Как отмечает Г.Е. Крейдлин, «с походкой люди связывают самые разные черты её исполнителя: и позитивные, и негативные, и физические, и психологические, и часто переносят признаки походки на физические и психологические особенности самого человека» [Крейдлин [http: www.dialog-21.ru/media/3918/kreydlinge.pdf](http://www.dialog-21.ru/media/3918/kreydlinge.pdf)]. *Ялагъай юрюшю булан алгъасан гетди* (Ибрагъим Ибрагъимов). «Он своей льстивой походкой вспешке ушел». *Муна шу яревке юрюшюнз саялы суймеймен мен сени!* (Агъмат Устарханов). «Я не люблю тебя из-за этой льстивой походки!».

С «приобретением высокого положения в обществе походка у человека обычно меняется: она становится медленной, размеренной, важной, солидной» [Крейдлин [http www.dialog-21.ru/media/3918/kreydlinge.pdf](http://www.dialog-21.ru/media/3918/kreydlinge.pdf)]. «*Он гюнден мени рапортумну къаравулла*», – деп, *Басир инамлы абатлар булан чыгъып гетди.* (М. Хангишиев). «Через десять дней жди моего рапорта», – так сказав, Басир широкими шагами встал и ушел».

По особенностям походки, делают определенные выводы о ментальных и психологических качествах человека, о его текущем настроении.

В кумыкской языковой картине мира походка человека сравнивается с походкой утки, с перевальцем и виляньем турнюра: *бабиш юрюш* «утиная походка». Это тяжеловесная «гордая» походка с высоко поднятой головой выражается фразеологизмом с орнитонимом *бабиш йимик оьктем юрюшлю* «с гордой походкой»: *Семирген бабиш йимик оьктем юрюш булан эшикге багъып тербенди.* (Ибрагъим Ибрагъимов). «Она, как откормленная утка, гордой походкой направилась к дверям».

В основе ФЕ *бабишдей чайкъалып юрюмек* (букв. ходить, раскачиваясь, как утка), указывающей на характер походки – ходить переваливаясь с боку на бок, вразвалку [Гаджихамедов 2014: 543] – также лежит зооморфная метафора, которая указывает на тяжелую походку и медленное передвижение. *Арисине берисине къарамайлы, ол озюню бабиш юрюшю булан театркъа гирди.* (Алим Къабардиев). «Никуда не смотря, он своей утиной походкой, вошел в театр». Все фразеологизмы с орнитонимным компонентом образованы в результате метонимического переноса признака «утиная походка» на описание характера человека. Фразеологизмы, мотивированные признаком *бабиш юрюш* «утиная походка», обладают отрицательной коннотацией.

Шустрая, проворная, ловкая; пронырливая, резвая походка выражается фразеологизмами *жигерли юрюш* «шустрая походка» и *нич юрюшлю* «проворная походка». *Шо узунсув нич юрюшлю яш конторкъа гирип гетди...* (Аяв Акавов). «Тот высоковатый, с шустрой походкой парень в контору зашел».

Походки могут также описываться синтаксическими группами, состоящими главным образом из глаголов движения, наречий и деепричастий. Женское движение ног и тела имеет свои особенности. Хотя у кумыков принято считать, что красивая женская походка создаётся неподвижными бёдрами и плечами, фразеологическая картина мира отразила женскую «походку от бедра»: *Гёр, нечик урусбайдыр, алай чайкъала бара.* (И. Ибрагимов). «Смотри, какая красота, как она, красиво раскачиваясь, идет».

Хорошо известна и визуально чётко определима тяжелая старческая походка мелкими шаркающимися шагами. Такой тип походки в кумыкском языке вербализован ФЕ *аякъларын гъаран сюйрей* (досл. ноги еле тащит) «едва ноги волочит, с трудом передвигаться от усталости, болезни». *Амма къарт аякъларын гъаран сюйрей туруп, ону артындан етише.* (Микайыл Абуков). «Однако старик, еле волоча свои ноги, догоняет его».

Люди давно обратили внимание на связь походки с его исполнителем. Фразеологизмы отразили не только физические, но и психологические признаки исполнителя походки. Во фразеологической картине мира кумыков встре-

чаем примеры с такими признаками походок, как беззаботная, вальяжная, ленивая: *башалман юрюш* «бесцельные, бесполезные похождения». *Аллагъ, сагъа аманатман деп, шулай башалман юрюй, гёзю бакъгъан якъгъа*. (Умукусюн Мантаева). «Аллах, я твой заложник», – говорит и ходит беззаботно, куда глаза глядят». *Жавансыз, гъайсыз юрюш адамны абурун артдырмай*. (У. Мантаева). «Безответственное и беззаботное хождения унижают авторитет человека». *Хоншудагъы къызланы гёре эдим гъар-бир ишин, Таза алтынлар йимик, бир къайгъысыз юрюшю*. (Н. Батырмурзаев). «Я видел все дела девушек-соседок, как чистое золото, какая у них беспечная походка».

Богатырскую походку отражает фразеологизм *алпан аякъ юрюшлю* «походка мужчин, подобная богатырской»: *Оьзденлери кълугъа дёнген Къумукъда, Алпан аякъ юрюшлю* (Йырчы Къзакъ). «Уздены превратились в рабов в Кумухе, походка мужчин подобна богатырской».

О человеке, поведение которого с моральной точки зрения вызывает сомнения, кумыки говорят *юрюшюнг татывлу гёрюнмей* (досл. твои похождения вкусными не кажутся). *Зубайдат айта: «Жанбийке, сен, къараса, алай гъакълсыз къыз да тюгюлсен. Буса да юрюйген юрюшюнг татывлу гёрюнмей*. (Н. Батырмурзаев).

Походка может отражать актуальное эмоциональное состояние человека, например, *пашман юрюш* «печальная походка»: *Ёлну кюлкю-масхара булан башлагъан яшлар, гъали тиллери тутулгъандай, пашман юрюйлер*. (М.-С. Ягъияев). «Дети, которые отправились в дорогу радостные, сейчас замолчали, будто язык проглотили». *Гъарунну юрегинде бир къайгъысы бары юрюшюнден белгили эди*. (Н. Батырмурзаев). «То, что у Гаруна какое-то горе, видно было по его походке».

Психологи отмечают, что походка может рассказать о человеке практически всё, начиная от характера и заканчивая привычками, а также происхождением.

Следующие фразеологизмы говорят о поведении человека, несовместимом с нормами нравственности, морали: *яман юрюш* (досл. плохое хождение), *бузукъ юрюш* (букв. дурное хождение) [между мужчиной и женщиной]. «*Энди сама ойлаш, къой шу бузукъ юрюшню*, – десем: сен магъа гъакъыл уйретемисен? – деп, тутуп тѣбелей. (Н. Батырмурзаев). Если я скажу ему: «Сейчас хоть одумайся, оставь свою дурную походку», – он меня бьет».

Значение идти быстрыми, но мелкими шагами передается ФЕ *ѳргъа юрюш* (досл. иноходь походка): *Али, гъали сен буздунг ѳргъа юрюшню!* (Р. Расулов). «Али, ты сейчас испортил иноходь». Слово *ѳргъа* «иноходец, аллюр» в своем основном значении используется для характеристики походки лошади. В результате метафорического переноса способ бега лошади, при котором она одновременно выносит вперед и опускает то обе правые, то обе левые ноги, образовался фразеологизм, который обозначает походку человека.

Самым эмоционально насыщенным фразеологизмом в этой подгруппе является *юрюшю ерини тѳбюндегилеге де эшитиле* (досл. походку [его, ее] слышат и те, которые под землей [мертвые]) «о шумной походке», репрезентирующей наличие звука от контакта ног с поверхностью передвижения. Сени *юрюшюнг ерни тѳбюндегилеге де эшитиле*. (М.-С. Ягъияев). «Твою походку слышат и под землей». Звук цокающих каблучков свидетельствует о несдержанности натуры и бесцеремонности.

В рассматриваемой фразеосемантической группе, репрезентирующей особенности походки человека, представлены следующие структурно-семантические типы фразеологизмов:

а) определительные фразеологизмы с опорным элементом; в роли такого элемента выступает отглагольное прилагательное *юрюшлю* «с походкой»: *къуш юрюшлю* «птичья походка», *лакълакъ юрюшлю* (аистова походка), *бабиш юрюшлю* (утиная походка), *енгил юрюшлю* «легкая походка»;

б) определительное сочетание с опорным элементом – отглагольным именем существительным, зависимым словом которого является прилагатель-

ное с отрицательным аффиксом *-сыз*: *гъайсыз юрюш* «беспечная походка», *жавапсыз юрюш* «безответственная походка», *къайгъысыз юрюш* «беззаботная походка»;

в) безаффиксное изафетное сочетание с атрибутивным значением, в котором *юрюш* «походка» занимает вершинную позицию: *бабиш юрюш* «утиная походка», *оьктем юрюш* «гордая походка», *бакъа юрюш* «лягушачья походка», *къуш юрюш* «птичья походка», *енгил юрюш* «легкая походка», *ёргъа юрюш* «аллюр»;

г) именная группа с опорным элементом, представленным отглагольным прилагательным *юрюшлю* «походкой», имеющим несколько зависимых слов: *алпан аякъ эрлер йимик юрюшлю*, «походка мужчин, подобная богатырской»;

д) компаративные фразеологизмы разных типов с опорным словом отглагольным прилагательным *юрюшлю* «походка»: *къушдай енгил юрюшлю* «с лёгкой птичьей походкой».

Анализ фактического материала показывает, что не все выявленные нами фразеологизмы, определяющие характер походки человека, отражены в фразеографических источниках кумыкского языка.

Выводы по 2-й главе

Фразеологизмы, характеризующие человека, выражают в основном интегральные, дифференциальные и коннотативные значения. В рамках интегральных сем можно анализировать данные фразеологизмы по определенным фразеосемантическим группам и подгруппам. Коннотативный аспект фразеологического значения выражается в реализации эмотивного, экспрессивного, оценочного и функционально-стилистического составляющего, при этом характерным является тесное взаимодействие оценочного и эмотивного компонентов между собой.

ФЕ может иметь отрицательную (неодобрение, порицание, иронию или презрение), положительную или нейтральную оценку. Эмпирический матери-

ал показал, что ФЕ с дерогативной оценочностью в кумыкском языке больше, чем ФЕ с положительной оценочностью. Среди фразеологизмов с положительной и отрицательной оценкой существует небольшое количество ФЕ с нейтральной эмотивной характеристикой. Это тоже представляет собой закономерное явление, потому что основной функцией ФЕ является образное выражение каких-либо явлений действительности.

Большинство ФЕ данной фразеосемантической группы включает в свой семантический потенциал эмотивную оценку. Проведенный анализ богатого фактического материала показал, что фразеологизмы, характеризующие внешность человека, содержат эмотивные семы шуточного, иронического и пренебрежительного отношения. Однако фразеографические источники не всегда включают эти обозначения в словарные статьи.

Во фразеологизмах, характеризующих человека, превалирующими являются зоонимический и артефактный культурные коды. Физические характеристики человека сопоставляются с характеристиками животных, что говорит о сосуществовании в истории цивилизации миров людей и животных. Использование в составе ФЕ названий животных и птиц в качестве характеристики человека делает речь образной и яркой. Все эти фразеологизмы обладают явно выраженной эстетической функцией.

Функционально-стилистический компонент, указывающий на сферу употребления ФЕ, в кумыкском языке недостаточно выражен. Большая часть проанализированных фразеологизмов являются разговорными. Книжные ФЕ не выявлены.

Фразеологизмы, объективирующие характер человека, распределены по фразеосемантическим группам неравномерно, что обусловлено их лингвокультурными особенностями функционирования в языке. Следует отметить, что фразеологизмы, характеризующие внешность человека, в основном представлены номинативными единицами.

ГЛАВА 3. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ВНУТРЕННИЙ МИР ЧЕЛОВЕКА

3.1. Фразеосемантические единицы, характеризующие интеллектуальные свойства человека

3.1.1. Фразеосемантическая микрополе «умный – «глупый»

Во фразеологических картинах мира разных языков интеллектуальные способности человека репрезентируются разнотипными фразеологическими единицами по-разному, что обусловлено, прежде всего, менталитетом народа, говорящего на том или ином языке. В этих фразеологизмах отразились вековые размышления кумыков, связанные с осмыслением умственной деятельности человека.

В рассматриваемом фразеосемантическом поле выделяется семантическая оппозиция «человек, имеющий интеллектуальные способности – человек, не имеющий интеллектуальных способностей», то есть «умный – глупый». Наличие интеллектуальных способностей человека во ФЕ оценивается положительно, а отсутствие умственных способностей – отрицательно.

Анализ фразеологизмов, репрезентирующих данное фразеосемантическое значение, показал, что во фразеологической системе кумыкского языка фразеологизмов, характеризующих глупого человека, значительно больше, чем фразеологизмов, характеризующих умного человека. В результате анализа фразеологических словарей кумыкского языка, а также собранных нами фразеологизмов, мы обнаружили в кумыкском языке 54 фразеологизма, характеризующих глупого человека, и 32 ФЕ, характеризующих умного человека.

В объективации интеллектуальных способностей человека в составе ФЕ чаще других используется соматический компонент *баш* «голова». Как отмечают исследователи, «голова» – это «вместилище сознания» [Марков 1999:

282], которое может иметь самые разные формы. Бинарная антонимическая оппозиция «наличие – отсутствие умственных способностей человека» представлена во ФЕ *башы бар* (досл. голова есть) «умный» – *башы ёкъ* (досл. головы нет) «глупый», характеризующих человека соответственно с положительной и отрицательной стороны. *Башы бар адам* – это человек, обладающий хорошими умственными способностями, умный, а *башы ёкъ адам* – это человек, не обладающий умственными способностями, глупый. *Машалла, англайгъан башынг бар экен, Къарасай.* (Баммат Атаев). «Слава Аллаху, умную голову имеешь, Карасай!» *Оър авулда мен билеген бир яш бар, Оъмюрге яш, бек гъакъыллы бир баш бар* (Алимпаша Салаватов). «В верхнем ауле я знаю одного мальчика, молодого, но с очень умной головой». *Эсине геле, оьзлерден башгъаланы башы ёкъ деп.* (Абдулвагъап Сулейманов). «Он думает, что кроме него все люди глупые». Ср. с другими тюркскими языками: якут. *баһа суох* [Нелунов 2002: 129] // хак. *нас чох* // алт. *баш јок* [Чумакаев 2005: 62].

Наивное языковое сознание легко допускает «утрату» не только головы, но и других органов человека. Например, утрату сердца – *юреги ёкъ* (досл. сердца нет) «безддушный, бессердечный». *Шолай айтып нечик болдунг? Юрегинг ёкъ сени!* (Аткъай Гъажамматов). «Как ты смог так сказать? Бессердечный ты!» Существование (наличие) и отсутствие сердца в данном случае оценивается как отрицательные качества человека, поскольку означают высокомерие и бессердечность соответственно.

Таким образом, представление внутреннего пространства как лишенного некоторых уникальных органов «душевной» жизни или вообще пустого оценивается как нежелательное отклонение от нормы.

Во фразеологической картине мира кумыков умный человек характеризуется через метонимический образ работы головой: *башы ишлей* (досл. голова (его) работает) «умный» – *башы ишлемей* (досл. голова (его) не работает) «глупый». И здесь мы обнаруживаем бинарную антонимическую оппозицию, предназначенную для характеристики человека с интеллектуальной стороны.

Эти антонимические пары имеют одну важную семантическую особенность: они включают в свой семантический потенциал семему, указывающую на скорость восприятия информации. Положительную коннотацию имеют следующие фразеологизмы, которые характеризуют способность человека к быстрому пониманию: *башы ишлей* «об умном, рассудительном человеке», *такъасы ишлей* «соображает, смекалка работает». Напротив, отрицательную оценку имеют выражения, где характеризуется длительный процесс запоминания: *башы ишлемей* «о несообразительном человеке», *такъасы ишлемей* «не соображает, смекалка не работает». «Сени *башынг ишлемей!*» – деп, ол гетип къалды. (М. Абуков). «У тебя голова не работает!» – так сказав, он ушел».

Фразеосемантическую группу со значением «размышление» образуют ФЕ *башын ишлетмек* «шевелить мозгами», *магъасын ишлетмек* «шевелить мозгами». Данные фразеологизмы представляют собой результат метафорического переосмысления словосочетаний, «передающих стереотипное представление о функции головы, как о важном органе, осуществляющем мыслительную деятельность человека» [Фокина 2014: 165]. *Янгыз бир батырлыкъ булан бажарылмай, башынгны да ишлет...* (Аткъай Гъажамматов). «Одного геройства мало, шевели мозгами...». Глагол *ишлетмек* «заставлять работать» выражает движение мысли, скорость восприятия, поэтому значения, выражаемые фразеологизмами с данным компонентом, указывает на скорость восприятия, что оценивается, безусловно, положительно при характеристике человека.

«Работа головы» может быть уточнена детерминантом, который занимает интерпозицию в составе распространенного фразеологизма: *Сени башынг яман ишлемей, иним.* (Баммат Атаев). «Твоя голова неплохо работает, братишка». Во ФЕ при отрицательном глаголе могут быть использованы детерминанты качественной характеристики мыслительной деятельности *яхшы* «хорошо» и *яман* «плохо». При этом сочетание детерминанта *яхшы* «хорошо» с отрицательной формой глагола характеризует человека отрицательно, а фра-

зеологизм с детерминатом *яман* «плохо», наоборот, характеризует человека положительно.

Фразеологизмы *башына гирмей* «в голову не лезет», *башым чыкъмай* (досл. голова (моя) не выходит) «не понимаю, не могу разобраться» используются только в отрицательной форме. Так говорят о человеке, у которого нет желания понять, о чем ему говорят или о человеке, у которого есть желание понять, но ему пока не удастся осмыслить все это.

ФЕ *башым чыкъмай* (букв. голова моя не выходит) «не могу разобраться» характеризует человека, имеющего желание узнать, понять что-либо, но в силу сложности самой проблемы не усваивается, не воспринимается. Мы обнаружили только один пример использования ФЕ *башым чыкъмай* в положительной форме. Ее использовал в своем стихотворении Абзайдин Гамидов, но звучит неестественно:

*Башым чыкъмай кёп затдан,
Кёп затдан башым чыгъа:
Оъзюм де билмей туруп,
Айландым тил ялчыгъа.* (Абзайдин Гьамитов).

«Не понимаю много чего,
Много чего и понимаю:
Сам того не понимая,
Превратился в слугу языка».

Для характеристики человека используется причастная форма этой ФЕ, которая имеет только положительную форму. Однако данная форма фразеологизма используется для отрицательной характеристики человека: *башы чыгъагъан* «соображающий». Отрицание передается частицей *тюгюл* «не». Ср.: *Арапчадан онча башы чыгъагъан гиши тюгюл эди.* (Юсуп Гереев). «Он не был человеком, который знает арабский язык».

Поскольку голова – «вместилище», согласно наивной картине мира кумыков она не в состоянии принимать бесконечное количество информации. По-

этому фразеологизм *башыма гирмей* «в голову не лезет» говорит о невозможности воспринимать новую информацию. Перегруженность головы информацией и невозможность воспринимать новой информации образно объективируется фразеологизмом с метафорическим значением *башым шишиген* «голова опухла». «*Не сёйлежегимни ойлай туруп, башым шишип тура*», – деди Умужат. (Магьамматсолтан Ягьияев). «Думая о том, что я буду говорить, голова распухла», – сказала Умужат».

Баш «голова» – жизненно важный орган, поэтому в кумыкской языковой картине мира потеря головы воспринимается как смерть [Сапукова 2020: 353]. Это подтверждают фразеологизмы *башын тас этмек* (досл.: потерять голову) «испустить дух, умереть», *башын ашамакъ* (досл. голову съесть) «погубить», *башымны гесме къояман* «даю голову на отсечение» [Сапукова 2020: 353;]. *Давгъа-шавгъа тюшюп, башын тас этген* (Жават Закавов). «Он, попав в войну, в битву, потерял свою голову».

Глупого человека кумыки образно характеризуют при помощи разных фразеологизмов. Прежде всего, глупый человек характеризуется как человек с пустой головой. Концептуальная метафора «голова –местилище» [Милашевская 2011: 360], объективированная во фразеологизме *бош баш* «пустая голова», используется для характеристики глупого человека. *Гъакъылы ёкъ бош башлар, Бий болмасын, хан болсун, Бу дюнъядан болмагъандай тас болсун!..* (И. Керимов). «Не имеющие ума бездари, независимо князь он или хан, пусть исчезнут с этого мира, как будто их не было». *Шу бош башынгны жинкме яхшы эди.* (Къурманали Шамсутдинов). «Раздавить бы эту твою пустую голову»

Голова может быть наполнена, забита чем-то другим. В кумыкской фразеологической картине мира она может быть забита стеблями хлебных злаковых культур, остающихся после обмолота, или отбросами, получающимися при молотье хозяйственных растений. В результате метафорического осмысления слов *салам* «солома», *сума* «мякина», *къувукъ* «полова, мякина» в ку-

мыкском языке образовались фразеологизмы *салам баш* (досл. солома голова), *къувукъ баш* (досл. мякина голова), *сума баш* (досл. стебель кукурузы голова). Все они характеризуют глупого человека. *Яхари, сени башынг къувукъдан толгъанмы?!* (Шарип Альбериев). «Послушай-ка, твоя голова мякиной заполнена?»

Таким образом, голова может быть пустой или наполненной. Как пустая, так и наполненная соломой, мякиной, кукурузными стеблями голова содержит отрицательную характеристику человека, а полная мыслями, вопросами голова характеризует человека, обремененного заботами, проблемами.

Интеллектуальная характеристика человека связана с еще одной концептуальной метафорой – это «череп – вместилище», объективированной во фразеологизме *такъа баш* (досл. череп голова) «глупый, глупец». *Не этген деп берген погонланы такъа башгъа?* (Магъамматсолтан Ягъияев). «За что такому дураку дали погоны?»

Артефактный код культуры представлен в субстантивном фразеологизме *жыкъы баш* (досл. гармошка голова), который также используется для интеллектуальной характеристики глупого человека. Гармошка также представляет собой вместилище, внутри которого находится воздух. Отсюда образная концептуальная метафора «гармошка – вместилище». *Гъайгев, жыкъы баш шо сизин гъакимигиз!* (Магъамматсолтан Ягъияев) «Дурак, глупец, этот ваш начальник!»

Уподобление человеческой головы сосуду является традиционным для многих культур. О неспособности головы удерживать необходимое наполнение говорят фразеологизмы *четен баш* (досл. корзина голова) и *элек баш* (досл. сито голова). В результате такого метафорического осмысления оба фразеологизма характеризуют глупого человека. *Тек олар озлер четен башларбыз деп турмай, озлер дюньяны гиннигибиз деп эсине геле.* (Абзайдин Мамаев). «Однако они не думают, что сами глупые, думают, что они пуп земли».

В кумыкском языке *баш* «голова» сравнивается с решетом: *элек баш*

(досл. голова сито) «о рассеянном человеке». *Элек башлы гиевюм булан нени гьякьындан сёйлежекмен?* (Шагьмардан Абдуллаев). «Со своим дурным зятем, о чем же я буду говорить?»

Таким образом, в кумыкском языке голову уподобляют с большой плетённой из прутьев корзиной (*четен баш* досл. корзина голова), черепом (*такъа баш* досл. череп голова), ситом (*элек баш* досл. сито голова), гармошкой (*жыкьы баш* досл. гармошка голова). Приведенные примеры говорят о том, что для репрезентации значения «глупая голова» используется мотив «пустой» и «дырявый».

Во фразеологической картине мира кумыков голова как вместилище имеет и определённый размер. Голова может быть большой или маленькой. Большая голова образно выражается фразеологизмом *тана баш* досл. бычья голова «большеголовый». Для характеристики маленькой головы используются образные фразеологизмы *чюйке баш* (досл. челнок голова) «маленькая голова», *къоз баш* шутол. (досл. орех голова) «человек с маленькой головой». Все фразеологизмы, репрезентирующие размер головы, выражают отрицательную характеристику человека: *Бу чюйке башлы, уллу ишлиге не деп айтарсан?* (Ибрагьим Керимов). «Что скажешь этой деловой, маленькой голове?»

Голова – это вместилище, которое человек в ряде случаев может наполнять конкретным содержанием или опустошать по собственному желанию [Сапукова 2020: 354]. Например: *гьякьыл къошар гьякьылгъа* (досл. на ум прибавить ум) «развивать знания», *башына гьякьыл къуймакъ* (досл. в голову влить ум) «вправить мозги, вразумить» [Сапукова 2020: 354]: *Беш ойлашып, бир сёйлер, башына гьякьыл къошар* (Ибрагьим Керимов). «Пять раз думает, один раз говорит, развивает свой ум».

В КумРФС Н.Э. Гаджихмедова фразеологизм *башындан тайдырмакъ* является полисемантом: 1) отделаться от кого-чего-л., сопроводить кого-л. и 2) удержать, вычесть с причитающегося. Мы обнаружили еще одно значение данного фразеологизма – «выкинуть из головы, забыть»: *Бугюнден сонг сен шо*

ойланы башынгдан тайдыр (Ибрагым Ибрагымов). «С сегодняшнего дня ты выкинь эти мысли с головы».

Отсутствие у человека воли, способности сосредоточиться характеризуют ФЕ *башын тас этмек* «потерять голову, умереть, растеряться, потерять самообладание», *башын салландырмакъ* «вешать, повесить голову (приходить в уныние, отчаяние)» [Сапукова 2020: 353]. *Осман хыйлыдан гелди, тартына туруп сорашып, ари чыгъып, башын да салландырып токътады*. (И. Керимов). «Через некоторое время Осман пришел, стеснительно поздоровавшись, стал подальше, повесив голову». *Оланы мунда ес этгенден, оьзюнгню тас этсенг, кёбокъда кьолай*. (Абас Мамаев). «Чем здесь сделать их хозяевами, лучше тебе самому умереть».

Следующие субстантивные фразеологизмы с опорным компонентом *баш* «голова» и зависимым определительным словом *бузукъ* «испорченный» характеризуют человека как дурного, сумасброда, бестолкового, безнравственного: *бузукъ баш* (досл. испорченная голова), «дурная голова, сорви голова; бестолковый», *башы бузукъ* «бестолковый, беспутный, непутёвый», безрассудный», *бузукъ зат* (досл. испорченная вещь) «бестолковый, беспутный, непутёвый», *бузулгъан адам* (досл. испорченный человек), *бузукъ юрюйген адам* (досл. испорченный человек) «безнравственный человек». *Бузукъ баш къайдагъы тарыкъсыз затланы ойлашар*. (Алим Къабардиев). «Бестолковый человек, непутевые вещи придумывает». *Уллу бузукъ затсан, не бар эди йылама?* (Алим Къабардиев). «Ты большой дурачок, зачем надо было плакать?» *Савунда бузукъ юрюйген гишини оьлюмю, кёбюсю гьалда, шулай болагъаны белгили*. (Нугъай Батырмурзаев). «У беспутного человека и смерть бывает такой непутевой».

Степень испорченности человека во фразеологической картине мира кумыков может быть разной. Приведенные выше примеры свидетельствует о характеристике окончательно испорченного человека. Для характеристики человека не совсем испорченного, не совсем беспутного и не в полной мере бес-

толкового кумыки используют фразеологизм *гъакъылы бютюн тюгюл* (досл. ум его полный нет) «глуповатый, но не дурак». *Сени йимик гъакъылы бютюн тюгюллер барысы да бузукъ айлана.* (Зарипат Атаева). «Такие как ты глуповатые все развратно ведут себя».

Человеческая голова представляет собойместилище. В этомместилище должно быть что-то, заставляющее его думать, мыслить и принимать взвешенные решения. Человека несерьезного, легкомысленного, который не думает о поступках и последствиях своих действий кумыки характеризуют фразеологизмом *башында ел ойнай* (досл. на голове (его) ветер играет) «ветер в голове», *башында ели бар* (досл. на голове (его) ветер есть) «ветер в голове». *Башында ели бар къоччакълардан тюгюл.* (Магъамматшапи Минатуллаев). «Он не из тех героев, у которых в голове ветер».

Мыслительная функция мозга находит свое отражение во фразеологизмах *башы булан ойлашмакъ* «думать головой», *магъалары (башы) ишлемей* (досл. голова не работает) «котелок не варит, пустая голова, о несообразительном человеке».

Исследователи отмечают малую представленность в кумыкском языке ФЕ, характеризующих память человека: *башындан/эсинден чыкъмакъ* «забыться», *эсинде сакъламакъ* «держат в памяти» [Айсякаева 2009: 17]. Эту мысль подтверждают и следующие фразеологизмы: *эсин жыймакъ* «собраться с мыслями», *эсингде тут* (досл. держи в мыслях) «запомни», *эсингни жый* «возьми себя в руки». *Олай айтма, эсингни жый, сен савсан, башгъа аврувунг гёрюнмей* (Нугъай Батырмурзаев). «Так не говори, соберись с мыслями, ты здоров, другой болезни у тебя нет».

Самую большую группу соматических фразеологизмов, выражающих интеллектуальные способности человека, составляют ФЕ с общим значением «глупость». Интересна в этом отношении семантика ФЕ *багъыр баш* (досл. медь голова) «звон в голове». Кумыки пользовались медными подносами. Та-

кой поднос при ударе издавал очень громкий звон. Видимо, этот образ и лег в основу фразеологизма *багъыр баш* «дурная голова».

В КРСФ Н.Э. Гаджихмедова даются два соматических фразеологизма с артефактным компонентом *багъыр* «медь, медный»:

1) *багъыр баш болмакъ* (досл. медной головой стать) «окрепнуть, выздороветь»; «*Гъей багъыр баш!*» – *деп къычырды Лейла – бугюн не гюндюр?!* (Ибрагим Ибрагимов); «Эй, тупая голова, – крикнула Лейла, – сегодня какой день?!»

2) *багъыр баш* (досл. медная голова) соотв. «пустая голова; глупый человек»; «тупица»: *Гъей, багъыр баш! Не такъыллайсан? Сен билеген зат ёкъ мунда.* (Магъамматсолтан Ягъияев). «Эй, тупая голова! Ты что там тараторишь? Ты тут ничего не знаешь».

Если рассматривать фразеологизмы с точки зрения их функционирования в текстах различной стилистической окраски, то ряд ФЕ, характеризующих человека с интеллектуальной точки зрения, имеет сатирическую окраску: *башына ат тепмек* (досл. на его голову лошадь лягнул) «с ума сойти, потерять голову» [Гаджихмедов 2014: 514]. *Моллагъа бармагъа мен башыма ат тепмеген.* (Ю. Гереев). «Чтобы выйти замуж за муллу, я же с ума не сошла».

Все приведенные выше ФЕ с соматизмом *баш* «голова» характеризуют умственные способности человека с отрицательной стороны. Почти все ФЕ с общим значением «глупый» имеют ярко выраженный экспрессивный оттенок.

Особенно многочисленны экспрессивные ФЕ, выражающие значение «дурной». Как справедливо отмечают ученые, «метафорическая модель человек – дерево» – одна из самых архаичных. Отождествление дерева и человека относится к числу фольклорных и мифологических констант» [Мазаел 2014: 60]. Анализ фактического материала показал, что в кумыкской языковой картине мира образ дерева часто используется во фразеосемантическом поле «интеллектуальная характеристика человека».

Как справедливо отмечает Т.В. Леонтьева «глупый человек ассоциируется с деревом, поскольку древесина вообще отличается прочностью» [Леонтьева 2008: 125]. Во фразеологизме *тёнгек баш* (досл. пень голова) «бестолковая голова» мы можем проследить метафорическую связь «человек – дерево». В кумыкском языковом сознании *тёнгек* «пень» – никому не нужная, выброшенная часть дерева, которая связывается с особой твердостью высохшей древесины. Фразеологический материал кумыкского языка подтверждает мысль Т.В. Бахваловой о том, что «для обозначения глупого, бестолкового человека употребляются названия частей дерева, и прежде всего наименование нижней части ствола дерева» [Бахвалова 1993: 55]. *Дюр дагъы, уллу киназ тюгюлмюсен дагъы, тёнгек баш.* (А. Къурбанов). «Да, ты очень большой князь, трухлявая голова».

В кумыкской фразеологической картине мира образ дерева дополняется образом дубины, нутро которого сгорело. С этим же метафорическим кодом связаны фразеологизмы *ичи гюйген (такъа) терекдей* (досл. как дерево, дупло которого сгорело). Выбор этих фразеологизмов также связан с трухлявостью таких пней, отсюда и значение «очень глупый человек, тупой». *Дагъы, негер токътагъансан ичи гюйген терекдей* (Амир Къурбанов). «Ну, чего ты стоишь, как трухлявый пень».

Отрицательная характеристика человека с точки зрения его интеллектуальных возможностей репрезентируются и на основе зоонимического кода культуры. Особенно часто встречаются образы животных, с которыми человек контактировал со дня своего происхождения. В образной основе этих фразеологизмов лежат особенности поведения данных животных.

Фразеологизмы могут указывать на причину появления дурака, глупого человека: *башын тас этген* (досл. голову (свою) потерял) «с ума сошел». *Сен неге къалмагъар этесен? Гъакъылыннг тас этгенмисен?* (А. Къурбанов). «Ты чего шумишь? С ума сошел что ли?»

В кумыкской наивной картине мира выделяется небольшая группа фразеологизмов, указывающих, как следует поступить с глупым человеком. Например: *башына гъакъыл къуймакъ* (досл. в голову ум влить) «вразумить», *гъакъыл бермек* (досл. ум давать) «учить (уму-разуму)», *тюз ёлгъа салмакъ* (досл. на правильный путь поставить) «направить на правильный путь, образумить», *гъакъыл этмек* (досл. ум делать) «учить уму-разуму» и т. д. «*Олай этмей булай этсе, яхшы болмасмы эди экен?*» – *деп гъакъыл береген гезиклери де аз болмады*. (Шарип Альбериев). Немало он учил нас, говоря: «Не так делать, а вот так разве не лучше было бы?» *Гъакъылын тас этген бусурманланы биз тюз ёлгъа салма гереkbиз* (Амир Къурбанов). «Мы должны направить в правильный путь тех мусульман, которые потеряли свой разум».

Гъакъыл «ум» является главной составляющей процесса мышления. *Гъакъыл тёбе* (досл. ум куча) «умный, мудрый человек» в кумыкской языковой картине мира выражает всезнайку независимо от возраста. Высокая интеллектуальная характеристика человека реализуется семантикой существительных *гъакъыл* «ум» и *тёбе* «куча, холм, курган» с пространственным значением и вмещающим в себя «ум». *Жансари ошаймы шолай ачув алып юрюйген къызлагъа, о чу да бир гъакъыл тёбе* (Алим Къабартиев). «Разве Жансари похожа на мстящую девушку, она же умница».

Выше всего оценивается *гъакъыл* «ум». Об этом говорит фразеологизм *тогъас салмакъ* (досл. ставить засов) «останавливать, запрещать». Именно ум запрещает делать ненужное, например, произносить лишнее, ненужное: *Тил не де сёйлер, гъакъыл тогъас салмаса* (А. Мамаев). «Язык о чем только не будет говорить, если разум не остановит».

Для характеристики человека во ФЕ используются слова-компоненты из материальной и традиционной культуры кумыков. Так, артефакт традиционной культуры кумыков *къазан* «котел» используется в структуре ФЕ *яшавну къазанында да къайнагъан* (досл. вариться в котле жизни) «о человеке, имеющем большой жизненный опыт». *Оъзюню заманына гёре бусурман билим*

алгъан Къоччакъай, яшавну къайсы къазанында да къайнагъан (Ж. Гъанакъ-аев). «Коччакай, который в свое время получил мусульманское образование, в каких только котлах жизни не варился».

В кумыкском языке достаточно много ФЕ, характеризующих профессиональный уровень человека в обществе. В них дается оценка образовательному уровню человека с указанием его профессии: *аты айтылгъан* «известный, прославленный», *тарихлерде сыналгъан* «испытанный историей», *асруларда айтылгъан* «навек прославленный человек», *сыналгъан коммунист* «испытанный коммунист» и др. *Къатты деп де, рагъмусуз деп де аты айтылгъан генерал.* (И. Керимов). «Генерал, который известен как жестокий и безжалостный». *Бютюн улькеге аты айтылгъан алим* (М. Гъажиев). «Известный во всей стране ученый».

Тарихлерде сыналгъан,

Айтылгъан, сени атынг. (Ж. Керимова).

Историей испытанное,

Прославленное имя твое».

Все эти фразеологизмы имеют положительную окраску, денотатом в них выступает субъект с высоко оцениваемой профессиональной квалификацией.

Фразеологизмы отражают хорошее отношение людей к знаниям и стремление получить эти знания. Одни их получают, а другие раздают: *билим сорамакъ* (досл. знание спрашивать) «учиться», *гъакъыл сорамакъ* (досл. ум спрашивать) «учиться, обучаться» *Къазанышлы мюридлер ва Мугъутдингъажиси ону янына гъакъыл ва билим сорамагъа бара болгъан.* (М. Гъажиев). «Казанищенские мюриды и Мугудингаджи к нему идут ум и знания получать».

Положительная коннотация создается фразеологизмом *ата-бабаларын гёрсетмек* (досл. предков (его) показать) «раскрыть глаза, дать знать (понять)», содержащим понятие «предки», несущее в себе позитивную оценку субъекта: «помогать правильно понять действительное положение вещей». [Гаджихмедов 2014:46].

Среди данных фразеологизмов, образно характеризующих человека, встречаются фразеологизмы, обладающие ярко выраженным экспрессивным значением, эмоциональной окраской. Таким является фразеологизм *гъали де чий* (досл. пока еще простокваша) «еще незрелый, еще нет глубоких знаний». *Бу яш колгъозгъа башчылыкъ этмек учун гъали де чий* (Ибрагъим Ибрагъимов). «Этот парень, чтобы руководить колхозом, еще не созрел».

Фразеологизмы *акъ бишмек* (досл. белый вариться) «ни то ни се, никакой», *сав сакъат* (досл. здоровый инвалид) «дурак не дурак, умный не умный», *ярты бишген йымырткъа* (досл. яйцо всмятку) «ни рыба, ни мясо» характеризуют ничем не выделяющегося среди остальных, посредственного, во всем средненького человека. *Бах, сав сакъат деп къаркъарасы сав, къылыгъы къынгыр гишиге айтмаймы дагъы?* (Ибрагъим Ибрагъимов). «Ох, разве не безнравственного человека называют здоровым инвалидом».

Фразеологизмы отражают все стороны жизни человека. Особую группу составляют фразеологизмы, характеризующие неполноценного человека, с помощью которых можно более красочно представить образ людей: *яшы бишмеген* «хорошо не созревший», *бош бишмек* (досл. пустой созреть) «глупый», *бишмей чыкъгъан* (досл. не доварили и вытащили) «недоразвитый», *бишмеген жагъиллер* (досл. незрелые молодые) «несовершеннолетние». *Бишмеген жагъиллени къоюгъуз чу* (Н. Ольмесов). «Оставьте-ка несовершеннолетних детей». *Будай баш да шо сени башынг йимик бош бишген буса, дюнъя магълукъ языкъ болар эди.* (А. Мамаев). «Колосья тоже, если бы созревали как твоя пустая голова, весь мир был бы несчастным».

Человека, занятого ненужными, пустыми делами, строящего неосуществимые планы характеризует фразеологизм *бош хыяллар* (досл. пустые помысли) «строить воздушные замки, витать (парить) в облаках»: *Ол оъзюню хыялына этишме нечакъы къаст этсе де, гъакъ яшавну къатты баруларына урунуп, бош хыяллары кюлдей чачыла* (А. Дадав). «Сколько бы он не старался достичь своей цели, столкнувшись с жизненными преградами, пустые мысли в пепель превращались».

Человек характеризуется и благими, чистыми намерениями. Для этого используются фразеологизмы *таза хыяллар* «чистые намерения», *шавлалы хыяллар* «светлые намерения», *къурч хыяллар* «бодрые намерения, светлые намерения»: *Ансар оъзюню шавлалы хыялына етишип болмайгъанына гъакъ юрекден талчыгъа.* (Гъашыкъ Ансар). «Ансар очень сильно переживал за то, что не может достиг своих светлых намерений».

Тангдагъы таза хыял

Тазалай къайгъы-дертни. (Жават Закавов).

«Утренние чистые намерения

Очищают горе и печаль».

Ситуации, связанные с намерениями человека, могут осложняться тем, что человек с добрыми намерениями может оказаться в сложном положении: *Хыяр йимик чиридилер хыяллар.* *Эсгерилмей эркеклиги нартланы.* (К. Султанов). «Как огурец сгнили намерения. Не вспоминаются мужественные поступки нартов». *Инсан токътай мунг болгъанда юреги, Тот басгъанда хыялларын, ойларын.* (Камил Султанов). «Человек останавливается, когда он впадает в уныние, Когда ржавчина покрывает его намерения, мысли».

Для характеристики глупого человека во фразеологической картине мира кумыков используются большое количество ФЕ. Глупый человек определяется, прежде всего, как *авлия баш* «дурная голова». Наивное языковое сознание легко допускает утрату «одного из этих уникальных органов внутренней жизни у человека (*юреги ёкъ* «не имеет сердца, бездушный», *башы ёкъ* «безголовый», *башын тас этмек* «потерять голову), однако «соответствующее существование оценивается как неполноценное, ущербное, поскольку традиционно означает душевную убогость, скудость эмоционально-интеллектуальных и волевых качеств человека» [Барашкина 2007: 137]. Таким образом, представление внутреннего пространства как лишённого некоторых уникальных органов «душевной» жизни или вообще пустого оценивается как нежелательное отклонение от нормы.

3.1.2. Фразеосемантическое микрополе «наличие или отсутствие внимания, понимания и памяти»

В репрезентации концепта «знание» участвует и лексема *англав* «понимание». Фразеологизмы с этим компонентом выражают разные уровни понимания: *англаву ёкъ* (досл. понятия нет) «понятия не имеет», *англаву бар* (досл. понятие есть) «понимает», *генг англавлу* «широкое понимание», *тар англав* «узкое понимание», *терс англав* (досл. неправильное понятие) «превратное понимание», *сай англавлу* «тугодум». *Англаву сай, оьзюню ич культурасы ярлы ёлбашчыдан не культура къаравуллама бола?* (М.-С. Ягъияев). «Когда руководитель тугодум и у него нет своей внутренней культуры, что можно от него ожидать?»

Сени яхшы англай буса,

Англаву ёкълар,

Авамлыкъдан чыкъма къоймай

Сакълажакъ олар. (А. Гъамитов)

«Если тебя хорошо понимают,

Слабоумные,

От невежества уйти не дадут,

Сберегут тебя».

Для отрицательной характеристики человека используются образы неуклюжих животных, особенности их жизни, внешние и внутренние черты характера, образ жизни. В наивном языковом сознании кумыков *эшек* «осёл» – это символ глупца, занимающегося постоянно тяжелой работе: *эшек къылыкълы* «с глупым характером», *эшек йимик токътамакъ* «упрямый как ишак». *Инсанман деп турагъан сенде де бар чы эшек къылыкълар.* (Ибрагъим Ибрагъимов). «И у тебя, считающего себя человеком, есть глупый характер». *Гюню*

гелсе, эшек йимик токътарлар (Магъамматсолтан Ягъияев). «Если день их день придет, станут как ишак».

Полное отсутствие понимания выражает зооморфный фразеологизм, имеющий высокую степень эмоциональной окрашенности *англавсуз эшек* «непонятливый осёл».

Наличие или отсутствие памяти и внимания выражают фразеологизмы *гъакъылын тас этмек* «потерять рассудок», *эсге гелмек* (досл. на память прийти) «прийти на память», *гъакъылын тот басмакъ* (досл. ум ржавчиной покрываться) «старческий склероз» [Гаджихмедов 2014: 541]. *Алгъасама, гъакъылын тас этген адамланы биз тюз ёлгъа салма герекбиз* (А. Къурбанов). «Не спеши, мы должны поставить на правильный путь людей, потерявших разум». *Ол бир затлагъа шекленеми экен деп де эсима гелип гете эди.* (И. Керимов). «Мне казалось, что он в чем-то догадывается».

Фразеологизм *гъакъыл къазаны тешилмек* (досл. продырявиться котлу ума) «терять ум, знания» образно характеризует человека, который постоянно давал советы, учил разуму других и вдруг перестал это делать. Репрезентации данного значения способствует артефактный код культуры, выраженный лексемой *къазан* «котёл, кострюля», выступающей в функции вместилища ума. Содержимое дырявого котла (кострюли) всегда становится меньше. *Арт вакътилерде огъурлу хабар сама гелтирмейсен! Не болуп къалгъан, гъакъыл къазанынг сама тешилмегенми? – деп нушургъана бийлени бийи.* (Баммат Атаев). «В последнее время счастливых вестей не приносишь! «Что стало: не стал ли ты терять свой ум»? – бормотал князь князей».

ФЕ *оятгюр гъакъыл* (досл. острый ум) «остроумие» используется в кумыкском языке для характеристики остроумного человека: *О гиши де эгер итти гёз булан къарай буса ва гёрген затын оятгюр гъакъыл булан шавлалай буса, не этмеге герек?* (Ибрагъим Ибрагъимов). «Если и тот человек смотрит

внимательно и то, что он видел, освещает своим остроумием, тогда как быть?»

Положительную коннотацию имеют фразеологизмы, где характеризуется способность к быстрому пониманию: *такъасы ишлей* (досл. череп работает) «соображает, смекалка работает», *башы ишлей* (досл. голова работает) «умный, рассудительный». Напротив, отрицательную оценку выражают фразеологизмы, которые характеризуют длительный процесс запоминания: *башына гирмей* (досл. в голову не лезет) «голова не работает», *башы бузукъ* «бестолковый», *башы ишлемей* (досл. голова не работает) «несообразительный», *башы дёгерек айлана* «голова кругом идет, ум за разум зашел» [Гаджихмедов 2014: 541], *башы чыкъмай* «не понимать что-л., не разбираться в чём-л.», *башы-гёзю айланмакъ* «голова идет кругом, терять способность ясно соображать» и др. *Энни бу башы бузукъ юртдан шагъаргъа гёчген.* (Ю. Гереев). «Теперь этот дурачок из села переехал в город». *Бай болуп, башы айлангъан* (И. Керимов). «От того, что разбогател, голова кругом идет». В приведенных примерах фразеологизмы выражают «скорость восприятия», что оценивается в кумыкской фразеологической картине мира положительно.

3.1.3. Фразеосемантическое микрополе «наличие и отсутствие знаний»

В рассматриваемое микрополе фразеологизмов, образно характеризующих наличие знаний, опыта, умения хорошо разбираться в разных жизненных ситуациях, входят следующие ФЕ: *гъакъыл тёбе* (досл. ум куча) «очень умный», *гъакъыл еси* (досл. владелец знаний) «очень умный», *гъакъыл хазна* (досл. ум кладезь) «очень умный, сообразительный», *уьлгю бичеген* (досл. закройщик знаний) «дающий образцы знаний». *Айт эн, гъакъыл есси, сен не ой бересен?* (Алимпаша Салаватов). «Где выход, владелец знаний, какую мысль ты подскажешь?»

Малый объем знаний или их полное отсутствие выражают ФЕ *гъакъылгъа*

гирмек (досл. в ум войти) «образуметь», *гьякбылгъа гелмек* (досл. уму прийти) «поумнеть», *гьякбылгъа мукъ* (досл. на ум скудный) «скудный ум». *Тюзю, яшавда арев адамлар гьякбылгъа мукъ бола.* (Магьамматсолтан Ягьбияев). «Правда, в жизни красивые люди бывают немного скудными на ум». *Абдурагьман тарыкъ гьякбылгъа гелип де бажарармы эди экен?* (Ибрагьим Ибрагьимов). «Абдурахман сможет ли получить достаточные знания?»

Во фразеологической системе кумыкского языка функционируют ФЕ, указывающие на многочисленные связи мыслительного процесса и речевой деятельности человека, характеризующие его с моральной точки зрения. К таким фразеологизмам относятся: *ерсиз еринде сёйлемек* «говорить не к месту», *авзуна гелгенни айтмакъ* «нести (городить) околесицу, говорить наобум, говорить всё, что взбредёт в голову» [Гаджихмедов 2014: 542], *бош ёммакъны сёйлемек* «антимонии разводить, рассказывать сказки, рассказывать басни» [Гаджихмедов 2014: 542], *бош сёйлейген адам* (досл. пустой говорящий человек) «болтун», *азув басып сёйлемек* «говорить со злостью, с ненавистью». *Кёп сёйлейген, бош сёйлейген адам макъталамы?!* (Агьмат Устарханов). «Разве прославляется человек, который много впустую говорит?» *Анварны булай эришивлерде тавушун гётереген, азув басып сёйлейген кюю наягъ да болмай.* (Камал Абуков). «У Анвара при таких спорах не бывает привычки громко говорить, говорить со злостью». *Уллу ишде бош лакъыр гирмей болгъан арагъа.* (Б. Магьамматов). «При больших делах пустые разговоры не велись».

Содержание речевой деятельности человека с негативной стороны характеризуют фразеологизмы со значением «говорить глупость», например: *авлия затлар сёйлемек* «говорить глупости», *тилде сюек ёкъ* «язык без костей». *Эсирсе, муна шулай авлия сёйлей шу.* (Магьамматсолтан Ягьбияев). «Когда он пьяный, вот такие глупости говорит». *Тилде сюек ёкъ, сёйлер тур* (А. Гьамитов). «Язык без костей: говори, сколько хочешь». Эти фразеологизмы говорят о тесной связи мышления и языка.

3.1.4. Фразеосемантическое микрополе «способность к мыслительной деятельности»

Фразеосемантическая группа со значением «не разбираться в чем-л.» состоит из следующих ФЕ: *къараны акъдан айырмай* (досл. не различает черное от белого) «ни в чём не разбирается», *онгуна-солуна къарамайлы* (досл. гаправо, налево несмотря) «не разбираюсь», *къараны акъ эте, акъны къара эте* (досл. чёрное белым делает, белое чёрным делает) «ни в чем не разбирается», *агъына-къарасына къарамай* (досл. не взирая на белое и черное) «не взирая на лица, не разбирая» [Гаджихмедов 2014: 542].

Къараны акъ этелер,

Акъны этелер къап-къара. (Магъаммат-Апенди Османов).

«На черное говорят, белое,

Белое делают черным».

Все эти фразеологизмы негативно характеризуют человека. Колороним *къара* «черный» в составе ФЕ является носителем отрицательной эмотивной окраски. В кумыкской фразеологической картине мира выделяется ряд фразеологизмов, характеризующих различные интеллектуальные состояния человека. Например: *гъакъылдан таймакъ* (досл. от ума уйти) «лишаться рассудка, потерять рассудок», *гъакъылгъа сыймайгъан* (досл. уму не помещающийся) «уму непостижимый», *гъакъылын алмакъ* (досл. ум (его) брать) «с ума сводить», *гъакъылын жыймакъ* (досл. ум прибирать) «собратиться с мыслями» [Гаджихмедов 2014: 543]. *Бу гиши сигъручу экен, гъзбавчулукъ булан мунча халкъны гъакъылдан тайдыргъан.* (Н. Батырмурзаев). «Этот человек оказывается волшебник, своим волшебством он столько людей с ума свел».

Лексема *гъакъыл* «ум», которая употребляется во всех фразеологизмах данной фразеосемантической группы, является главным составляющим мыслительного процесса.

3.2. Фразеосемантическое микрополе «добрый – злой»

3.2.1. Фразеосемантическое микрополе «добрый»

Данная группа объединяет фразеологизмы с общим значением «доброта человека». Кумыкские фразеологизмы, обозначающие доброту человека, часто содержат в своей структуре сакральный элемент *малайик* «ангел», связанный с представлением кумыкского народа о доброте души человека. Лексема *малайик* «ангел» во фразеологизмах используется как символ добра и благополучия, например, *малайик йимик адам* (досл. человек, подобный ангелу) «человек безгранично добрый, любимый, совершенный, чистый, невинный», *малайик юрекли* (досл. с сердцем ангела) «совершенный, чистый, невинный», *малайик хасият* (досл. человек с характером ангела) «очень добрый, порядочный, чистый, невинный», *малайиклени ёлдашы* (досл. друг ангелов), *малайикдей таза* (досл. чистый, как ангел) «невинный как ангел», *малайикни баласы* (досл. дитя ангела) «ангелом рожденный (ая)» и др. *Гъейлер бу уланны яхшылыгы! Малайикни баласы, воллагъ, шу улан. Савлай женнетге баражакъ.* (Ибрагъим Ибрагъимов). «Люди, смотрите на доброту этого человека! Ей Богу, этот парень дитя ангела. Он весь непременно попадет в рай».

Юз-минглени разилигин алагъан,

Асил къылыкъ, малайикдей гишидир. (Жават Закавов).

«Сотни, тысячи людей благодарны ему,

Добронравный, как ангел этот человек».

В близкородственных тюркских языках слово *малайик* в разных фонетических вариантах также используется в составе субстантивных фразеологических единицах. Например, в карачаево-балкарском языке это слово имеет форму *мёлек*: *сыйлы мёлек* «архангел»; *мёлек адам* «тихий человек».

В ногайском языке *маьлек* также является полисемантом и служит в составе фразеологизмов для характеристики доброго, благонравного человека: 1. *рел.* ангел; // ангельский; 2. *перен.* тихий, кроткий, благонравный. В ногайском

языке есть поговорка *Халкка маьлек, уьйге аьлек*. «На людях ангел, а дома горе». [НогРС 1963: 128].

В некоторых тюркских языках вместо арабизма *малайик* используется персидское заимствование *периште*. Заимствованная из персидского языка лексема *периште* в кумыкском языке используется и для отрицательной характеристики человека в значении «внешний вид»: *Периштеси пил йимик палхус гёрюнсе де, каласа елпувур йимик енгил айлана*. (Ибрагьим Ибрагьимов). «Несмотря на то, что его внешний вид как у слона, но, как колесо мельницы, легко ходит». Таким образом, «в кумыкском языке *периште* – полисемант, который наряду с прямым религиозным значением имеет и переносное нетерминологическое значение «невзрачный вид; непривлекательный облик» [Яхьяева 2010: 26] Эту семему словари кумыкского языка не отражают. В кумыкской теолингвокультуре более употребительной для обозначения ангела является лексема *малайик*.

В значении «душевный, сердечный» в кумыкском языке используются фразеологизмы с религиозным компонентом *гьюрикъыз* «ангелочек; в мусульманской мифологии «вечно юная дева»: *гьюрикъызлагъа сырдаш* «душевный, сердечный друг, ангелочек», *гьюрюкъыздай гёрюнемек* «как гурия», *гьюрюкъыздай арив* «красивая как гурия», *гьюрикъызланы ёлдашы* (досл. подруга гуриев) «очень добродушная»:

Сен гечип къой, суйгеним,

Тюшлеринге гелерим,

Гьюрюкъыздай гёрюнюп,

Сагъа сююнч берерим (Зулайха Атагишиева).

В данную семантическую подгруппу входят и фразеологизмы с религиозными компонентами *пайхаммар* «пророк», *муъмин* «верующий, мусульманин», репрезентирующие во фразеологизмах значение чистоты, добра. Это такие фразеологизмы, как *пайхаммар йимик* (досл. как пророк) «благонравный, добрый», *пайхаммардай гъакъ* (досл. как пророк истинный, правильный, объ-

ективный) об объективном, правильном человеке и др. *Пайхаммардай гьякъ шаирни мурады савлай аламны гьар-бир яндан якъламакъ*. (М. Минатуллаев). «Цель настоящего поэта – защитить весь мир со всех сторон».

В языковой картине мира «сердце есть центр не только сознания, но и бессознательного, не только души, но и тела, центр греховности и святости, центр сосредоточения всех эмоций и чувств, центр мышления и воли» [Маслова 2008: 85]. «Поэтому душевная доброта и широта локализуется в сердце» [Ли Чуньли 2018:98]: *генг юрекли* (досл. человек с широким сердцем) «о человеке доброй (добрейшей) души», *таза юрекли* (досл. чистое с сердцем) «о незапятнанном человеке», *ачыкъ юрекли* (досл. человек с открытым сердцем) «о человеке открытой души (искреннем)»; *гьякъ юрекден* «от всей души (с полной откровенностью)». *Гьякъ юрекли адамлар садагъында намусун да, ягъын да сакълайгъанлар булан мени арам бар*. (М. Халилов). «Я имею отношение с чистосердечными людьми, которые свою честь и совесть берегут в своем колчане».

Как «живое существо», *юрек* «сердце» в кумыкском языке наделяется возрастными признаками и может характеризоваться как «молодое» или «материнское»: *яш юрек* «молодое сердце», *ана юрек* «материнское сердце». Для положительной характеристики человека, подчеркивая в образной форме фразеологизма наличие таких качеств, как доброта, отзывчивость, готовность помочь, используются фразеологизмы *гьалал юрекли* (досл. с не оскверненным сердцем) «добрый, отзывчивый, добропорядочный», *берекетли адам* «благочестивый человек», *ачыкъ юрекли* (досл.: с открытым сердцем), *таза юрекли* (досл.: с чистым сердцем) «чистосердечный человек» [Сапукова 2020: 353].

Соматизм *юрек* используется во фразеологизмах для выражения добродушного человека и в других тюркских языках. Например, в ногайском языке в этих целях используются фразеологизмы *юреги ачыкъ* «открытой души, приветливый, добродушный»; *юреги яланъаш* «чистосердечный, прямодушный,

откровенный, душа на распашку»; *юрек кеньлиги* «широкая натура, добрый человек» и т.п.

Образность некоторых из соматических фразеологизмов создается за счет семантической трансформации размеров сердца. Фразеологизм *генг юрекли* (досл. с широким сердцем) «великодушный, благородный, добрый, отзывчивый», включая в свою внутреннюю семантику значение «широкий», положительно характеризует человека. *Генг юрекли генералгъа хас болгъан рагъ-мунг булан гъар бугътандан озасан.* (Магъамматнаби Халилов). «Добротой, характерной для великодушного генерала, ты обходишь своих клеветников».

Во фразеологической картине мира кумыков сердце имеет размер: оно может быть большим и маленьким. Элизабет Штар в статье «Концепт «сердце» в русских и немецких фразеологизмах» [2013: 377] пишет о том, что в немецком и русском языках сердце также имеет размер. Далее автор отмечает, что «чем больше сердце, тем больше чувств оно может вместить: *ein großes Herz haben* «большое сердце» [Штар 2013: 277].

В кумыкской языковой картине фразеологизм *улли юрек* «большое сердце» является носителем негативной характеристики человека. ФЕ *улли юрекли* (досл. с большим сердцем) «гордый, высокомерный», в котором атрибут выражен качественным прилагательным *улли* «большой», дает человеку отрицательную характеристику. *Шолай улли юрекли гиши буссагъат къарарда бар кюйде, бизге ярыкъ да, сув да чыгъарсын* (Аткъай Гъажамматов). «Такой высокомерный человек в соответствии с постановлением, сейчас же пусть проведет нам свет и воду».

Фразеологизмы, включающие в свою структуру религионимы *гъалал* «дозволенный религией; чистый, не осквернённый» и *гъарам* «недозволенный, запретный; скверный, поганный», в сочетании с субстантивом *юрек* «сердце» образуют антонимическую пару *гъалал юрекли* «добрый, великодушный, верный» и *гъарам юрекли* «подлый», которые характеризуют человека с положительной и отрицательной стороны соответственно. *Бизге сени йимик гъалал*

юрекли адамлар мунда да герек. (Абас Мамаев). «Такие великодушные люди, как ты, нам нужны и здесь». *Гьарам юрекли эл бузар, жагьыл молла дин бузар.* «Подлый народ испортит, невежественный мулла религию испортит».

Сердце в наивном сознании кумыков может быть мягким, эластичным и податливым: *йымышакъ юрекли* (досл. с мягким сердцем) «добродушный, благодушный, мягкий». *Барият сагнада халкъ гёрме сюеген, гёзел гёрюнюшлю, йымышакъ юрекли Гюлкъызыны келпетин яратды.* (Хизри Арсланбеков). «Барият создала на сцене образ любимой народом красивой, добродушной Гюлкиз».

В то же время человеческое сердце может быть и твердым: *къатты юрекли* (досл. с твердым сердцем) «человек с твердым характером; жестокий, властолюбивый». *Тату Уллубийни гелешмиши эди. Воллагъ, къатты юрекли къызы бар!* (Магьамматсолтан Ягьияев). «Тату была невестой Уллубия. Ей Богу, она была человеком с твердым характером». Эти фразеологизмы также образуют антонимические пары, которые используются для положительной и отрицательной характеристики человека.

В кумыкской фразеологической картине мира представлены фразеологизмы, связанные с чистотой сердца: *таза юрекли* (досл. с чистым сердцем), *нас юрекли* (досл. с грязным сердцем) «о подлом человеке». Оба фразеологизма образуют антиномию и часто используются для положительной и отрицательной характеристики человека. *Яшавда гьар абатын ойлап алагъан, таза юрекли, яхшы хасиятлы бу къызгъа яман иш неге болду?* (Къалсын Акъгёзов). «Она была чистосердечным человеком, который следит за каждым своим шагом, с хорошим характером, почему с ней случилась такая беда, непонятно». *Гьалал-гьакъ базарда нас юреклер уьст гелди. Амма гёзьяш тгюп, тобукъгъа туруп, Алим де башын ер этмежек!* (Сираждин Токъболатов). «В чистом, настоящем базаре верх одержали подлые люди». Чистота сердца связана с отсутствием у человека задних мыслей, а *нас юрек* «грязное сердце» характеризует человека с оскверненным сознанием.

Синонимом к фразеологизму *нас юрек* «подлый человек» является фразеологизм *къара юрек* (досл. черное сердце) «подлый, завистливый», характеризующий подлого, жестокого завистливого человека. *Шолар рагъмулу адамлар чы къайдан болсун, къара юрекли илбислер* (Ибрагъим Ибрагъимов). «Какие они там хорошие люди, они же подлые и скверные люди».

Ярко выраженную эмоциональную окраску имеет фразеологизм *чирик юрек* (досл. гнилое сердце) «циничный, безнравственный», который является семантико-стилистическим синонимом фразеологизма *нас юрек* «подлый человек». *Нечик чирик юреги барны гъар басгъан абатында яхшы гъресен.* (Шарабудинов Абдуллаев). «Какой он подлый человек в каждом его шагу видно».

Метафорическое представление наличия и отсутствия сердца во фразеологической картине мира кумыков характеризует человека способного чувствовать и человека, у которого отсутствуют такие чувства. Ср.: *Шо яшны юреги – таш, тюзюн айтгъанда, ону юреги ёкъ буса да ярай.* (Къалсын Акъгъзов). «У этого парня сердце каменное, говоря правду, возможно, он совсем бессердечный»

Предметный код культуры представлен во фразеологизме *таш юрек // таш юрекли* (досл. каменное сердце), в котором сердце сравнивается с камнем. Этот фразеологизм характеризует бессердечного, бесчувственного человека, человека, у которого нет чувства сострадания. *Таш юрекли тайпалардан тюглюбюз.* (Зарипат Атагишиева). «Мы не из рода бессердечных людей».

3.2.2. Фразеосемантическое микрополе «злой»

Фразеосемантическая группа «добрый» находится в антонимических отношениях с фразеосемантической группой «злой».

Фразеосемантическую группу со значением «очень злой, жестокий человек» образуют именные ФЕ с зоонимическим компонентом: *яралы къабан* (досл. раненый кабан) «о злом, коварном человеке», *къутургъан ит йимик*

(досл. *как бешенная собака*) «как собака, сорвавшаяся с цепи, об очень злом человеке», *ач бёрю* (досл. голодный волк) «об очень злом человеке» [Гаджихмедов 2014], *жин азгъаны* «злой дух в мужском обличии», *Гъали олар ач бёрюдей* *улуйгъан боранны тавушун да эшитмей*. (Къалсын Акгёзов). «Сейчас они очень злые: не слышат даже волчий вой урагана». Все эти фразеологизмы образованы на основе зоонимического кода культуры и обладают яркой выразительностью.

В составе ФЕ данной фразеосемантической группы есть названия мифического существа *жин* «джин, дьявол, бес», олицетворяющего злой и жестокий характер человека. Примеры: *жинлери тутмакъ* (досл. джинны схватить) «взбеситься», *жинлерин чыгъармакъ* (досл. джиннов выпустить) «вывести из себя», *жин урмакъ // жин къакъмакъ* (досл. джин ударить) «взбеситься», *жинлери жыйылмакъ* (досл. жинны (его) собраться) «злиться, взбеситься» [Яхьяева 2010: 110]. *Бав бригаданы членлерин гёргенде Загьирни жинлери жыйылды*. (Къурманали Шамсутдинов). «Когда Загир увидел членов садоводческой бригады, он взбесился».

Анализ эмпирического материала свидетельствует о том, что в данной фразеосемантической группе ФЕ, характеризующих внутренний мир человека, превалирует зоонимический код культуры. «Семантическая структура таких фразеологизмов создаётся на основе различных ассоциативных связей между человеком и животным» [Ли Чунъли 2018; <http://dlib.rsl.ru/rsl.pdf>]. А.Д. Шмелев считает, что «связь между человеком и животным явно существует, но она основана на ассоциативных, репрезентативных, признаках, связанных со словом в его основном значении» [Шмелев 2002: 135]. Представления кумыков о злом, жестоком человеке заключены в словах-зоонимах, и с образом злодея ассоциируются также образы *собаки, волка, кабана*» [сравн. также Ли Чунъли 2018]. Это подтверждают текстологические примеры с такими фразеологизмами: *Мен яралы къабанман, устьюгюзге чабарман*. (А. Салаватов). «Я бешенный кабан, нападу на вас».

Соматический код в репрезентации злого, коварного человека представлен в ФЕ *бавурсуз адам* (досл. человек без печени) «бессердечный и жестокий человек», *йылан юрекли* (досл.: человек с сердцем змеи) «жестокий человек», *аччы сыпат* (досл. горькое лицо) «злой человек», *ув сыпат* (досл. ядовитое лицо) «змея подколодная», *агъу тилли* (человек с ядовитым языком) «коварный». *Не къатты юрекли къатын болгъан, машаллагъ* (Ибрагъим Керимов). «О Боже, с каким твердым характером женщина». «*Йылан юрекли, агъу тилли илбис!*» – деди *Аркадий Павлович*. (Ибрагъим Керимов). «Коварный, скверный злодей!» – сказал *Аркадий Павлович*.

Фразеосемантическую подгруппу «проявление злого и жестокого характера в действиях» образуют следующие ФЕ: *аччы сёйлемек* (досл. горько говорить) «говорить грубо», *ачувун гелтирмек (чыгъармакъ)* «вывести из себя», *ачувун бийлемек* (досл. злостью овладевать) «взять себя в руки», *ачув чачмакъ* «сеять зло, распространять зло», *ачув этмек* «причинить зло», *ачуву тамагъына тыгъылмакъ* (досл. застрячь злу в горле) «позеленеть от злости», *ачуву чыкъмакъ* «злиться», *ачувум чекеме чыгъып гетди* «я возмутился, я пришёл в ярость», *ачув тутмакъ* (досл. держать зло) «мстить». *Къоччакъ зат, юрегинде ачув тутмагъан*. (Сраждин Токъболатов). «Мужественный человек в сердце зла не держит».

Большинство фразеологических единиц, выражающих злого, жестокого и мстительного человека, относятся к разговорной речи.

Фразеосемантическая подгруппа «злой» представляют и фразеологизмы с семантическим оттенком мщения: *обч алмакъ* (досл. месть брать) «питать злобу; отомстить», *ачув тутмакъ* (досл. держать зло) «мстить», *ачувун алмакъ* «свести счеты», *аякъ салмакъ* «подставлять ножку». *Мен булар учун да душмандан обч алмагъа борчлуман*. (А. Гъамитов). «Я и за них должен мстить врагу».

Из мифических существ в структуре ФЕ, характеризующих злого, жес-

того, мстительного человека, в кумыкском языке встречается только *илбис* «сатана, бес, дьявол». Например, *илбис адам* (досл. человек - дьявол) «коварный человек», *илбисден озгъан* (досл. дьявола победил) «коварный, злонаправленный человек», *илбисни ич гёлегин гийген* (досл. дьявола нижнее белье одел) «коварный, подлый человек». ***Илбисден де озагъан***, *илбисни ич гёлегин гийгенсен* (З. Атагишиева). «Он и дьявола победил, коварный, подлый человек».

Все фразеологизмы с компонентом *жин* связаны с действиями: *жин къакъгъан* (досл. джин стукнул), *жин ургъан* (досл. джин ударил), *жин тутгъан* (досл. джин держит), *жинлери чыкъмакъ* (досл. джиннов выпустить) «вывести кого-л. из себя». В сознании кумыков образ джина связан не просто со злом, джин является воплощением наивысшей степени жестокости: он может парализовать человека. ***Жин къагъып бетини бир янын бузгъан, бойну да онг янына багъып бурулуп, къатып къалгъан болгъан*** (Ю. Гереев). «Жин половину его лица испортил, шея тоже повернута в сторону, парализована».

3.3. Фразеосемантическое микрополе «искренний»

Данную фразеосемантическую группу составляют фразеологизмы с общим значением «прямодушие», которые характеризуют человека только с положительной стороны.

Самая большая фразеосемантическая группа, выражающая искренний, прямой, доверчивый характер человека представлена соматическими ФЕ с компонентом *юрек* «сердце»: *юрегин бермек* (досл. отдать сердце) «быть искренним», *гёнгю булан* «от всей души», *гъакъ юрекден* «от души», *къаныжаны булан* (досл. кровью и душой) «от души». ***Амай булан Дадав буса гъакъ юрекден къасткъылып ишлей***. (Микайил Абуков). «Амай и Дадай работают от души».

Человек открытой души – это искренний, прямой, доверчивый человек

[ФСРЛЯ 2008: 218], он откровенен и говорит, что думает.

В кумыкском языке «искренность, откровенность» оцениваются позитивно, как высокое душевное качество, проявление искренних, добрых чувств по отношению к кому-либо или чему-либо» [Ли Чунъли 2018: 101]. Фразеосемантическую группу «искренний, откровенный» объединяют фразеологизмы *гёнгю булан* «от всей души искренне, сердечно, горячо, с полной откровенностью», *гьакъ юрекден* «от души, от всего сердца», *къаны-жаны булан* (досл. кровью и душой) «от души, абсолютно искренне», *кълун юрегине салып* «положа руку на сердце, искренне, от души», *таза юрекден* «от души, искренне», *юрегин бермек* (досл. *отдать сердце*) «быть искренним» [Гаджихмедов 2014]; *юрек берип*, *юрек алар адам* «родной человек». ***Юрек берип, юрек алар адамым, Юрегимни ал, кълунга берейим!*** (Жават Закавов). «Родной человек, возьми мое сердце, тебе в руки отдам!»

Эти фразеологизмы можно разделить на две подгруппы. В первую подгруппу можно объединить фразеологизмы, выражающие значение «очень откровенный человек». К таким фразеологизмам мы относим: *гьакъ юрекден* «от всей души, от всего сердца», *къаны-жаны булан* «от души, абсолютно искренне», *юрек берип*, *юрек алар адам* «родной человек». Как видим, все эти фразеологизмы связаны с соматическим кодом культуры. Сердце является одним из самых главных органов человека, и то, что связано с ним, ассоциируется со значением «очень»: *очень искренний, очень родной* и т.д.

Вторую семантическую подгруппу составляют фразеологизмы, связанные с меньшей степенью проявления признака «искренний»: *гьалал адам* «бескорыстный человек», *гёнгю булан* «от всей души», *кълун юрегине салып* «положа руку на сердце, искренне, от души», *таза юрекден* «от души, искренне», *юрегин бермек* (досл. *отдать сердце*) «быть искренним», *гьакъ юрекден* «от души», *оюндагъы – тилинде* (досл. *что на уме, то и на языке*) «искренний, прямодушный». Все эти ФЕ объединяются интегральным признаком «откровенный, простой».

3.4. Фразеосемантическое микрополе «лживый»

ФСГ «лживый» объединяет фразеологизмы с общим значением «лживость». Лживость считается отрицательной чертой характера человека, свидетельствующей о непорядочном поведении человека. У кумыков есть проклятие *ялгъан айтгъан ярылсын* (досл. чтобы лопнул тот, кто врет), которое проклинает того, кто врёт. Для образной характеристики человека, любящего говорить неправду, кумыки используют такие артефактные слова, как *кёрюк* «хлебопекарня, растапливаемая дровами», *допус* «кузнечный мех», *дорба* «мешок» и др.

Эмоциональность при характеристике лгуна создается субстантивными фразеологизмами *ялгъан дорба* (досл. мешок лжи) или диалектный вариант *авуз допус* (досл. рот как кузнечный мех) «врун», *ялгъан тёбе* (досл. лживая куча), *ялгъан тил* (досл. обманчивый, лживый язык) «лживые сведения», *ялгъан тил юрютмек* «злословить». *Бир гюнагъсыз, ялгъан тиллер Амир Къурбановну тутуп он йылгъа сибирге йиберген эдилер.* (Амир Къурбанов). «Абсолютно безвинного Амира Курбанова злые языки отправляют на десять лет в Сибирь».

О человеке, который много врет, кумыки образно говорят *бас кёрюкню* (букв. дави пекарню) «врать» или *бас допусну* «мели емеля, твоя неделя; ври дальше» или же *бас ялгъанны* (досл. дави на ложь) «ври», *ур ялгъанны* (букв. бей на ложь) «ври».

Образ искусного лжеца, который может «подавить в себе или скрыть характерные признаки лжи и искусно врать» [Лызлов 2017: 369], передают фразеологизмы *авуз допус* «врун», *гёзюню ичине къарап ялгъан айта* (досл. в дно глаза смотрит и врет) «врёт и глазом не моргнёт», *ялгъандан дарай этип* (досл. шёлк из обмана сделав) «врёт сладко». Во фразеологизме *гёзюню ичине къарап ялгъан айта* (досл. в дно глаза смотрит и врет) «врёт и глазом не моргнёт» ис-

пользованы телесные проявления, связанные с деятельностью глаза. Данный фразеологизм имеет сильный эмоционально-оценочный заряд. *Сакъаллы ювукъ гелип муну гёзлерини ичине къарап ялгъан айта* (Алимпаша Салаватов). «Бородач подошел к нему поближе, и смотря в дно глаза, врет».

Иногда используется соматический и зооморфный образы *бармагъыны учунда айландырмакъ* (досл. *крутить на кончике пальца*) «обвести вокруг пальцев, может легко обмануть», *башын-гёзюн чырмамакъ* «одурачить; обмануть, обманом заставить поверить, вскружить голову» [Гаджихмедов 2014].

Ряд фразеологизмов связывает лож с отсутствием основание, фундамента, корней: *кюрчюсю ёкъ ялгъан* (досл. *ложь без фундамента*) «сплошная ложь», *тюбю ёкъ ялгъан* (досл. *обман, не имеющий основания*), *тюпсюз ялгъан* (досл. *обман без дна*), *гесме тамуру ёкъ ялгъан* (досл. *у обмана нет корней, чтобы срубить*) «чистой воды обман». *Уруп гесме тамуру ёкъ сен айтагъан ялгъанны* (Магъамматнаби Халилов). «У твоего обмана нет корней, чтобы срубить».

Человек использовал образ темных сил как основу для создания фразеологизма *шайтан алдатды* (досл. *черт обманул*) «чёрт попутал» [Гаджихмедов 2014]: кто-либо поддался соблазну сделать что-либо предосудительное, поступил неосмотрительно или неправильно и указывает на дьявола как первоисточник лжи.

Человека, который непрерывно врет, характеризуют фразеологизмы *ялгъанны къыздырмакъ* (букв. *ложь греть*) «непрерывно врать», *дюньяны ялгъанын сокъмакъ* «наврать с три короба; много врать», *орну-оту ёкъ ялгъан* // *тюбю-орну ёкъ ялгъан* «чистейшей воды ложь» [Гаджихмедов 2014], *ялгъанны гёзюн юммай айта* «врет не моргнув глазом». «*Бий-й, – дедим уялып, – бугюн де чи баргъан эдим, – деп ялгъанны да къыздырдым* (Хизри Арсланбеков). «Ой, – сказал я, стесняясь, и сегодня я ходил к нему, – продолжил я врать».

Явная, очевидная ложь описывается как «несомненная ложь» – *шексиз ялгъан* (врать без границ), *дём-дөгерек ялгъан* (букв. круглая ложь), *зыр ялгъан* «чистойшей воды ложь, явная ложь». *Амма акъчаны озюм ташлагъанман дейгени зыр ялгъан*. (Амир Къурбанов). «Однако, то, что он говорит, что он сам выкинул деньги, это чистойшей воды ложь».

Иногда самому приходится врать, чтобы лжеца вывести на чистую воду. В такой ситуации кумыки используют фразеологизм *ялгъан берип герти алмакъ* (досл. ложь давая, правду получить) «всеми правдами и неправдами выпытывать правду» [Гаджихмедов 2014]. *Ялгъан берип герти алмагъа сюесиз!* (Ибрагъим Керимов). «Вы хотите всеми правдами и неправдами выпытывать правду».

Об очень опытном человеке, которого трудно обмануть, бывалом человеке, которого трудно провести, кумыки образно говорят *къантарлары белинде* «стреляный воробей, человек, не поддающийся обману».

В исследуемой фразеосемантической группе мы обнаружили два цветофразеологизма: *къып-къызыл ялгъан* «сущая ложь», *гём-гёк ялгъан* (досл. синяя ложь) «сущая ложь», *гёк этмек* (досл. сделать синим) «соврать». Таким образом, обман имеет свои цвета – ярко-красный и ярко синий. *Бирлерине инаймайсан, къып-къызыл ялгъан экенине бир шеклигинг де ёкъ, амма кеп алып, къурсагъынгны тутуп кюлейсен*. (Ибрагъим Керимов). «Кому-то не веришь, потому что нет сомнений в том, что это сущая ложь, но радостный, держа свой живот, разрываешься от смеха».

Глаза являются важнейшей частью головы и лица человека. «Моргнуть означает смутиться, застесняться, задуматься» [Ли Чунъли 2018: 143]. О бессовестных людях, привыкших все время врать, кумыки говорят *гёзюн юммей ялгъан айта* «соврет – и глазом не моргнет» *Ялгъанны гёзюн юммей айтса, гюнагъ эки къабат артыкъ бола дей*. (Ибрагъим Ибрагъимов). «Говорят, что тому, кто, не моргнув врет, грех достается два раза больше».

3.5. Фразеосемантическое микрополе «честный»

Честность является важнейшей качественной характеристикой человека. Честный человек всегда говорит правду и добропорядочен. Эта черта человека оценивается во фразеологической картине мира положительно.

Следует отметить, что во ФЕ, выражающих значение «честный», используется религиозный термин *гьалал*, заимствованный из арабского языка. В исламе *халяль* означает «разрешенные вещи и деяния». В результате метафорического переноса формировалось значение «честный, добросовестный; законный». Об этом говорят фразеологизмы *гьалал адам* «честный, порядочный, добродушный, добросовестный человек», *гьалал мал* «заработанное потом и кровью, своим честным трудом имущество», *гьалал яшайгъан тайпа* «честно живущий род, тухум». *Биз гьалал яшайгъан тайпаданбыз* (Жават Закавов). «Мы из рода честно, своим трудом живущих».

Мени ёлум –табий болмакъ загьаматгъа,

Савлугъумну аямайлы ишлемек.

Гъар заман да гери уруп гъарамны,

Гъалал ёлда къазангъанны тишнемек. (Камил Султанов).

«Моя дорога –подчиниться труду,

Не жалея здоровья трудиться.

Всегда отвергая недозволенное,

Есть заработанное честным трудом».

О честном, добропорядочном человеке кумыки говорят *гишини чирик йымырткъасына къол узатмагъан* (букв. на чужие гнилые яйца руку не протягивал) «добропорядочный человек», *тюз адам* (досл. правильный человек) [Гаджихмедов 2014], *таза къастлы адам* «человек с честными намерениями, стремлениями». *Яшдан тутуп эшитгенмен кёплерден таза къастлы болгъан ол, гьалал юрекли* (Бадрутдин Магъамматов). «С детства от многих слышал, что он был честным, порядочным, чистосердечным».

Честный труд всегда ценился у кумыков. Об этом говорят следующие пословицы и поговорки: *Экмегим таза буса, ёлда олтуруп ашарман погов.* «Если мой хлеб заработан честным трудом, возле дороги сяду и съем». *Таза юрекли кърдаш алтындан багъа.* «Чистосердечный, честный друг дороже золота».

Лицемер – это человек неискренний, двуличный. Поскольку лицемерие относится к отрицательным качествам человека, оно мешает человеческим отношениям и делу. Лицемерие человека проявляется в его словах и поступках. Кумыки лицемера называют *эки бетли, эки юзлю* «двуличный». *Яревкеликни, эки юзлюлюкню тувдурагъан да муна шо баягъы акъча.* (И. Керимов). «Неискренность, двуличность рожают те же самые деньги».

3.6. Фразеосемантическое микрополе «черты характера, выражающие отношение к себе»

К чертам характера, выражающим «отношение к самому себе, обычно относят скромность, чувство собственного достоинства и самокритичность» [Ли Чунъли 2018:134].

Фразеосемантическая группа «высокомерный» объединяет фразелогизмы *ханына салам бермей* (досл. хану своему приветствие не дает) «о высокомерном человеке», *юрегин уллу тутмакъ (этмек)* (досл. сердце держать высоко) «быть гордым», *атасын танымай* (досл. отца родного не признает) «о возгордившемся человеке», *мыйыгъын балта гесмей* (досл. усы (его) топор не режет) «гордый, высокомерный», *атын ерге урмас* (досл. не ударит свое имя об землю) «в грязь лицом не ударит, не уронит честь» [Гаджихмедов 2014], *бурнун чюймек* «задирать нос», *ерден бир кърарыш* «от горшка два вершка», *бурнун гётермек* «задрать нос, зазнаться, заважничать», *керки баш* «о важном, высокомерном человеке».

Во фразеологизме *оьктем хораз* (досл. «гордый петух») «гордец», высокомерный человек» отражены особенности поведения петуха. Считается, что *хораз* «петух» символизирует «гордость на основе собственных внешних особенностей, например, форма и характерная расцветка хвоста, походка и т.д.».

Из животных во фразеологической картине мира высокомерие символизирует *бугъа* «бык, бугай»: *кёр бугъа* «сытый, гордый, напыщенный человек, гордец», *бугъа йимик ер къаза* (досл. «очень высокомерный») «как бугай, землю роет», *бугъа йимик оькюре* (досл. как бугай ревет) «высокомерный». *Ол кёр бугъа йимик оькюрюп, онг къолун оьрге гётере.* (Баммат Атаев). «Он высокомерно ревет как бугай и поднимает руку вверх».

Немного в кумыкском языке ФЕ с пространственной ориентацией «верх» – «низ», характеризующих человека. Этот метафорический перенос связан с действиями человека: человек поднимает голову, когда радуется, и опускает, когда грустит [Сироткина 2012: 307-308]. К таким фразеологизмам относятся *бурнун салландырмакъ* «вешать/повесить нос», *башын салландырмакъ* «вешать/повесить голову», *къолларын салландырмакъ* «опустить руки», *гёзлерин ерге тикмек* (досл. глаза на землю направить) «грустеть». *Анасыны урушгъанына тынглап битгенде, бурнун салландырын, гёзлерин ерге тигип, эрчилерин гёндюрюп, токътай* (Магъамматсолтан Ягъияев). «Выслушав, как мама ругает его, он опустил нос, направил свой взор на землю и надул свои губы».

В рассмотренных выражениях, внутренняя форма которых указывает на разное положение соматизмов *баш* «голова», *бурну* «нос», *къоллар* «руки», *гёзлер* «глаза», реализуется ориентационная метафора «хорошее» – это верх, «плохое» – это низ [Лакофф 2004: 40]. Образная основа отсылает к поведению собак, поднятый хвост которых говорит об их хорошем настроении, а опущенный свидетельствует об обратном: собаки часто поджимают хвост, когда их ругают или наказывают. В составе зоонимических ФЕ со значением «очень высокомерный, заносчивый» есть глагольные фразеологизмы *къуйругъун гё-*

термек (досл. хвост поднять) «показать высокомерие», *кьуйругьун чюймек* (досл. хвост подкидывать), объединенные семей «поднять вверх» и характеризующие человека.

Зоосоматизм в составе ФЕ *кьуйругьун кьысмакъ* «прижать хвост» обозначает потерю уверенности – «испугавшись последствий своих действий, поступков, поведения и т.п., становится более осторожным, осмотрительным». *Иннемей, кьуйругьун кьысын турса, оьзюне яхшы* (Магьамматсолтан Ягьияев). «Если будет молча, спокойно сидеть, ему самому лучше».

Второе значение связано с поведением собаки, у которой виляние хвостом выражает доброжелательное отношение. Эту дружелюбность животного фразеология оценивает негативно, приписывая собаке такие качества, как заискивание, стремление угодить. Подобными коннотациями в кумыкском языке обладают собака и лиса: *Тюлкю, кьуйругьун силлей туруп, къачып тебеден артылып гете*. (Фольклор). «Лиса, виляя своим хвостом, убежала за холм».

Гюргюр «индюк» используется для характеристики высокомерного надутого человека. По ассоциации с внешним видом этой «надутой птицы» возникли фразеологизмы *гюргюр йимик гёпмек // гюргюрдей гёпмек* (досл. как индюк надуться) «о гордом, чванливом человеке», *гюргюрдей хохаймакъ* (досл. как индюк дуться) «дуться, обижаться», *биревге гёпмек* «разозлиться, надуться на кого-л.», *гёбюп турмакъ* «дуться, злиться», *гёбюп юрюмек* «ходить дутым», *ачувундан гёпмек* «дуться от злости». *Гюргюрдей хохайып, бир уьйден бир уьйге гезейсен*. (Умукурсум Мантаева). «Дутый, как индюк, ходишь с одного дома в другой дом».

Труд считается основой жизни человека, поэтому он и ценится. Очень трудолюбивый, старательный человек образно характеризуется фразеологизмом *ишни йыртагьан улан* (досл. парень, рвущий работу) «очень трудолюбивый, старательный». *Асил кьылыкълы, таза юреккли, ишни йыртагьан улан эди* (Магьамматсолтан Ягьияев). «Он был благородным, честным, очень трудолюбивым парнем».

Значение «трудиться до изнеможения, изнурять себя тяжелой работой, усердно, напряжённо трудиться» выражают фразеологизмы *тер тѣгюн ишлемек* «работать в поте лица», *къара тер тѣгюн* «в поте лица, прилагая усилия, стараясь», *къан тер тѣкмек* (досл. кровавый пот проливать) «усердно, усиленно работать» [Гаджихмедов 2014], *мангалай тери булан* (ишлемек) (букв. работать до пота на лбу) «в поте лица», *къанын къусуп ишлемек* (букв. работать, рыгая кровь) «изнурять себя тяжелой работой». *Гечеси, гюню булан къан тер тѣгюн турагъан халкъгъа макътав этме герек* (Ибрагъим Керимов). «Надо прославлять народ, который трудится днем и ночью».

Трудолюбие в кумыкском языковом сознании часто ассоциируется с зоонимическим кодом культуры: поведение человека сравнивается с поведением насекомых и животных. Так, насекомые *къонгузакъ* «жук», *балжибин* «медоносная пчела» и *хомурсгъа* «муравей» относятся «к насекомым, символизирующим трудолюбие человека. Эти трудолюбивые существа с утра до ночи суетятся, проводят время в труде. И человек видел их всюду: дома, на улице и в лесу и т.д.» [Ли Чунъли 2018]. Такое сравнение заключено во фразеологизмах *хомурсгъадай ишге ёргъа* (досл. как муравей, резв в работе) «трудолюбивый как муравей», *къонгузакъ йимик ишлей* (досл. работает как жук) «трудолюбивый как жук», *балжибин йимик* «трудолюбивый, как пчела». *Къара шо Гиччибекге, ишге чечекге балжибин йимик къарышын къалды* (Аткъай Гъажамматов). «Посмотри на этого Гиччибека, прилипает к работе, как медоносная пчела к цветку».

О человеке, который быстро работает, кумыки говорят *от тюшген йимик ишлей* (букв. работает как будто пожар) «трудолюбивый человек, человек, который быстро делает свою работу». *Айрокъда, эркек от тюшген йимик ишлейген адам буса.* (Ибрагъим Ибрагъимов). «Особенно, если мужчина является человеком, который быстро делает свое дело»

Такие животные, как *эшек* «ишак», *гамииш* «буйвол», *къабан* «кабан», *обгюз* «вол», как и общее название животных – *гъайван* – олицетворяют трудо-

любие: *гамииш йимик ишлемек* (досл. работать как буйвол) «работать как вол», усердно трудиться», *эшек йимик ишлемек* (досл. работать как ишак) «много работать» [Гаджихмедов 2014], *оьгюз йимик ишлей* «как вол работает», *гьайван йимик ишлей* «как животное работает», *къабан йимик ишлей* «как кабан работает». *Ай, сагъа недир: къабан йимик ишлейген уланынг, кѐп иш гюн къазанагъан къатынынг...* (Ш. Альбериев). «Э-э, что тебе: у тебя сын, который пашет как кабан, жена, которая зарабатывает много трудодней».

Во фразеологизмах данной подгруппы употребляются слова *аркъа* «спина», *бел* «пояс», *баш* «голова», *къол* «рука», которые связаны с трудовыми процессами: *башын гѐтермей ишлемек* «работать, не поднимая головы», *белин язмай ишлемек* (досл. не разгибая спины) «работать, не покладая рук» *Эртенден ахшам болгъунча белин язмай ишлемеге къыйын буса да, Къазакъ рази.* (И. Керимов). «Хотя очень трудно с утра до вечера работать не покладая рук, Казак согласен».

Фразеологизмы данной семантической группы содержат полные структурно-семантические соответствия с русским языком: *оьгюз йимик ишлемек // работать как вол*, *балжибин йимик ишлемек // трудолюбивый как пчела*, *хомурсгъа йимик ишлемек // трудолюбивый как муравей*.

В кумыкском языке существует множество синонимических фразеологизмов, обозначающих лень и безделье: *янтайын турмакъ* (досл. *лежать на боку*) «бездельничать, лентяйничать», *гьайсыз ишлемек* «работать спустя рукава», *бармагъы булан тиймей* (букв. пальцем не трогает) «пальцем не шевелит», *жибинлени санай* «считает мух». *Къарт болгъанда ял алырман, янтайын турарман дегенде, гѐресен, яп-янгыз къалды.* (И. Керимов). «Он думал, что в старости отдохнет, не будет работать, видишь, остался совсем один».

При анализе мотивационного компонента ФЕ, репрезентирующих семантику «бездельничать», особо выделяются фразеологизмы с конкретно-образной мотивацией: *бош айланмакъ* (досл. пустой ходить) «болтаться без дела», *бош юрюмек* (досл. пустой ходить) «болтаться»: *Бош юрюгенлигини*

гъакъында о оъзю де аз ойлашмагъан. (Шарип Альбериев). «Он и сам не раз задумывался над тем, какой он бездельник». Пространственно ориентированные глаголы в сочетании с прилагательным *бош* «пустой» означают «ничего не делать, бездельничать».

Лингвокультурную ценность представляют и фразеологизмы *пурхагъа тюкюрюп турмакъ* «плевать в потолок», *жибин кюшлемек* «мух гонять», которые, возможно, являются кальками соответствующих русских фразеологических единиц. Они предупреждают о том, что человек не должен заниматься бесполезными, нерезультативными делами [Телия 1996: 257]. *Жибин кюшлемек салгъанмы сени мунда?* (А. Къурбанов). «Тебя мух гонять устроили сюда?»

3.7. Фразеосемантическое микрополе

«черты характера, отражающие отношение к вещам»

Это самая немногочисленная фразеосемантическая группа, которая дает, прежде всего, качественную характеристику человеку щедрому и жадному.

Образ жадного человека выражают соматические фразеологизмы с соматическим компонентом *къол* «рука»: *къолгъа бек* (досл. крепкий на руку), *къолуна бек* (досл. на руку крепкий) [Гаджихмедов 2014 <http://elibrary.ru/item.asp?id=2423>]. *Билегенлер охуп сама сююп узатылса да, бермеди, адамланы гёз алдында ари-бери силлеп къойду, къолуна нече де бек адам* (И. Керимов). «Желающие прочесть (книгу) протягивали свои руки, но он не давал, размахивая перед глазами людей: очень жадным человеком был».

Противоположный смысл соматизм *къол* «рука» приобретает во фразеологизме с атрибутом *эркин* «свободный» в функции предиката *къолу эркин* (досл.: *рука свободный*). *Нече де намуслу, нече де къолу эркин улан бар, воллагъ.* (Ибрагъим Ибрагъимов). «Ей Богу, он очень совестливый, очень щедрый человек». В данном случае фразеологизм используется для характеристики щедрого, бескорыстного человека.

Душевная щедрость характеризуется благородными поступками человека по отношению к окружающим. Во фразеологизме *ач гёз* (досл. *голодный глаз*) «ненасытный, жадный на что-л. (например, на еду), не могущий насытиться» ощущение голода, желание принимать пищу ассоциируется с жадностью, с желанием взять больше: *Жанаварлыгы битмейген ач гёзлерин эринчек ойнатып, немкёрай харс ура.* (Аткъай Гъажамматов). «Он небрежно хлопает своими нерешительными, очень жадными глазами».

Чрезмерную скупость человека выражают такие образные, насыщенные экспрессивной окрашенностью фразеологизмы, как *кышыны гюнюнде къар тилесенг де, бермес* (досл. в зимний день, если даже снега попросишь, не даст) «зимой снега не выпросишь», *балыгына тарыкъда сув бермес* (досл. рыбе, когда надо, воду не даст) «очень скупой».

Балыгынга сув тарыкъда

Сув бермейген сувчюмегим. (Жават Закавов).

«Когда рыбе своей вода нужна

Воду не дающая, моя милая».

Жадность является источником зависти, алчности. Ненасытного и чрезмерно скупого, завистливого и алчного человека характеризуют фразеологизмы *сутур гёз* (досл. жадный глаз) «жадный, алчный», *гёзлери тоймай* «глаза ненасытные», *гёзюн сутурлукъгъа чакъмакъ* (досл. глаз свой на жадность прицелить) «жадный, алчный». *Эки гёзюн сутурлукъгъа чакъгъанлар, Акъча жыйма салгъан йимик озлени.* (Жават Закавов). «Глаза твои прицелены на жадность, будто они вставлены, чтобы деньги собирать». Все фразеологизмы характеризуют человека с негативной стороны и благодаря образности имеют ярко выраженную экспрессивную окраску.

Природный культурный код во фразеологизмах *кышыда къар бермес* (досл. зимой снега не даст) «зимой (среди зимы) снега не выпросишь», *кышыда буз бермес* «зимой льда не даст», которые объясняются образным переосмыслением слов *къар* «снег» и *буз* «лед», символизирующих материальные

вещества. *Тек нетесен, къызгъанч десенг, къышны гюнюнде тилесенг, буз да бермес.* (Шарип Альбериев). «Что подделаешь, если говорить о жадности, в зимний день и льда не даст».

3.8. Фразеосемантическое микрополе «волевые черты характера»

Воля – это способность человека своевременно принимать решения, совершать действия, поступки в определенных ситуациях, мобилизуя свои способности, мысли и стремления.

Фразеологизмы *юрегинде тавакаллыкъ болмакъ* (досл. наличие решительности в сердце) «быть решительным», *тавакаллыгъы етишимей* «не хватает решительности», *тамурундан гесмек* (досл. вырвать с корнем) «о решительном человеке», *тавакаллыкъ этмек* «проявить решительность, смелость». *Онда эркеклердей къаттылыкъ да, тавакаллыкъ да бар* (М. Ягъияев). «В нем, как в мужчине, есть и твердость, и решительность». *Машинни бираз тербетип, тавакаллыгъы етишмеди буса ярай, кёпюрге миндирмей янгыдан токътатды* (Микайыл Абуков). «Немного проехав вперед, наверное, не хватило мужества, не заезжая на мост, приостановил машину».

Человека нерешительного, колеблющегося в своих действиях и поступках, неспособного взять на себя ответственность в решении проблем характеризуют ФЕ *эки гёнгюллю* «нерешительный, робкий», *эки гёнгюллю болмакъ* «колебаться, быть нерешительным, робким, растеряться», *вас-васлыкъ этмек* «медлить, проявить нерешительность», *вас-вас адам* «нерешительный человек». *Бу хабарны эшитгенде Алини юрегине васваслыкъ гелме башлады.* (Ю. Гереев). «Когда он услышал этот рассказ, он растерялся». *Къызыны адамлары эки гёнгюллю болуп турагъанда: «Огъар берме уллулукъ эте бусагъыз къызыгъызны магъа берип къоюгъуз», – деди ол.* (Сраждин Токъболатов). «Когда родственники невесты начали колебаться: «Если считаете

уничжительным выдать свою дочь ему, выдайте ее мне», – сказал он».

Зооморфизм *обгюз* «вол» в наивной картине мира кумыков используется для характеристики человека, обладающего такими волевыми качествами, как «упрямый, безразличный, капризный, тупой и глупый». В ФЕ *обгюз хасиятлы* 1) упрямый, человек с безразличным, равнодушным, капризным характером, 2) тупой, глупый, *уйренген обгюз* (досл. обученный вол) «глупый человек». *Ондан къайры да, Арапат – уйренген обгюз* (Абас Мамаев). «Кроме того, Арапат – настоящая тупица».

В кумыкской языковой картине мира нерешительность оценивается как отрицательное качество.

3.9. Фразеосемантическое микрополе, характеризующее состояние человека

Фразеологизмы данной фразеосемантической группы характеризуют физическое или эмоциональное состояние человека. Резкие изменения, произошедшие в лице или во внешнем облике человека, связанные с его волнениями или болезнью, выражают соматические фразеологизмы *сыпаты къачгъан* (досл. лицо (его) убежало) «о побледневшем человеке», *агъаргъан бет* (досл. побелевшее лицо) «бледное лицо», *бети агъармакъ* «побледнеть», *гёзлери къарангы болду* « в глазах потемнело», *бети тамдай агъаргъан* (досл. лицо стало бледным, как стена) «бледный». *Зубайдат ачуву чыкъмакъдан, гёзлери къарангы болуп, олтуруп къалды.* (Н. Батырмурзаев). «От злости у Зубайдат в глазах потемнело, она села». *Ону гёзлери юмулгъан, бети тамдай болуп агъаргъан.* (Шарип Альбериев). «У него глаза закрылись, лицо побледнело как стена». *Къоркъгъанлыкъдан сыпаты къачгъан къызъяшигъа къолларымы узатдым.* (Абас Мамаев). «Я протянул руки побледневшей от испуга девушке».

Физическое состояние человека выражают глагольные фразеологизмы со значением «головная боль» и «головокружение», которые являются резуль-

татом переживаний или болезни. Например: *башым ярылып бара* (досл.: голова (моя) раскалывается) «голова болит», *башым айлана* «голова кружится», *къарны айланмакъ* (досл. чрево крутится) «сильно переживать». *Аявлап сакълагъан авлетини гъалына къарап анасыны къарны айлана*. (Сраждин Токъболатов). «Смотря в лицо дорогого для нее сына, мать сильно переживает».

Еще более экспрессивно и эмоционально физическое состояние человека, связанное с разными жизненными обстоятельствами, выражено в ФЕ, имеющих компаративную структуру: *башым чардай айлана* (досл. голова (моя) как точило крутится) «голова кружится», *къутургъан ит йимик айлана* (досл. кружится как бешенная собака) «ходит как бешеная собака», *къозлап болмайгъан тавукъ йимик* (досл. нести не могущая курица как) «о человеке, который ходит туда-сюда, не зная как ему поступить в данной ситуации, как решить проблему». *Иннемей тургъан бусанг, гъали къозлап болмайгъан тавукъ йимик айланмажакъ эдинг*. (Ибрагъим Ибрагъимов). Сидел бы спокойно, сейчас так не переживал бы». *Башым бир тамаша къагъы, бир-бирде чардай айлана, – деп айтып тура*. (Ибрагъим Керимов). «Голове моей удивительно тягостно, иногда она кружится как точило», – говорит она».

Фразеосемантическая подгруппа, характеризующая состояние алкогольного опьянения, представлена следующими соматическими фразеологизмами: *аякъ уьстде туруп болмай* «на ногах не может стоять», *тютюн йимик* (букв. как дым). Этот же фразеологизм выражает значение усталости: *Талмакълыкъдан бирлери аякъ уьстде эретуруп болмайгъанда, оланы орнуна башгъалары геле*. (Фолькл.). «Когда одни от усталости на ногах не могли стоять, вместо них приходят другие». *Муна, ахырда ол гелди, тек гъаман да йимик сабур кюйде тюгюл, эсирип тютюн йимик болуп гелди*. (Микайыл Абуков). «Вот он наконец пришел, но пришел не как всегда, а сильно пьяный».

Сон является одним из физиологических потребностей человека. Нормальное состояние сна связано с наличием и отсутствием сна: *юхум бар* (досл. сон (мой) есть) «хочу спать», *юхум ёкъ* (досл. сон (мой) нет) «не могу спать».

«Сонг ашарман. *Юхум бар*», – деп, ятып къалдым. (Магъамматсолтан Ягъияев). «Потом поем. Спать хочу», – сказал и лег. *Юхум ёкъ чу мени*. (Магъамматсолтан Ягъияев). «Я же не хочу спать».

С состоянием сна связаны фразеологизмы *гёзюме юху гелмей* «не спать» (досл.: в глаза сон не входит) «не спится», *гёзюне къалгъыв ёкъ* (досл. в глазу дремоты нет) «нет сна», *гёзюме юху гирмей* (досл. в глаз сон не заходит) «не сплю». *Гъеч унутуп болмайман, юху гелмей гёзюме*. (Ибрагъим Ибрагъимов). «Никак не могу забыть, спать не могу». *Гечелер мени гёзюме юху гирмей*. (Амир Къурбанов). «По ночам спать не могу».

Но сон может быть и глубоким. Глубокий сон – это крепкий сон, которому в кумыкской наивной картине мира соответствуют фразеологизмы *къатты юху* (досл. твердый сон) «крепкий сон», *юхугъа батмакъ* (досл. в сон утонуть) «погрузиться в сон. *Зулайха танга ювукъда къатты юхлады*. (Шарип Альбериев). «Зулайха к утру заснула глубоким сном». *Озью де эс этмейли юхугъа батды*. (Къалсын Акъгёзов). «Сам того не замечая, он погрузился в глубокий сон». Признаком такого сна является неподвижность человеческого тела.

Для репрезентации предсонного состояния в кумыкской фразеологической картине мира используется фразеологизм *гёзю юхугъа бара* (досл. глаз (его) на сон идет), *гёзю юхугъа гетмек* (досл. глаз (его) на сон уходит), *гёзлеринден юху тёгюлюп геле* (досл. с глаз сон сыпится). *Гёзю юхугъа бара турагъанда тирмен уйге бирев гирип гелди*. (Шарип Альбериев). «Как только он начал дремать, в комнату мельника кто-то зашел». «*Биз гъали*», – деп башлады сёзюн *гёзлеринден юху тёгюлюп гелеген Ибрагъим*. (Хизри Арсланбеков). «Мы сейчас», – начал свое слово засыпающий Ибрагим».

Образ человека, который долго спит, создается субстантивным фразеологизмом *юху тёбе* (досл. сон куча) «засоня» в результате метафорического осмысления *юху – тёбе*. В кумыкской языковой картине мира человек, любящий спать, имеет отрицательную коннотацию.

Кошка является животным, которое любит спать, она может засыпать в любом месте и в любое время. Человек, любящий спать, образно выражается субстантивным фразеологизмом с зоонимным культурным кодом – *юхучу мишик* (досл. любящий спать кошка) «засоня». Зооним усиливает эмоционально-экспрессивный оттенок ФЕ. *Ёкъ ерден юхучу мишик болуп да чыкъдынг.* (И. Ибрагъимов) «На пустом месте вдруг ты стал и соней».

Фразеологизация соматизма *аякъ* («нога») связана с функциями, выполняемыми данным соматизмом, – «способ движения ноги; «стояние, удержание тела в горизонтальном положении». Об упрямом человеке, который в общении с другими людьми постоянно спорит, настаивает на своей правоте, часто вопреки необходимости и здравому смыслу, кумыки говорят *аякълары тик тиреп* (досл.: ногами сильно упираясь), *табан тиреп* (досл.: упираясь пяткой) «настаивая на своём, твёрдо стоять на своём» [Сапукова 2020: 353]. *Гъали буланы ичине нечик гийирерсен тону, этиги булан; чечиндирсенг де, баягъы, табан тиреп олтуражакълар* (Ибрагъим Ибрагъимов). «Как их теперь пригласить, одетых в шубы, сапоги, пригласишь, будут настаивать на своём».

Фразеологизмы с соматическим компонентом *аякъ* «нога» в кумыкской фразеологической картине мира обладают разветвленной системой значений. Соматизм *аякъ* «нога» ассоциируется с движением. Движение может быть легкой и тяжелой. С одной стороны, нога может быть легкой, приносящей удачу, счастье, тогда кумыки используют фразеологизм *аягъы энгил* (досл.: нога у него легкая): *Аягъынг энгил экен, сыралы болуп чыкъды геливюнг* (Баммат Атаев). «Оказывается, твоя нога легкая: твой приход оказался счастливым». С другой стороны, нога может быть и тяжелой, приносящий несчастье, неприятности, для передачи такого содержания кумыки используют фразеологизм *аягъы авур* (досл.: нога (его) тяжелая): *Огъ, нече де авур экен аягъынг: сен гиргендокъ бите уйню рысгъысы.* (Магъамматнаби Халилов). «Ох, какая тяжелая у тебя нога: с твоим приходом в доме кончается добро».

В числе архаизмов в современном кумыкском языке редко функционирует слово *сыралы* «счастливый», которое в функции атрибута используется во фразеологизме *сыралы аякъ* (досл. счастливая нога) «приносящий счастье»: *Нече де сыралы аягъы булангъы адам болгъан: шо гелген сонг насип явду уьюме.* (Ибрагъим Ибрагъимов). «Он оказался человеком, приносящим счастье: как он пришел, счастье грянуло в мой дом». Встреча с таким человеком по наивным представлениям кумыков предвещает счастье.

«Соматизм *аякъ* («нога») в составе ФЕ выступает как средство морального унижения: *аякъларын яламакъ* «угодничать, льстить; заискивать, пресмыкаться, унижаться перед кем-либо»» [Сапукова 2020: 354].

Сансымайлы оланы

Ишинден къувалайгъан,

Болду энни ялынып,

Аякъларын ялайгъан. (Магъамматшапи Минатуллаев).

«Не признавая их,

С работы уволял,

Теперь он стал

Лизуном, подхалимом».

Радостного, веселого человека, который ходит быстро и легко, танцует легко и красиво, ног под собой не чувствует, характеризуют фразеологизмы *аягъы ерге тиймей* (досл.: нога до земли не касается) «ног под собой не чувствует» или *аягъы ер тутмай* (досл.: нога земля не держит) «ног под собой не чувствует» [Сапукова 2020: 353]. *Алим аякълары ерге тиймей дегенлейин Арслангерейни уьстюне етишди* (Сраждин Токъболатов). «Алим ног под собой не чувствуя пришел к Арслангерейю». *Бир зат тюшмесми экен деп, аягъы ер тутмай айлана* (Ибрагъим Ибрагъимов). «В надежде, что что-то перепадет, он ног под собой не чувствует». *Чабывда о чалт: ерге тиймей аягъы.* (Насрулла Насруллаев). «На бег он быстр: ног под собой не чувствует».

Соматизм *аякъ* («нога») непосредственно связан «с понятиями, сопутствующими движению, – это направленность, темп, интенсивность, место, способ движения. Вместе с тем данные ФЕ выражают эмоциональную оценку» [Везерова, Моранькова 1971: 119-128]. Например: *аягъым бармай* (досл.: нога не идет) «ноги не идут, отсутствие желания идти к кому-л.», *аягъым тиймеген ер къалмады* (досл.: не осталось места, куда не наступила моя нога) «езде был», *аякъларыны тубюнден от чыгъа* (досл.: из-под ног огонь выходит) «о беспокойном, бойком, неусидчивом человеке» [Сапукова 2020: 353]. *Бизин янда чы сени аягъынг тиймеген ер ёкъдур.* (Агъмат Устарханов). «В наших краях, наверное, нет места, куда бы твоя нога не ступала».

Фразеологические единицы, характеризующие ноги, описывают их с точки зрения длины и формы: *аякълары бойнундан оьсе* (досл. ноги с шеи растут) «журавлиные ноги, одни ноги» – *аякълары ёкъ* (досл. ног нет) «короткие ноги».

Очень уставшего человека характеризуют соматические фразеологизмы *какичлеримден айрылдым* (досл. расстался с ногами) и *аякъларым гётермей* (досл. ноги не поднимают): *Сени излей туруп эки де какичимден айрылдым* (Магъамматсолтан Ягъияев). «В поисках тебя чуть без ног не остался». *Арымакълыкъдан, къаркъарасын аякълары гётермей, тахгъа чёкдю* (Къалсын Акъгёзов). «От усталости не мог стоять на ногах и прислонился к тахте».

«В кумыкском языке «лексема *къол* «рука» в метафорическом значении осмысливается в связи с трудовой деятельностью человека, умением работать. Например, *къолу хамурдан чыкъмай* (досл.: руки из теста не выходят) «о женщине, которая все время готовит еду, встречая гостей», *къолларым уьзюлюп бара* (досл.: руки отрываются) «руки отваливаются» [Сапукова 2020: 353]. Фразеологизм *къолу хамурдан чыкъмай* имеет гендерную характеристику. Поскольку у кумыков тесто месили только женщины, гендерный компонент семантики данной фразеологической единицы образно отражает этнокультурные признаки, присущие женщине.

Отсутствие движения в кумыкской языковой картине мира приравнивается к бездеятельности. Наглядным «примером последнего являются фразеологизмы, основанные на символизации жеста и позы в целом. Человек, который стоит, засунув руки в карманы или держа руки на груди, демонстрирует праздность, отдых, а также отказ от работы. Именно такого человека характеризуют фразеологизмы *кьолларын киселерине сугьуп* (досл.: держа руки в карманах) «бездельничать», *кьолларын кьойнуна салып* (досл.: положив руки на грудь) «лодыря гонять, бить баклуши, ничего не делать, бездельничать» [Сапукова 2020: 354], *кьол силлемек* «махнуть рукой». *Катя бир зат да айтмай, эртенден берли кьолларын кисесине сугьуп тура* (Ибрагьим Керимов). «Катя, ничего не делая, с утра стоит засунув руки в карманы».

Как известно, умение, мастерство и талант относятся к важнейшим качественным характеристикам человека. Благодаря этим качествам человек заслуживает уважения в обществе. Такого человека характеризуют фразеологизмы *алтын кьоллар* «золотые руки», *бажарывлу кьолларлар* «умелые руки», *бажарывлу адам* «способный человек». *Уста, сен пагьмулусан, Кьолларын алтын кьоллар, Элlege макъталагъан Хынжаллар эте олар*. (Абзайдин Гьамитов). «Мастер, ты очень талантливый, Руки твои золотые, Прославленные на весь мир – кинжалы они делают». *Сен бажарывлу яшсан, суйсенг охума боласан*. (Ибрагьим Керимов). «Ты талантливый мальчик, если захочешь, можешь учиться».

ФЕ с соматизмом *гёз* «глаз» выражают способность человека видеть, воспринимать зрительно окружающий мир. Например: *гёз юммай* (досл.: не моргнув глазом) «не смыкая глаз, не сомкнув глаза», *гёзге илинемек* (досл.: цепляться в глаза) «попасться на глаза, случайно привлечь к себе внимание, быть замеченным», *гёзден гечирмек* «пробежать глазами, просматривать быстро и невнимательно». *Гечени гёз юммай чыгъардым*. (Ибрагьим Керимов). «Я провел ночь без сна». *Шо гюн-бугюн дагъы гёзюме илинемген бир де*. (Ибрагьим Ибрагьимов). «С тех пор он мне в глаза не попадался».

Фразеологизмы с соматонимом *гѣз* «глаз» могут репрезентировать стереотипы поведения человека или отношений между людьми. В результате метафорического переосмысления эти фразеологизмы образно характеризуют поведение человека. Например: *гѣзлери булан ашан къойма тура* (досл. поедает глазами) «не спускает глаз», *гѣзлери къайнай* (досл.: глаза кипят) «сильно волнуется, переживает». *Олайлагъа къайсы яшны да гѣзлери къайнажакъ*. (Микайыл Абуков). «Таким будут гореть глаза каждого ребенка».

Кроме того, ФЕ с соматонимом *гѣз* «глаз» отражают различные типы эмоционально-психологического состояния человека, например, удивление. По структуре эти ФЕ являются в основном глагольными: *къолларын яймакъ* «разводить руками, удивляться», *тили тартылмакъ* «язык отнялся от удивления, страха», *тили тутулмакъ* «язык проглотить, терять дар речи, замолчать от неожиданности, удивления, страха и т.п.». *Башир оъзюне етишгенде, Марьям тили тутулгъандай тынып къалды*. (Магъаммат Хангишиев). «Когда Башир дошел до него, Марьям замолчала, как будто язык проглотила».

Как известно, основные группы культурных смыслов, носителем которых является соматизм *авзу/авуз* – «рот», связаны с дыханием, приемом пищи и речью. В кумыкском языке открытый рот ассоциируется с рассеянным, невнимательным, беспечным человеком [Сапукова 2020: 353]. Об этом говорят следующие фразеологизмы: *авзу ачыкъ* (досл.: рот открытый) «зевака, разиня», *авзун ачып къалмакъ* (досл.: остаться, открыв рот) «разинуть рот». *Неге айтадынг огъар уйде болгъан лакъырланы, авзу ачыкъ авлия!* (Магъамматсолтан Ягъияев). «Зачем ты говорил ему о том, что было у нас дома, зевака, дуралей?»

Речевая культура носителя языка в кумыкской фразеологии находит свое выражение во фразеологических сочетаниях с полисемантическим соматизмом *авзу* «рот».

Для характеристики болтливости человека используются ФЕ *авзу бош* (досл.: рот пустой) «болтун», *авзу токътамай* (досл.: рот не останавливается)

«много говорит», *авзу ябылмай* (досл.: рот не закрывается) «много болтает», *авзун тутуп болмай* (досл.: рот не может держать) «болтун», *авзуну вапасы ёкъ* «водолей, пустослов» [Сапукова 2020: 353], *авзу бошамай* (досл. рот не пустеет) «болтун», *авзу сёзден бошамай* (досл. рот от слов не пустеет) «болтун», *авзу ачылды буса, дагъы абулмас* «раз открыла рот, то едва ли его закроет», *тилингни авзунгда бек сакъла* «не болтай, держи язык за зубами». *Буса да гъар бусурмангъа аян зат, къатынны авзу бир ачылды буса, дагъы ябулмас* «Хотя каждому мусульманину известно, если жена раз открыла рот, то едва ли его закроет» (Юсуп Гереев).

О молчаливом, неразговорчивом человеке кумыки говорят: *авзу ёкъ* (досл.: рта у него нет) «в рот воды набрал», *авзун ачмай* (досл.: рот не открывает) «рот на замок», *авзуна кирит ургъандай* «будто рот на замке» *Авзунга кирит ургъандай, неге иннемей турасан?* (Ибрагим Керимов). «Что молчишь, будто в рот воды набрал»?

Таким образом, специфической особенностью данного фразеосемантического микрополя являются выражение состояние человека в различных ситуациях и эмоциональная оценка этого состояния.

Выводы по 3-й главе

Фразеосемантические единицы, характеризующие внутренний мир человека, мы распределили по нескольким фразеосемантическим группам. Общесемантический признак в значении каждой исследуемой ФЕ являлся интегрирующим признаком, который лежал в основе распределения этих фразеологизмов по фразеосемантическим группам. Некоторые фразеосемантические группы образуют микроля. Так, фразеосемантические единицы, характеризующие интеллектуальные свойства человека, распадаются на три микрогруппы: а) наличие или отсутствие внимания, понимания и памяти, б) наличие и отсутствие знания, в) способность к мыслительной деятельности.

В фразеосемантическом макрополе «Внутренний мир человека» выделены еще следующие фразеосемантические микрополя: «прямодушный», «лживый», «честный», «черты характера, проявляющиеся в отношении к самому себе», «черты характера человека, проявляющиеся в отношении к вещам», «волевые черты характера».

В системе фразеологических единиц кумыкского языка, характеризующих внешность человека, используются самые разные культурные субкоды – зоонимный, растительный, артефактный, природный, религиозный, антропонимный и др. Наиболее активными в этой фразеосемантической группе являются артефактный и зоонимный коды культуры.

Некоторые фразеосемантические группы образуют антонимические микрополя: «добрый человек – злой человек», «умный человек» – «глупый человек» и др.

Выделяются пейоративные и мелиоративные оценки фразеологического значения, связанные с наличием или отсутствием того или иного признака, лежащего в основе фразеологизма, семантически ориентированного на внутренний мир человека.

Не во всех фразеосемантических группах можно выявить нейтральную оценку, как одобрение того или иного семантического признака, свойственного человеку.

Все фразеологизмы, характеризующие внутренний мир человека, основаны на образно-метафорических смыслах, что позволяет им активно участвовать в формировании кумыкской фразеологической картины мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Кумыкская фразеология обладает представительным корпусом фразеологизмов, объективирующих характер человека. ФЕ кумыкского языка, выражающие характер человека, мы представили в виде фразеосемантических групп, образованных совокупностью ФЕ, относящихся к одной и той же понятийной сфере, объединенных интегральным семантическим признаком, но обладающих дистинктивными семантическими признаками.

Характеристика человека в кумыкской фразеологической картине мира передается особой тематической системой. Характерологические ФЕ кумыкского языка распределены на две большие группы: фразеосемантические группы, характеризующие внешний вид человека, и фразеосемантические группы, характеризующие внутренний мир человека. В каждой группе выделяются фразеосемантические подгруппы. Каждая фразеосемантическая группа отражает определенный фрагмент действительности. Распределение ФЕ по фразеосемантическим подгруппам проводилось на основе наличия общих интегральных сем в их семантике.

В кумыкской языковой картине мира самую большую фразеосемантическую группу представляют фразеологизмы, объективирующие внешность человека. Эти ФЕ связаны с этическими и культурными традициями кумыков, что позволяет говорить о национальных признаках ФЕ, об отражении в них этнокультурных представлений кумыков. Материал исследования показал, что кумыкские фразеологизмы, характеризующие внешность человека, обладают богатым этноспецифическим потенциалом, отражающим соответствующий фрагмент наивной картины мира кумыков.

В системе фразеологических единиц кумыкского языка, характеризующих внешность человека, используются самые разные культурные субкоды – зоонимный, растительный, артефактный, природный, религиозный, антропонимный и др. Наиболее активными в этой фразеосемантической группе являются артефактный и зоонимный коды культуры. Животное и человек имеют

много схожих параметров внешности. Это не только соматическая сфера (общие названия частей тела – голова, глаза, нос, уши, рот, ноги и др.), но и динамические признаки, связанные с движениями тела, с поведением в той или иной ситуации.

Во фразеологическом фонде кумыкского языка достаточно много фразеологизмов, характеризующих человека по его конституции: по признакам полноты и неполноты. Полноту телосложения человека характеризуют ФЕ, представляющие собой антиномию «толстый – худой». ФЕ, принадлежащие к данной фразеосемантической группе, с точки зрения внутренней формы прозрачны. Они характеризуют человека отрицательно. Объясняется это тем, что человеку свойственно заострять внимание на недостатках внешности, нежели на достоинствах. Кумыкам свойственно больше внимания уделять худобе как отталкивающему внешнему фактору.

Фразеологизмов, связанных с характеристикой и оценкой соответствия внешнего вида человека его возрасту, также немало. Эти фразеологизмы мы разделили на несколько фразеосемантических подгрупп: а) фразеологизмы, характеризующие период взросления человека, б) фразеологизмы, характеризующие молодого человека, в) фразеологизмы, характеризующие зрелый возраст человека, г) фразеологизмы, характеризующие пожилой возраст, д) фразеологизмы, характеризующие старый возраст. Значения фразеологизмов отражают этнонациональные особенности культуры кумыков.

Физическое и психологическое состояние человека находят свое отражение и в его походке. Рассмотрев объекты, релевантные для той или иной походки, и признаки, отличающие некоторые виды походки в кумыкской фразеологической картине мира, можно сделать вывод о многовековом опыте наших предков, их наблюдениях за всем, что окружает человека. В частности, человек с древнейших времен интересовался поведением и походкой птиц. В результате такого наблюдения человека над природой возникли фразеологизмы с орнитомным кодом культуры, выражающие походку человека.

Классифицируя фразеологизмы, объективирующие походку человека, во фразеологической картине мира кумыков можно выделить несколько типов походок: а) по признаку «скорость, темп, ритм движения, амплитуда переноса тела при движении»; б) по типу контакта ног с поверхностью передвижения; в) по форме тела или форме отдельных телесных объектов, принимаемых при походке с оценочной характеристикой; г) по подобию с чертами походки животных и птиц; д) по телесным дефектам или дисфункциям.

Все фразеологизмы, характеризующие внутренний мир человека также распределены по фразеосемантическим группам. Большая часть ФЕ со значением наличие/отсутствие ума содержит отрицательную коннотацию. Это объясняется более острой эмоциональной реакцией человека на отрицательные явления.

Во фразеологической картине мира кумыков умный человек характеризуется через метонимический образ работы головой. В данной фразеосемантической группе используются разнообразные метафоры. Глупый человек ассоциируется с пустотой, пнем, коробом, различными образами животных, растительным кодом культуры и т. д.

Во фразеологизмах, характеризующих внутренний мир человека, можно обнаружить использование соматического, зоонимического, фитонимического, колоративного и артефактного кодов культуры. Преобладающим кодом культуры является соматический код. Почти все названия внешних частей человеческого тела входят в компонентный состав большого числа кумыкских фразеологизмов, характеризующих человека с самых разных сторон.

Фразеологизмы, характеризующие человека, представлены разными структурными типами: а) субстантивно-субстантивным типом, представленным изафетным словосочетанием, характеризующим человека; б) адъективно-субстантивным типом (*къара йылан* (досл. чёрная змея) «смертельный враг»); б) адъективный типом, состоящим из двух прилагательных, обычно цветового первообразного и производного прилагательного с аффиксом *-лы*; *къара юзлю*

(досл. с черным лицом) «нечестный, коварный»; в) именным предикативным типом, представляющим собой субстантив с аффиксом принадлежности 3-го лица единственного числа и прилагательным в постпозиции: *ичи къара* «злой, злопамятный человек»; г) субстантивно-глагольным типом: *къанына къаралмакъ* «прийти в бешенство, озлобиться».

Субстантивные и адъективные типы ФЕ характерны для ФСГ, характеризующей внешне наблюдаемые особенности характера человека, глагольные используются преимущественно для ФСГ «состояние человека». Субстантивные и адъективные ФЕ отличаются явной и прямой характеристикой, тогда как глагольные фразеологизмы имеют своей отличительной особенностью косвенную характеристику человека.

Все рассматриваемые фразеологизмы имеют образно-метафорическую основу и принимают участие в создании этнокультурной языковой картины мира кумыков.

С точки зрения гендерной соотнесенности в ФСГ, характеризующих человека, можно выделить универсальные, фемининные и маскулинные фразеологизмы. ФЕ с гендерной ограниченностью используются чаще всего при характеристике внешнего вида человека, его статуса и поведения, некоторых физиологических признаков. Естественно, универсальных фразеологических единиц в языке значительно больше по сравнению с гендерно ограниченными признаками.

Фразеологических единиц, репрезентирующих несколько характеристик человека одновременно, в кумыкском языке немного. В основном рассматриваемые фразеологизмы являются монохарактерологическими.

Во фразеологизмах, характеризующих внутренний мир человека, можно обнаружить использование соматического, зоонимического, фитонимического, колоративного и артефактного кодов культуры. Преобладающим кодом культуры является соматический код. Почти все названия внешних частей челове-

ческого тела входят в компонентный состав большого числа кумыкских фразеологизмов, характеризующих человека с самых разных сторон.

Перспективы исследования фразеологизмов, репрезентирующих характер человека, мы видим в их дальнейшем сравнительном и сопоставительном изучении для выявления типологических языковых особенностей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуллаева А.З. Основы фразеологии кумыкского языка в сравнительном освещении. – Махачкала, 2001. – 220 с.
2. Абдуллаева А.З. Фразеология кумыкского языка в сравнительном освещении: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Махачкала, 2002. – 54 с.
3. Айдиева Т.И. Фразеологические единицы с дифференциальными семантиками *рано, сейчас, поздно* в кумыкском и английском языках // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. №7, 2012. – С. 91-92.
4. Айсякаева А. А. Структура и семантика глагольных фразеологических единиц кумыкского языка: дис. ...канд. филол. наук. – Махачкала, 2009. –153 с.
5. Алеева Г.Х. Сопоставительный анализ фразеологических единиц, характеризующих внешность человека в английском и турецком языках: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Казань, 1999. – 22 с.
6. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. – М.: Academia, 2002. – 394 с.
7. Алефиренко Н.Ф. Проблемы вербализации концепта: теоретическое исследование. – Волгоград: Перемена. 2003. –96 с.
8. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в системе современного русского языка. – Волгоград: Перемена, 1993. – 272 с.
9. Алефиренко Н.Ф. Языковое сознание и лингвокультурология образной идиоматики. Фразеология и миропонимание народа: Материалы Международ. научн. конф.: в 2 ч. Ч. 1 Фразеологическая картина мира /Сост. В.Т. Бондаренко, Г.В. Токарев. – Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2002. – 331 с.
10. Алиева С.А. К проблеме семантического статуса междометий и звукоподражательных слов в русском и кумыкском языках // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-2. – С. 223 – 224.

11. Алиева С.А. Лингвокультурологическая характеристика фразеологизмов, обозначающих эмоциональные состояния человека, в русском и кумыкском языках // «Язык. Словесность. Культура» 6` 2013. – С. 59 – 70.

12. Алиева, С.А. Русские и кумыкские фразеологизмы со звукоподражательным компонентом как проявление метафоризации ономастопов // Современные проблемы науки и образования. – Пенза: Издательский дом «Академия естествознания», 2015. – № 1.

13. Анисимов Р. Н. Фразеологическая номинация возраста и опыта в якутском языке // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9: Филология Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 9: Philology. – С. 32 – 42.

14. Анисимов Р.Н. Зооморфные компоненты в составе фразеологизмов якутского языка, характеризующих человека // Сибирский филологический журнал. –2016; № 4. – С. 203 – 218.

15. Аркадьев П.М. Полисемия названий головы в славянских и германских языках в типологическом и историческом аспекте // Московский лингвистический журнал. Т. 6, № 1. 2002. – С. 53 – 81.

16. Арсентьева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц, выражающих характер человека, в английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1983. – 213 с.

17. Арсентьева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1989. – 123 с.

18. Арсентьева Е.Ф. Фразеология и фразеография в сопоставительном аспекте (на материале русского и английского языков). – Казань: Изд-во Казанского университета, 2006. –172 с.

19. Арсентьева Е.Ф., Коноплева Н.В. Семантические особенности фразеологических единиц с маскулинной гендерной референцией // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова: Научный журнал КГУ им. Н.А. Некрасова: 2009. –№ 2. – С. 27– 31.

20. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
21. Багатдинова Г.А. Человек во фразеологии: антропоцентрический и аксиологический аспекты: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук.– Казань, 2007. – 47 с.
22. Балжинням Уранчимзг. Особенности монгольских фразеологических единиц, характеризующих человека: Лингвокультурологический аспект: дис. ...канд. филол. наук. – Улан-Батор, 2005. – 132 с.
23. Барашкина Е.А. Внутренний мир человека в русской языковой картине мира: современные подходы // Вестник Самарского государственного университета. – 2007. – № 1 (51). – С. 136 –140
24. Бахвалова Т.В. Лексические и фразеологические средства характеристики человека в русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Орёл, 1995. – 519 с.
25. Бахвалова Т.В. Характеристика интеллектуальных способностей человека лексическими и фразеологическими средствами языка (на материале орловских говоров). – Орел: ОГПИ, 1993. – 130 с.
26. Башиева С.К. Стилистический компонент фразеологического значения: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Краснодар, 1995. – 38 с.
27. Башиева С.М. Средства формирования стилистического компонента значения фразеологизмов: [Учеб. пособие] / С. К. Башиева; Кабард.-Балк. гос. ун-т. – Нальчик: КБГУ, 1995. – 64 с.
28. Башиева С.М. Стилистическое использование лексико-фразеологических средств карачаево-балкарского языка Кайсыном Кулиевым и его отражение в русских переводах: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Баку, 1980. – 20 с.
29. Белоусова Л.Д. Сопоставительный анализ фразеологических единиц, характеризующих внешность человека в английском и русском языках: структурный и семантический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2016. – 27 с.

30. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь фразеологических синонимов русского языка. – Ростов-н/Д.: Феникс, 1997. – 352 с.
31. Богуславский В.М. Национальный образ внешности в русской фразеологии // Русский язык за рубежом, № 3/93. – С. 96-104.
32. Бравина Р.И. Концепция жизни и смерти в культуре этноса: на материале традиций саха. – Новосибирск: Наука, 2005. – 307 с.
33. Букулова М.Г. Соматическая фразеология как отражение национально-культурной специфики языкового сознания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Алматы, 2007. – 22 с.
34. Буянова Л.Ю., Коваленко Е.Г. Русский фразеологизм как ментально-когнитивное средство языковой концептуализации сферы моральных качеств личности. 2-е изд. Стереотип. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – 184 с.
35. Ван Ливэнь. Внешность человека как объект образной характеристики в системе устойчивых сравнений русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2015. – 26 с.
36. Ван Синьцзюй. Фразеологизмы, характеризующие поведение человека, в русском и китайском языках: дисс. ...канд.филол.наук. – Уфа, 2018. – 20 с.
37. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: Яз. рус. культуры, 1999. – 776 с.
38. Везерова Н. М., Моранькова М. П. К вопросу о системных отношениях фразеологизмов одной тематической группы // Вопросы семантики ФЕ. – Ч. 1. – Новгород, 1971. – С. 119 – 128.
39. Виноградов В.В. О некоторых вопросах русской исторической лексикологии // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977. – С. 243–264.
40. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – С. 140–161.

41. Виноградов В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977. – С. 45–69.
42. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. 4-е изд. – М.: Русский язык, 2001. – 720 с.
43. Вопросы семантики фразеологических единиц. Тезисы докладов и сообщений. – Новгород, 1971; Ч. 1. – С. 119 – 128.
44. Габбазова Р.Ф. Фразеологические единицы с компонентом-зоонимом «конь» в татарском и французском языках // Научный журнал "globus". Гуманитарные науки. Сборник научных публикаций XI Международная научно-практическая конференция «Общественные науки в современном мире» (23 сентября 2016г. г. Санкт-Петербург). – Санкт-Петербург, 2016. – С. 31–35.
45. Гаджихмедов Н.Э. Глагольные категории фразеологических единиц кумыкского и русского языка // Исследования по общей и дагестанской фразеологии. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 1989. – С. 125-134.
46. Гаджихмедов Н.Э. Глагольные фразеологизмы с соматическими терминами в кумыкском языке // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: соматические термины. – Махачкала: ДНЦ РАН, 1986. – С. 148–154.
47. Гаджихмедов Н.Э. Категория времени фразеологических единиц кумыкского языка // Вопросы общей и дагестанской фразеологии: Межвузовский сборник. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 1984. – С. 137–141.
48. Гайдарова З. Т. Антропоцентризм в идиоматической картине мира лезгинского, русского, английского и немецкого языков: дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2010. – 171 с.
49. Гаркуша Л. Г. Фразеосемантическое поле сознательного, бессознательного и патологии сознания в поведении личности: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003. –186 с.

50. Гатауллина Р. В. Фразеологические единицы, характеризующие психические состояния человека, в немецком, английском и татарском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2010. – 21 с.
51. Гвоздарев Ю.А. Основы русского фразообразования. Монография. 2-е изд., испр. и доп. – Ростов н/Д: НМЦ «Логос», 2010. – 246 с.
52. Гвоздарев Ю.А. Рассказы о русской фразеологии. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.
53. Гвоздарев Ю.А. Фразеологические сочетания современного русского языка. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1973. – 105 с.
54. Геляева А. И. Человек как объект номинации в языковой картине мира: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – Нальчик, 2002. – 42 с.
55. Готовцева Л.М. Фразеологические единицы с соматическим компонентом языка саха как объект сопоставительного изучения: дис. ... канд. филол. наук. – Якутск, 1994. – 218 с.
56. Гузеев Ж. М. Фразеология свободных словосочетаний и предложений в карачаево-балкарском языке [Текст] / Ж. М. Гузеев, А. М. Мизиев. – Нальчик, 2013. – 189 с.
57. Гутовская М. С. Фразеологическая картина мира: ее свойства и принципы исследования // Весн. БДУ Сер. 4, Филология. Журналистика. Педагогика. 2016. № 3. – С. 41–48.
58. Даибова К. Х. Кумыкско-русский и русско-кумыкский фразеологический словарь. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1981. – 88 с.
59. Даибова К.Х. Къумукъча-русча ва русча-къумукъча фразеология сёзлюгю. – Магъачкъала: Дагучпедгиз, 1981. – 88 с.
60. Даибова К.Х. Фразеология кумыкского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1973. – 23 с.
61. Дамман Е.А. «Концепт «поведение человека» в английской языковой картине мира» // Международный научно-исследовательский журнал. Выпуск № 5(5), филологические науки, 2012. – С. 74–76.

62. Даутова Ф.И. Фразеологические единицы с компонентами «баш» и «голова» в кумыкском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2014. – 24 с.

63. Даутова Ф.И. Фразеологические единицы с компонентами *баш // голова*, выражающие интеллектуальные способности человека в кумыкском и русском языках// *Фундаментальные исследования*. – 2014; № 3-4. – С. 886 – 890.

64. Даутова Ф.И., Гаджихмедов Н.Э. Кумыкская фразеология: современное состояние и перспективы изучения // *Современные проблемы науки и образования*. –2014. –№2; URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=12544> (дата обращения: 03.09.2021).

65. Дмитрива А. И.. Фразеосемантическое поле цели жизни человека: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008. – 180 с.

66. Донова О. В. Фразеологизмы в системно-структурном и антропоцентрическом аспектах: на материале русского и китайского языков: автореферат дисс. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2011. – 25 с.

67. Дыбо А.В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс). – М.:ИД "ЯСК", 1996. – 389 с.

68. Едалина А. А. Семантико-мотивационная организация лексического множества «Качественная характеристика человека по отношению к собственности» (на материале русских народных говоров): дис. канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2015. – 256 с.

69. Жарашуева З.К. Вопросы фразеологии современного карачаево-балкарского языка: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Баку, 1973. – 24 с.

70. Жуков В.П. Русская фразеология. Учебное пособие для филолог. спец. вузов. – М.: Высшая школа, 1986. – 310 с.

71. Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов: Учеб. пособие для студ. пединститутов. – М.: Просвещение, 1978. – 160 с.

72. Зубайылова Р. М. Образование сложных слов в кумыкском языке: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Махачкала, 2005. – 22 с.

73. Ибрагимов М.Р. Фонетико-морфологическое освоение кумыкских заимствований в современном даргинском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2009. – 19 с.

74. Ибрагимова Э. Р., Сагитова А. Г. Фразеопарадигмы с компонентом *лицо* «йөз» в русском и татарском языках // Ислам и тюркский мир: проблемы образования, языка, литературы, истории и религии. – Елабуга, 2016. – С. 234-236.

75. Иванова М. Г. Структурные, функциональные и динамические характеристики психологического здоровья личности: автореф. дис. ...психол. филол. наук. – СПб, 2010. – 242 с.

76. Идрисова Н.П. Фразеологические единицы со значением качественной характеристики человека в аварском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2007. – 157 с.

77. Исмаилова Л. Г. Национально-культурная специфика реализации эмотивной регуляции в коммуникативном дискурсе (на материале азербайджанских фразеологизмов): автореф. дис. ...канд. филол. наук. – М., 2017.– 228 с.

78. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография [Текст] / Ю. Н. Караулов, АН СССР, Отд-ние литературы и яз., ИЯ. – М.: Наука, 1976. – 354 с.

79. Кахирова Н. А. Контекстуальная реализация фразеологических значений в авторской художественной речи: на материале прозы К. Абукова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Нальчик, 2016. – 22 с.

80. Качалаева М.А. Семантические особенности глагольных компаративных фразеологических единиц в кумыкском и английском языках // Вестник АГУ. Выпуск 1 (134) 2014. – С. 53-57.

81. Кенесбаев С. К. Устойчивые сочетания слов казахского языка: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – Алма-Ата, 1944. – 48 с.

82. Кечилоол С. В., Саая О. М. Особенности фразеологизмов с компонентом «Ухо» в тувинском языке в сопоставлении с русским 2016 / Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2016, ч.2. –С. 107-109.
83. Коваленко Е. Г. Фразеологизм как средство характеристики моральных качеств личности: дисс. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2002. – 222 с.
84. Кодухов В.И. Лексико-семантическая группа слов. – М.,1956. – 28 с.
85. Копыленко М.М. Очерки по общей фразеологии. – Воронеж, 1989. – 190 с.
86. Копыленко М.М. Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии: фразеосочетания в системе языка. Изд. 2-е. – М.: КД «ЛИБРОКОМ» 2010. – 192 с.
87. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии: Проблемы, методы, опыты. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1978. –144 с
88. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. –М., 2003. – 349 с.
89. Косякова Ю.Г. Фразеологические единицы эмотивной семантики как фрагмент национальной языковой картины мира: дисс. ...канд. филол. наук. – Омск, 2006. –218 с.
90. Крейдлин Г.Е. Походка – концепт и слово // Экология языка и коммуникативная практика, 2016. –№ 2. – С. 127 –142 .
91. Крейдлин Г.Е. Типология русских походов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2017» Москва, 31 мая - 3 июня 2017. [<http://www.dialog21.ru/media/39>].
92. Кубасова А.О. Образная характеристика человека в румынском языке через сравнения с животными и зоометафоры: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2008. – 24 с.
93. Кузнецова Э.Л. ЛСГ слов и методы её описания // Актуальные проблемы лексикологии. – Новосибирск, 1969.

94. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка 2-е изд., перер. – М.: Высш. шк., – Дубна: ИЦ "Феникс", 1996. – С. 381 с.
95. Кусова М. Л. Социальный аспект характеристики человека через призму отрицательных фразеологических единиц // Язык. Система. Личность. – Екатеринбург, 2000. – С. 84- 87.
96. Лайпанова З. А. Структурно-семантические особенности фразеологических единиц с соматическим компонентом в карачаево-балкарском языке в сопоставлении с русским: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Махачкала , 2007. – 186 с.
97. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
98. Левитов Н.Д. Психология характера [Текст]. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1969. – 424 с.
99. Леонтьева Т. В. Интеллект человека в русской языковой картине мира. – Екатеринбург, 2008. – 280 с.
100. Ли Чунъли. Сопоставительный анализ фразеологизмов, выражающих характер человека, в русском и китайском языках: дис. ...канд. филол. наук. – М., 2018. – 249 с.
101. Лиеу Тхи Хонг Фук. Лингвокультурологический анализ русских фразеологических единиц, характеризующих человека и его окружающий мир: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2016. – 25 с.
102. Лукашевич Н.Ю. Когнитивно-семантический анализ предикатов, обозначающих черты характера человека: дис. ...канд. филол. наук. – М., 2004. – 208 с.
103. Лызлов А.И. Оценочные признаки концептуального образа «ложь» в паремиях английского и русского языка // Преподаватель 21 век. № 1-2, 2017. – С. 361 – 371.

104. Ма Лин. Фразеологизмы, характеризующие психоэмоциональное состояние человека, как репрезентанты русской и китайской языковых картин мира: дис. ...канд. филол. наук. – Уфа, 2017. – 169 с.
105. Магомедова М.А. Лексико-семантическое освоение кумыкских заимствований в даргинском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2005. – 20 с.
106. Мазаел Одай Интеллектуальные качества человека в зеркале русской фразеологии: дис. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2014. – 142 с.
107. Марков Б.В. Храм и рынок: Человек в пространстве культуры. – СПб: Алетейя, 1999. – 304 с.
108. Марьяненко Д. А. Черты личности и особенности актуальной самооценки: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2006. – 147 с.
109. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие. 3-е изд., перераб., доп. Минск: ТетраСистемс, 2008. – 272 с.
110. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: ИЦ «Академия», 2001. – 82 с.
111. Маслова В.А. Экспериментальное изучение национально-культурной специфики внешних и внутренних качеств человека (на материале киргизского языка) // Этнопсихолингвистика. – М., 1988. – С. 118–125.
112. Махмудова Г.Ч. Фразеология тюркских языков кыпчакской группы. – Баку, 2009. – 296 с.
113. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи: Около 1000 единиц. 2-е изд., стереотип. – М.: Русские словари, 2001. – 856 с.
114. Милашевская И.В. Концептуальная метафора голова – вместилище // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, Филология 2011, № 6 (1). – С. 360–363.
115. Мирзалиева М.М. Теоретические проблемы фразеологии тюркских языков. – Баку, 1995. – 146 с.

116. Мирзалиева М.М. Фразеология тюркских языков. – Баку, 2009. Т. 1. – 220 с.
117. Мирсаетова Л. А. Образ человека во фразеологической картине мира в татарском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2004. – 165 с.
118. Михайлова О.А. Фразеосемантическое поле «прекращение жизни человека» в русском и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб, 1995. – 15 с.
119. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. – М.,1989. – 286 с.
120. Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. – Л.: Наука, 1977. – 281с.
121. Мугидова М.И. Соматические фразеологические единицы кумыкского и русского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2005. – 21 с.
122. Муратов Н.С. Устойчивые словосочетания в тюркских языках. – М : Изд-во вост. лит., 1961. – 131 с.
123. Мусаева П. Г. Фразеологические и паремиологические единицы с компонентом-зоонимом лакского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2008. – 230 с.
124. Муташева Г.Р. Антонимы и антонимические отношения в лексике и фразеологии кумыкского и русского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2010. – 22 с.
125. Нелунов А. Г. Якутско-русский фразеологический словарь / Сост. А. Г. Нелунов. Т. 1. – Новосибирск, 2002. – 287 с.
126. Николина Е. В. Соматические фразеологизмы, характеризующие человека, в тюркских языках Сибири и казахском : автореф. дисс. ... кандидата филологических наук . – Новосибирск, 2002. – 26 с.
127. Николюкина Т. М. Русские фразеологические средства нравственной характеристики человека : дисс. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2007. – 279 с.

128. Нургалина Х.Б. Функционирование фразеологических единиц в башкирской художественной литературе: дисс. ...канд. филол. наук. – Уфа, 2002. – 158 с.
129. Ольмесов Н.Х. Соматические термины в диалектах кумыкского языка (структурно-семантический анализ) // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: соматические термины. – Махачкала, 1986. – С. 116–118.
130. Подгорная В. В. «Наивная анатомия» в английской языковой картине мира: автореф. дисс. ...канд. филол. наук. – СПб, 2016. – 22 с.
131. Покровская Е.Н. Фразеологические единицы со значением психического состояния человека в русском языке. (В сопоставлении с украинским): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Киев 1977. – 21 с.
132. Почиталкина Н. Е. Фразеологизмы признака-репрезентанты эмоционального состояния лица или живого существа в современном русском языке: на материале текстов разных жанров: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Челябинск, 2011. – 24 с.
133. Пристром М.С., Пристром С.Л., Семенов И.И., Старение физиологическое и преждевременное. Современный взгляд на проблему. Текст научной статьи по специальности «Науки о здоровье». № 2, 2015. – С. 36–45.
134. Пюльзю Е. А. Метафорическая лексика в структурно-семантическом аспекте: по материалам севернорусских говоров: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Петрозаводск, 2008. – 22 с.
135. Рагимзаде Н.Р. Идиоматические выражения в азербайджанском языке: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Баку. 1967. – 18 с.
136. Рахматуллаев Ш. Некоторые вопросы узбекской фразеологии: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – Баку, 1970. – 34 с.
137. Рахматуллаев Ш.У. Некоторые вопросы узбекской фразеологии: автореф. дис. ...докт. филол. наук. – Ташкент, 1966. – 38 с.

138. Райхштейн А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии: (Для ин-тов и фак. иностр. яз.). Учеб. пособие для пед. ин-тов. – М. : Высш. школа, 1980. – 143 с.
139. Розенталь Н. Д. Характеристика лексем лексико-семантической группы «движение» во французском языке // Проблемы современной науки и образования. – № 2 (32), 2015. – С. 69-72.
140. Ройзензон Л. И. Лекции по общей и русской фразеологии: Учеб. Пособие. – Самарканд, 1973. – 223 с.
141. Ройзензон Л.И. Русская фразеология [Текст] : Учеб. пособие. – Самарканд: Самарк. ун-т, 1977. – 119 с.
142. Рэнчин Батсурэн. Отображение универсальных и этноспецифических черт языковой картины мира в фразеологических фондах английского, русского и монгольского языков : на материале фразеологизмов-соматизмов и зоонимов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2010. – 26 с.
143. Садыкова С.З. Соматические цветофразеологизмы с компонентом «лицо» в современном кумыкском языке в сопоставлении с английским языком // Проблемы современной науки и образования. 2013. –С. 96 - 98.
144. Садыкова С.З. Фразеологические единицы с компонентом цветообозначения в кумыкском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2012. – 21 с.
145. Садыкова С.З. Цветофразеологизмы с компонентом соматизмом в современном кумыкском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. № 9 (27): в 2-х ч. Ч. I. – С. 150-154.
146. Саидова Г. С. Реализация концепта «поведение человека» в идиоматической картине мира кумыкского, русского и английского языков // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Москва, июнь 2016 г.). – М.: Буки-Веди, 2016. – С. 91 – 92.

147. Сайтова Э.М. Имена лиц во фразеологической картине мира (на материале немецкого, русского и башкирского языков): дис. ...канд. филол. наук. – Уфа, 2007. – 160 с.

148. Сайфуллин И.Т. Устойчивые словосочетания в современном уйгурском языке: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Л., 1953. – 16 с.

149. Сакаева Л.Р. Сопоставительный анализ фразеологических единиц антропоцентрической направленности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2009. – 23 с.

150. Салихова И. М. Сопоставительно-типологический анализ и актуальные проблемы русско-дагестанской двуязычной лексикографии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2000. – 18 с.

151. Сапукова Г.К. Соматические фразеологизмы, характеризующие человека, в кумыкском языке // Мир науки, культуры, образования. № 1 (80), 2020. – С. 352 – 355.

152. Сельмурзаева Х.Р. Лексико-семантическое освоение тюркских заимствований в чеченском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2012. – 20 с.

153. Середина О. Е. Семантические и лингвокультурологические особенности английских фразеологических единиц с семантическим полем "Межличностные отношения": дисс. ... канд. филол. наук: – СПб., 2001. – 178 с.

154. Сироткина И.В. Языковые средства создания образности фразеологизмов, выражающих печаль, в русском и английском языках // Вестник ЧГПУ, 2012, № 1, 2012. – С. 305 – 313.

155. Солодуб Ю.П. Национальная специфика и универсальные свойства фразеологии как объект лингвистического исследования // Филологические науки. – 1990. – № 6. – С. 55 – 65.

156. Солодуб Ю.П. Русская фразеология как объект сопоставительного структурно-типологического исследования: (На материале фразеологизмов со

значением качеств. оценки лица): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1985. – 31 с.

157. Сулаймонова М. А. Фразеологические единицы качественной характеристики человека в немецком и узбекском языках: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Душанбе, 2005. – 24 с.

158. Тагиев М.Т. Глагольная фразеология современного русского языка [Текст]: (Проблемы окружения и распространения фразеол. единиц): автореф. дис. ...д-ра филол. наук. – Баку, 1967. – 53 с.

159. Тарханова Т.В. Системные отношения в лексико-сематической группе (на материале ЛСГ прилагательных, обозначающих умственные способности человека, в соврем. англ. яз.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Одесса, 1988. – 15 с.

160. Телия В.Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию)// Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. – М.: Наука, 1993. – С. 302-314.

161. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

162. Телия В.Н. Фразеология в аспекте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 336 с.

163. Тузлу А.М. Эмоции и чувства человека во фразеологии (на примере турецкого и английского языков). – Казань, 2012. – 220 с.

164. Тюнтешева Е.В. Человек и его мир в зеркале фразеологии (на материале тюркских языков Сибири, казахского и киргизского). – Новосибирск, 2006. – 225 с.

165. Ураксин З. Г. Фразеология башкирского языка. – Уфа, 1975. – 196 с.

166. Филимонова Н. В. Фразеологизмы, номинирующие человека по чертам характера, в русском и немецком языках: структурный и семантический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2011. – 24 с.

167. Фокина А. А. Семантика фразеологизмов тематической группы "мыслительная деятельность человека" (на материале русского, марийского и английского языков) // Вестник Марийского государственного университета. – № 1 (13), 2014. – С. 162–167.
168. Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произведений / Сост., науч. ред., авт. вступ. ст. М. Г. Ярошевский. – М.: Просвещение» 1990. – 448 с.
169. Фридман С.А. Человек. Характер и поведение. Толковый словарь. – М. Мнемозина, 2003. – 430 с.
170. Хабибуллина А. Э. Фразеологические единицы, выражающие состояние человека, в русском, английском и татарском языках: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Казань, 2010. – 18 с.
171. Хайруллина Р. Х. Фразеологическая картина мира: от мировидения к миропониманию. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2000. – 285 с.
172. Харитоновна Е.Ю. Лексикографическое описание лексико-фразеологического поля "Черты характера человека": на материале современного немецкого языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2005. – 20 с.
173. Худенцова О. В. Особенности фразеологических единиц с флористическим компонентом: семантический и функциональный аспекты: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2008. – 17 с.
174. Червоный А. М. Выражение интеллектуального уровня субъекта французскими и английскими фразеологизмами // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 2–1 (32), 2014. – С . 197–201.
175. Чернов М.Ф. Изучение тюркской фразеологии в работах советских тюркологов // Советская тюркология. 1978. № 1. – С. 85-95.
176. Чжан Хун. Лексико-тематическое представление внешнего облика человека в современном русском языке: функционально-семантический аспект : на фоне китайского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2007. – 22 с.

177. Чжоу Хань Жуй. Фразеологизм как этнокультурный феномен: лингвострановедческий аспект : на материале китайского и русского языков : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Майкоп, 2014. – 20 с.
178. Чжэн Гуанцзе. Фразеология тела в русском языке глазами носителя китайской лингвокультуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2013. – 23 с.
179. Чумакаев А.Э. Фразеологические единицы со значением качественной характеристики и состояния лица в алтайском языке в сопоставлении с русским: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2002. – 18 с.
180. Шаваева Ш.А. Зоонимическая лексика карачаево-балкарского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Нальчик, 2009. – 23 с.
181. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1985. – 160 с.
182. Шанский Н.М. Опыт этимологического словаря русской фразеологии. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 2012. – 237 с.
183. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. – М.: Либроком, 2010. – 265 с.
184. Шахманова Б.Г. Морально-этический концепт «совесть» в кумыкской и русской языковых картинах мира. – Махачкала, 2009. – 161 с.
185. Шерина Е.А. Национально-культурная специфика образной лексики русского языка (на материале собственно образных слов, характеризующих человека): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2010. – 22 с.
186. Штар Э. Концепт «сердце» в русских и немецких фразеологизмах // VI Всероссийская научно-практическая конференция «Научная инициатива иностранных студентов и аспирантов российских вузов». 24-26 апреля 2013 г. Томск, 2013. – С. 374 – 379.
187. Юй Фэнин. Устойчивые сравнения, характеризующие лицо человека, в русской языковой картине мира (на фоне китайского языка): дис. ... канд. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2016. – 255 с.

188. Яхьяева З.Б. Религиозная лексика и фразеология кумыкского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2010. – 23 с.

189. Pröhle W. Balkarische Studien-I // Keleti Szemle, №15. Budapest, 1914-1915.-S.165-276.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бамматов Б.Г. Гаджихмедов Н.Э. Кумыкско-русский словарь. – Махачкала: ДНЦ РАН, 2013.

2. Боргоякова Т. Г. Краткий хакасско-русский фразеологический словарь. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 1996. – 144 с.

3. БТРС – Большой турецко-русский словарь / сост. А.Н. Баскаков и др. – 3-е изд. – М.: Живой язык, 2006. – 960 с.

4. Гаджихмедов Н.Э. Кумыкско-русский словарь пословиц и поговорок. – Махачкала, 2015. – 304 с.

5. Даибова К.Х. Кумыкско-русский, русско-кумыкский фразеологический словарь. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1981. – 99 с.

6. Даибова К.Х. Къумукъ тилни къысгъа фразеология сёзлюгю. – Махачкала, 1973. – 84 с.

7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. / В.И. Даль; совмещ. ред. изд. В.И. Даля и И.А. Бодуэна де Куртенэ. – М.: Олма-Пресс: Крас. пролетарий, 2004. – 700 с.

8. КРФС Гаджихмедов Н.Э. Кумыкско-русский фразеологический словарь. – Махачкала, 2014. 256 с.

9. Магомедов А.Г. Кумыкско-русский словарь. – М.: «Советская энциклопедия», 1969. – 408 с.

10. НогРС Ногайско-русский словарь. Под редакцией Н.А. Баскакова, около 15 000 слов. – М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1963. – 562 с.

11. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1990. – 939 с.

12. СРЯ Словарь русского языка. Гл. ред. А.П. Евгеньева. Изд. 3-е, стер. – М.: Русский язык, 1985-1988.

13. ФСРЛЯ Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13000 фразеологических единиц. - 3-е изд., испр. – Москва: АСТ: Астрель, 2008. – 878 с.

ИСТОЧНИКИ ЦИТИРОВАННЫХ ПРИМЕРОВ

1. Абуков Камал. Мен гюнаглыман, Марьям. – Магъачкъала: Дагкнигоиздат, 1972.

2. Альбериев Шарип. Сержантны хабары. – Магъачкъала: Дагучпедгиз, 1956.

3. Атагишиева Зумрут. Алтын кёпюр. – Магъачкъала: Эпоха, 2006.

4. Атаев Баммат. Шавхалны гиччи уланы. – Магъачкала, 1998.

5. Атаева Зарипат. Юртумну къатынлары. – Магъачкъала: Дагкнигоиздат, 1980.

6. Батырмурзаев Нугъай., Батырмурзаев Зайналабит. Тангчолпанлар. – Магъачкъала, 1989.

7. Гереев Ю. Избранное.Шималдан гелген язбаш. –Магъачкъала. 2009.

8. Гьамитов Аабзайдин. Сайламлы асарлары. – Магъачкъала, 2004

9. Закавов Жават. Танггъа ачылгъан эшик. – Магъачкъала, 2007.

10. Ибрагъимов-Къызларлы. Аманхор. Тарихи роман. – Магъачкъала, 1976.

11. Керимов И. Йырчы Къзакъ. – Магъачкъала: Дагкнигоиздат, 2008.

12. Керимов И. Тик толкъунлар. – Магъачкъала: Дагкнигоиздат, 1994.

13. Къурбанов Амир. Пьесалар. – Магъачкъала: Дагкнигоиздат, 1963.

14. Мамаев Абас. Борагъанлар. – Магъачкъала. 1991.

15. Мантаева У. Биринчи язбаш. – Магъачкъала: Дагкнигоиздат, 1988.

16. Салаватов Алимпаша. Айгъази. – Магъачкъала: Дагкнигоиздат, 1985.
17. Халилов Магъамматнаби. Маслагъат. Сегиз сатырлыкъ шиъруланы жыйымы. – Магъачкъала, 2009.
18. Хангишиев Магъаммат. Рашит булан Разият. – Магъачкъала, 1976.
19. Шамсутдинов Къурманали. Досланы тавушу. – Магъачкъала: Дагучпедгиз, 1986.
20. Ягъияев Магъамматсолтан. Оълумден уьст болгъанлар. – Магъачкъала: Дагкнигоиздат, 1968.